

ЮНОСТЬ

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Выходит с июня 1955 г.

№7 (714) 2015

«ЮНОСТЬ» © С. Краусаускас. 1962 г.

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный товарный знак, являющийся собственностью трудового коллектива редакции журнала «Юность».

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

Наша почта: unost-contact@mail.ru

Наш сайт: <http://unost.org>

Страница на «Фейсбуке»:

<https://www.facebook.com/unost>

Главный редактор

Валерий ДУДАРЕВ

Редакционный совет:

Ильдар АБУЗЯРОВ
Анатолий АЛЕКСИН
Лев АННИНСКИЙ
Зоя БОГУСЛАВСКАЯ
Анна ГЕДЫМИН
Борис ЕВСЕЕВ
Тамара ЖИРМУНСКАЯ
Елена ИСАЕВА
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Валерий КОЗЛОВ
Владимир КОСТРОВ
Нина КРАСНОВА
Татьяна КУЗОВЛЕВА
Евгений ЛЕСИН
Георгий ПРЯХИН
Владимир РАДЧЕНКО
Ольга РЫЧКОВА
Елена САЗАНОВИЧ
Александр СОКОЛОВ
Борис ТАРАСОВ
Елена ТАХО-ГОДИ
Олег ТОЛКАЧЕВ
Игорь ШАЙТАНОВ
Андрей ШАЦКОВ

Редакционная коллегия:

заведующая отделом образования и молодежной политики
Славяна БАКУНИНА
обозреватель
Платон БЕСЕДИН
главный художник
Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ
заведующая отделом критики
Елена МАКСИМОВА
заведующая отделом культуры
Татьяна МАХОВА
заместитель главного редактора, заведующий отделами прозы и поэзии
Игорь МИХАЙЛОВ
заведующий отделом зарубежной литературы
Евгений НИКИТИН
консультант главного редактора
Евгений САФРОНОВ
директор по развитию, ответственный секретарь
Светлана ШИПИЦИНА

В НОМЕРЕ:

Поэзия

Иван КОНОВАЛОВ 4

Ксения ЕМЕЛЬЯНОВА 43

Проза

Юлия БОДНАРЮК

ВИРАЖ Роман 27

Ирина МАРТОВА

РАССКАЗЫ 52

Георгий ПРЯХИН

MORITURI TE SALUTANT! Роман. Продолжение 67

Ермек АМАНШАЕВ

СЫН Маленькая повесть 83

Что возмutilo вас?

**ОБРАЩЕНИЕ К МИНИСТРУ КУЛЬТУРЫ РФ
МЕДИНСКОМУ В. Р. ПО ПОВОДУ ИЗГНАНИЯ
ИЗ КАРАБИХИ ПОЛЕЖАЕВОЙ Т. А.** 19

Страницы Льва Аннинского

ЗАМЕТКИ НЕИСТОРИКА

ЧЕМПИОНКИ СПРОСА. ЧИТАТЬ? НЕ ЧИТАТЬ?
Продолжение 25

ЗАМЕТКИ НЕТЕАТРАЛА

ТАКОГО ЧЕХОВА Я ЕЩЕ НЕ ВИДЕЛ 26

100 книг, которые потрясли мир

Елена САЗАНОВИЧ

**ТЕОДОР ДРАЙЗЕР. «АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ»
АМЕРИКАНСКОЙ МЕЧТЫ** 48

Всякая всячина

Николай МИТРОФАНОВ

**ПО СЛЕДАМ СВИРЕПЫХ РАЗБОЙНИКОВ
ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ ГОБИ** 64

Как беден наш язык!

ПОЖАЛУЙСТА, ГОВОРИТЕ ПО-РУССКИ!

Марианна ТАРАСЕНКО

**КАРАВАЙ, КАРАВАЙ,
СЛОВО ТОЧНО ВЫБИРАЙ** 81

Заведующая редакцией

Лидия ЗЯБКИНА

Заведующий отделом информации
Игорь РУТКОВСКИЙ

Специальный корреспондент
Екатерина КОРНЕЕНКОВА

Отдел юмора
Генрих ПАЛОЯН

Представитель в Санкт-Петербурге
Максим КОРШУНОВ

Редактор-корректор
Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление
Наталья ГОРЯЧЕНКОВА
Мария ПЯТЫХ

Фотокорреспондент
Антон ШИПИЦИН

Главный бухгалтер
Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа
Лариса МЕЛЬНИКОВА

Заведующая отделом рукописей
Ирина УШАКОВА

Интернет-версия
Максим ПОПОВ

Заведующая отделом распространения
Яна КУХЛИЕВА

Дежурные по редакции
Людмила ЛОГАЧЕВА
Татьяна СЕМЕНОВА
Татьяна ЧЕРЫГОВА

Координатор литературного
объединения

Марина КУЛАКОВА

Администратор
Зинаида ПОТАПОВА

Былое и думы

Сергей БЫЧКОВ

ОТМЫВАНИЕ ЖЕМЧУЖИН

Опыт художественного расследования. Продолжение **98**

Уноземный сюжет

РУБРИКУ ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ НИКИТИН

Мэри Элеонор УИЛКИНС-ФРИМЕН

ПРИЗРАК СЕМИПАЛА **109**

Лицом к лицу

МНОГОПАРАМЕТРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕЧАТИ

Беседу с главой ОАО «Санкт-Петербургский газетный комплекс»

В. С. Тумановым вела Кристина Финогенова **112**

Творческий конкурс

Анна СЕВЕРИНЕЦ г. Минск **115**

Инна АЛЕКСАНДРОВА г. Москва **118**

Татьяна МЕДИЕВСКАЯ г. Москва **121**

Сергей ШУВАЛОВ г. Москва **126**

Тамара АЛЕКСЕЕВА г. Липецк **131**

Зулкар ХАСАНОВ г. Калуга **141**

В конце концов

ДЕТЕКТИВ НА НОЧЬ

Валерий ИЛЬИЧЕВ

НЕВОЛЬНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ Продолжение **143**

ЗЕЛЕНый ПОРТФЕЛЬ

Ирина МИРОНОВА

ХАЛАТ Из жизни горожанина **153**

ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ

Галка ГАЛКИНА

ПРОСНИСЬ, КАНАДА! **155**

VERIORA VERIS

Проказник ГЕО, человек-санкция

ГРИБОЧКИ И ПЕНЕЧКИ **156**

Лиц. Минпечати № 112.

Адрес редакции:

Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8, стр. 1.

Для почтовых отправлений:

125047, Москва, а/я 182, «Юность».

Тел.: +7 (499) 251-31-22,

+7 (499) 250-83-98,

+7 (499) 250-40-72,

тел./факс: +7 (499) 250-40-60

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Авторы несут ответственность
за достоверность предоставленных
материалов. Мнения автора
и редакции могут не совпадать.

При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Юность» обязательна.

Отпечатано в «Академиздатцентр
«Наука» РАН», ОП ПИК
«ВИНИТИ»–«Наука»

140014, Люберцы, Московская обл.,
Октябрьский пр., 403

Тел. +7 (495) 554-21-86

Тираж 6 500 экз. Формат: 60x84/8

Заказ №

Иван КОНОВАЛОВ

О себе

Родился в 1988 году в Ярославле, где окончил школу, а после — университет (ЯрГУ им. Демидова) по специальности «прикладная математика и информатика», с тех пор работаю программистом. Пишу со старших классов школы, начинал с прозы. Ранее не публиковался.

ЧУДО СРОДНИ ХРИСТИАНСКОМУ

Что такое поэзия? Это не стихи, потому что стихами можно записать сводку новостей, не напитав ее поэзией вовсе. С другой стороны — сколько найдется образчиков прозы, полной поэзии! Тогда что это? Много разных смыслов мы объединяем этим единственным словом.

Скажем, это то, что раньше не было доступно глазу, а прочитал — и стало. Сравнил же кто-то впервые сон со смертью, и мы не мыслим уже иначе — само сравнение вошло в язык, равно как и хлебниковский «летчик».

Это музыка звучащего слова — когда тонут в пруду крысы, увлекаемые цветаевским «Крысоловом», слова уже на грани потери смысла, но музыка звучит невероятной силы: такая, что невозможно не верить поющей, лгущей, ведущей на смерть флейте.

Поэзия — это сотворение мифа. «Сто лет одиночества» Маркеса — жизнь целого мира от сотворения до гибели, где то, что еще десяток страниц назад было обычной жизнью, обустройством быта, уже превращается в событие не меньшего значения, чем порыв, в котором кормящая Гера

оттолкнула Геракла от своей груди, и молоко разлилось Млечным Путем через весь небосвод.

Поэзия — это и наибольшая выразительность наименьшими средствами. Множество других слов заменят кушнеровские строки «Времена не выбирают, / в них живут и умирают».

Поэзия — это то, с чем только и можно переступить страх. Так Н. С. Гумилев писал, говоря о своих читателях, «Я учу их, как не бояться, / Не бояться и делать, что надо». И он в самом деле учил. О наступлении он писал: «Я кричу, и мой голос дикий. / Это медь ударяет в медь. / Я, носитель мысли великой, / Не могу, не могу умереть».

Поэзия — колдовство, переход из обычности в вечность, преображение мира словом.

Пушкин не ошибался — весь он не умер, но остался живой речью, подвижной мыслью, не мертвым памятником, но звуком лиры, которая, привлекая последователей, продолжается в них.

Итак, поэзия в высшем смысле — это преодоление смерти. Не ужаса перед смертью, но самой смерти, ибо это есть чудо сродни христианскому.

Иван Коновалов

На постсоветском

Гражданская война на постсоветском
И фронтовые сводки каждый день,
А над полями нависает тень
Отечественной — только на немецком

Гортанно и крикливо лаял враг:
Теперь не так. Уже давно не так.
По обе стороны родной язык,
И внятен каждый возглас, каждый крик.

Сказал бы кто — не верил бы пророку,
Но началась гражданская война.
Страна была одна, судьба — одна,
Но время мощно катит воды к сроку

Через порог, как темная река,
И отражает автомат стрелка,
И рябью покрывается под рев
Тяжелой артиллерии — и вдов.

Исход

Мы не строим дворцов и замков — напрасный труд,
мы усвоили крепко-накрепко — разнесут.

Уж как прочно стояли стены в последний раз —
все равно наш огонь священный во тьме погас.

Все равно осквернили храмы, убив жрецов,
и опять проклинаям сами своих отцов,

значит, время на поруганье оставить дом,
сжечь посевы, уйти в изгнанье немим скотом,

черной лавой, толпою, тьмою, в леса в поля,
оставляя жилье разбою и ковылям,

отдавая земле угрюмую дань могил,
все, гонимые злыми думами, как один.

Саранчой полетим по землям, чумой, бедой,
смерти нету, да и зачем нам теперь покой,

за надежды, что ваши кони втоптали в грязь
мы заплатим большой ценою и не скупясь,

Только если Тебе, о Господи, дорог мир,
сохрани же его от пропасти, поверни,

все разрушь, но оставь во храме гореть огонь.
Все равно мы уйдем в изгнание, но — с Тобой.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОСВЕНЦИМА

Древние! Претворилось каждое ваше слово
в жизнь: и земля иссохла, небо покрылось пеплом,
мертвые тянут руки из-за ограды. Взломан,
взломан, раскрыт, распахнут вход преисподний. Слепо

переступая, слабой тенью души и плоти
первый мертвец выходит к тем, что попрали смертью
смерть (ибо то, что было раз, повторится, хоть и
вовсе не так, как прежде, — вовсе не так, поверьте).

Кожей костяк обтянут, синий учетный номер
выколот, из провалов темных глазниц сверкают
искры надежды. В дальнем артиллерийском громе,
как в грозových раскатах над истомленным краем,

слышится рев сраженья. Красной, пятиконечной
меченные звездой, на запыленных крыльях,
сложенных неудобно по рюкзакам заплечным,
на боевых машинах в бездну сойдя, открыли

смерти самой ворота. На преломление судеб,
посередине века, обобществлен, разделен,
как котелок солдатский, явленный на распутье
Бог проломил ворота, как на причастье, в теле,

многими разделенном. Тень обретает голос,
мертвый воскреснул жизни, с боем прошли солдаты,
смертию смерть поправ. Так древние из прокола
времени разглядели — не указали даты,

но рассказали — как.

ТОЛЬКО ВПЕРЕД

Только вперед!.. Вперед — мне ли,
которого взгляды всегда в прошлое?
Не иномарки вокруг свистели —
тянули повозки устало лошади.
Не пробки и возглас сигнально-резкий —
бубенчики под дугой цокали,

и свист кучерской, и ржавой железкою
брошено сердце на камни мокрые.
А я посреди города звяканья,
ярусов башен, тенет кабельных
вижу, как прошлое пишет знаками, —
и я читаю их правильно.
Так проверни колесо, история!
Меня, отставшего, впереди высмотри,
догнать пытайся, кричи «Постой!», а я
к этому времени замок выстрою.
Ибо я внял чертежам зодчего
и воздвигаю угрюмо, медленно
храм, головою — во славу Отчую —
поднятый в небо, что снегом белено.
И из бетона, стекла и стали,
пластмассы штампованной — нет пошлого! —
древнего храма стены встали.
Только вперед — через тень прошлого.

Гость

В сумерках предутренних, преднощных
в старом доме наступает мрак,
поднимается по лестнице непрочной
на чердак.

Шепчет что-то вкрадчиво и тихо,
то грозитя, то наград сулит,
и чердачное, прикормленное Лихо
отворит.

Скрипнут дверцы платяного шкафа,
хлопнет рамой старое окно —
мне, приученному к полунощным страхам
все равно.

Знаю, что мой гость, поторговавшись,
подберет себе наряд чудной,
чтобы встретиться на колокольной башне
днем со мной.

Вздвогнув, я по голосу узнаю —
поклониться мне едва успев,
мною написанные строки прочитает
нараспев.

В гуле колокольном растворится
он, когда седой старик-звонарь
выйдет бить в колокола, как над столицей
били встарь.

К дому возвратившись на закате,
 поднимусь поспешно на чердак
 и примерю мраком пахнущее платье.
 Просто так.

ЦЕРКВУШКА ПРИ КЛАДБИЩЕ

Церквушка при кладбище, сумрак ночной,
 сидим со священником. Неторопливо
 ведем разговор. На кладбищенских криво
 стоящих крестах отразился больной,

чахоточный отсвет. По мглистому небу
 карабкался месяц. Осеннюю хмарь
 с ее колдовством разогнал бы звонарь
 (а может, и он разогнать не сумел бы) —

но нет звонаря, а хозяйскому псу
 хандры не прогнать — только воет тоскливо,
 и ключья тумана запутались в ивах,
 и ворон уселся на дальнем кресту.

Тут, хитро прищурившись, старый священник
 сказал мне: «Разбойник недавно усоп,
 отпели его, заколоченный гроб
 спустили в могилу, а этот бездельник

с тех пор прилетает сюда, что ни ночь.
 То ждет, то кружится и каркает, словом,
 как будто ручной он», — и ворон с укором
 прокаркал тревожно и ринулся прочь.

«А то еще памятны сказки старушки,
 как будто так ведьмы покойникам мстят,
 что он-де предстать перед Богом и рад,
 а птица его не пускает, и души

таких вот проклятых блуждают в плену,
 да все это глупые сказки — и только».
 А пес выл тоскливо, протяжно и горько,
 и не было слышно ответа ему.

Уже холодало, и мой собеседник,
 зевнувши, сказал, что пора бы и спать,
 он долго возился, улегся в кровать,
 а я все смотрел, как спускается в ельник

завешенный тучами месяц, и как
 осенняя ночь покрывается мраком,
 я слушал, как старая плачет собака,
 как ворон вдали не уймется никак.

КНИЖНЫЕ ДЕТИ

О даже, слышите, даже если
страна, как старая ветошь, треснет,

взметнется серой дорожной пылью,
в степях осядет седой ковылью

и — к праху прах — она будет только
на непрочитанных книжных полках —

да, и тогда не умрет Россия!
Зрачок свой полночь безмерно ширя

в сырых подвалах, в чердачном хламе
при тусклом свете, как будто в храме,

она увидит мальчишек лица,
читающих за строкой страницу.

Живое слово умерших предков,
в стихи закрытое, будто в клетку,

упруго выпрыгнет, распрямится
и в восхищенные глянет лица.

И спросит Слово — вы что, забыли,
как мы мечтали о звездной пыли

на сапогах, проходящих смело,
как по Земле, по лицу Венеры?

Вы что, забыли, что мы не хуже
других народов держать оружие

умели и воевали славно,
и Смерть смотрела в глаза, как равным?

Отхлынет полночь, займется утро,
и небо севера будет мутно

глядеться вниз, а мальчишки снова
придут под вечер, чтоб слушать Слово!

Из пепла, праха, из ниоткуда
и, воскрешенья являя чудо,

страна воспрянет!.. О книжных детях
вслед за Высоцким решился петь я.

Язык

*Но любимые им серафимы
За его прилетели душой.*

Ирина Одоевцева

1.

Вырви колокола язык —
густо, звонко
звон летел, надрывался крик,
плач ребенка,
низким голосом благовест
лился в праздник,
нем, кто весть разносил окрест:
смертной казнью
хочешь — всех, государь, казни,
небо терпит.
Сундуки из твоей казны
пахнут смертью,
Кровью залитая парча
пригодится,
колокольной горит свеча
над столицей.
Вырви колокола язык,
вырви слово!
Видишь, как головой поник
произволу
царскому твоему народ
— ветер в поле —
покорился и держит рот
на запоре.
Псов спускай, разорь дворы,
шли в опалу,
укрепленья и башни срыв,
рой подвалы.
Только вовремя рви язык,
не промешкай —
из груди исторгает рык
онемевший.
Не смирен, будь хоть стар, хоть мал,
смотрит волком:
песне колокола внимал —
той, что смолкла!
А звериная немота
слов не дарит,
плачь у каменного креста,
государе.

2.

Голос чистый гудел как медь,
было, было!
Будто колокол начал петь
во всю силу!
Не поддавшись ни тьме ночей,
ни покою,
вырос, выдюжил, как ручей,
став рекою.
Желтоглазого за усы
дергал тигра.
Тигру томно, он пьян и сыт —
терпит игры.
Воин! Пули его груди
не касались.
Не врагом, а своим убит,
оказалось.
И расстрельный приказ кадык
дернул еле
Залп — и вырвали нам язык.
Онемели.

Зима

Зима есть попытка бессмертия гнили —
в морозы и грязь тверже каменных стен,
а память порошей, сверкающей пылью
слетает — и будет ли что-то взамен?
Не будет.

Зима не приходит сезонно — за летом,
за осенью, перед весной, в декабре, —
зима двадцать первого — жатва поэтов
трещала, и август стоял на дворе
багровый.

Порой, когда в доме не топят и осень
с дыханьем простуженным пьет молоко
последних туманов — удары наносит
небрежно белоперстовой рукой
тоска.

(Так Гоголь, стараясь согреться, сжигал
в камине бессмертные мертвые души,
безумия вод подступающий вал,
вал невской воды, за собою несущий
осадок из ила и тины речной,
песок отречения и вечный покой.)

Зима — когда душами топят камин,
 зима — николаевских цензоров свора,
 зима — когда взят англичанами Крым,
 и сам Николай был зимой и позором
 убит.

Зима — когда вешают дважды подряд,
 зима — когда призраки с поездом мчатся,
 зима — крепостные и роты солдат
 на первой железной дороге, у станций —
 мертвы.

Пусть слава поется зимой палачу,
 доносами шепчут зимой пересуды,
 тебе не прощу, никогда не прощу
 расстрел Гумилева и Блока простуду,
 зима.

ПРЕДАНИЕ

Переложение былины о богатырях Илье и Святогоре

*Да не так ли греческая земля,
 заперевшись в каменный Цареград,
 из могилы Киев благословя,
 умирала тысячу лет подряд?*

Их пути лежали в горах, в лесах,
 да в широких долах давным-давно,
 и сложил я песню об их делах,
 хоть и много песен, да все равно

расскажу о том, как тяжелый гроб,
 на котором надпись гласила,
 что в него ляжет, где бы он ни был, тот,
 кому здесь судьбой лежать суждено,

как стоял тот гроб на поляне и
 как нашли его Святогор с Ильей,
 прочитали то заклинание
 и решили в кости сыграть с судьбой.

Первым в гроб запрыгнул Илья: велик
 оказался тот и в плечах широк —
 да таких, как он, сюда мог троих
 положить, шутя, прихотливый рок.

Да и страшно, давит могильный мрак:
 — Не по мне хоромы! — кричит Илья.

Святогор в ответ:
— Вылезай-ка, брат,
к коробчонке этой примерюсь я.

Лег — и верно: точно ему под стать
гроб пришелся, будто его тут ждал.
— Примерять так, стало быть, примерять...
вон, в плечах не узок, в длину не мал...

А теперь накрой-ка меня, Илья,
крышкой той — обвыкнуться в темноте...
Силы нет вздохнуть... задыхаюсь я...
Скинуть бы ее... помоги-ка мне!

Да уже не сдвинуть и не столкнуть,
ни на волос больше не приподнять
эту крышку, словно какой-нибудь
злой колдун сумел ее так заковать,

а Илья и тужится и кряхтит,
напрягает силы, да все зазря.
День уж вышел весь и огнем горит
в небесах вечерних вовсю заря.

Святогор из гроба зовет Илью:
— Ты мой меч возьми, — наущает он,
— он расколет крышку, и я напьюсь
родниковой, свежей, живой водой.

Ох, как я напьюсь! Умирать не в мочь,
и как по горам похожу с тобой!...
Что же медлишь, брат? Уже скоро ночь...
А Илья в ответ:
— Меч тяжелый твой

не могу поднять, как ни силюсь, брат,
в нем все сорок будут мечей на вес.
И глядит устало он на закат,
да бросает взгляды на дальний лес.

Святогор зовет:
— Ты ко мне склонись,
силой я своей на тебя дохну!
Не спешит Илья, и темнеет высь,
вот последний всполох уж полыхнул.

Наконец, решился, и Святогор
на него дохнул, как и говорил,
и тогда рука меч, что до сих пор
не могла поднять, вдруг, набравшись сил,

занесла и рухнула, и сотряс
гроб удар, но вместо рубца стянул
его обод. Вот во второй уж раз
Святогор из гроба в Илью вдохнул

свою силу, снова удар, как гром,
в небесах отдался, и вот вторым
перехвачен ободом, в остальном
гроб стоит целехонек, невредим.

И опять зовет Святогор Илью:
— Наклонись ко мне, я в последний раз
на тебядохну, всю отдам свою
силу, сколько есть в этот смертный час.

А Илья ему отвечает:
— Брат,
мне довольно силы и той, что есть.
Святогор смеется:
— А ты ведь прав,
в третий раз в тебя я вдохнул бы смерть...

Ты иди, Илья, ты оставь меня,
видно, здесь погибнуть мне суждено.
Ты уздуними с моего коня
да в пусти в поля, расседлав его,

ты возьми мой меч и ступай, Илья,
подо мной земля уж не задрожит,
да хотя б порой поминай меня...
Ну, иди, Илья, оставайся жить.

Одиссея

...а вот бы ты послушался меня
и, повернув корабль, скорей причалил,
сбежал по сходням, заглянул случайно
в ближайшую питейную, кляня

несносную шумиху и веселье,
хмелея, пил бы тамошнее зелье,
себя забыл, но рано поутру
очнулся бы на собственном дворе,

отпился чаем с медом или с мятой,
как следует наелся отбивных
и не желал бы радостей иных,
с усмешкой вспоминая о проклятой

своей затее по морю блуждать;
из сундука заветную тетрадь
достал бы, положил перед собою,
не выдержал, пошел бы снова к морю,

но к вечеру вернулся бы домой,
а поутру отправился на службу,
и, может быть, уважив нашу дружбу,
мне написал десяток строк, а той,

что вот уж год, едва тебя завидев
бледнеет и прощает все обиды,
которые случайно ты нанес,
прислал кольцо, и вечный свой вопрос

о смысле жизни ловко растворил бы
среди домашних радостных затей,
среди обедов, праздников, детей...
Икон суровых золотые нимбы

все реже бы тревожили тебя,
но ты меня не слушаешь, губя
последнюю надежду на спасенье,
плывешь все дальше, оставляя земли...

Соленых волн тяжелая рука
перевернет кораблик твой, скорлупку,
трехмачтовик твой, парусник твой хрупкий,
сломает мачты и пробьет бока,

утащит вниз, в отчаянья пучину,
где рыбы, будто сон с гравюр старинных,
страшны, как прокаженный на пиру,
но, заклиная волны — «не умру!»,

ты в самом деле не погибнешь в бездне —
лишь солонее сделается кровь,
как труп раздутый, тайная любовь
всплывет в твоём сознание и исчезнет,

размытая соленою водой.
Твой взор привыкнет видеть пред собой
морских страшилищ щупальца и пасти,
но даже в бездне ты отыщешь счастье,

найдя сокровища, что нанесли
туда, на дно пучины преисподней,
ветра шайтана и ветра Господни,
топя и разбивая корабли.

Пешком по дну бредя и спотыкаясь,
таща сокровища, забыв усталость,
ты выйдешь к берегу под чаек стон
глубоководным чудищем из волн.

Появишься, огромными глазами
сверкая, задыхаясь без воды
и оставляя мокрые следы
повсюду. Ты, согласно предсказаниям,

которые так спешно я пишу,
зайдешь домой, тетрадь достанешь ту,
ту самую, заветную тетрадь,
и в ней запишешь то, что предсказать

я не берусь. Но, друг мой, помни свято
и в памяти прилежно сохрани,
как юности своей золотые дни, —
не так страшна окажется расплата,

за мореходство странное твоё,
когда не ты один, но мы вдвоем
опустимся в пучину вод, на дно,
где света нет, где страшно и темно.

НА РУБЕЖЕ

Не вините поэтов за самоубийство —
так бойца, пораженного пулей, нелепо
обвинять в отступлении. Канцеляристам
только дело и будет, что в жаркое лето,

сухостойное, пыльное лето господне,
от начала войны ровным счетом (проставить)
пал такой-то и там-то. И вечная память.
Похоронки с повестками почтой. Сегодня

с канцелярскою сухостью молнии блещут,
громовые раскаты над высохшей степью;
пахнет серой полынью, и ворона вещей
плач надорванный слышится. Много стерпят,

сторожа рубежи населенного края,
одинокие башни. Гортанные крики,
полушепоты духов пустыни, и дикий,
необъезженный ветер. Немыслимость рая

и немилость небес, и скребущую вьюгу,
прорицанья, юродивый, медленный ужас,

и росу поутру, и предательство друга
кое-как принимают, со временем рушась.

А возможно иначе. Вам нравится жемчуг?
А ныряльщиков легкие лопнуть готовы.
Отправляясь на поиски редкого слова,
распрощайся, как воин, идущий на сечу.

Удила слишком вольно отпущены, слишком...
Истончается слабая пленка сознания.
Не вините. Поэты оставили книжки
со стихами. В обмен на скупое признание.

Помехи

I

Так исчезает в радиоэфире
ответ на позывной, когда гроза
в закатной рыже-огненной порфире
ползет по небу. Силится сказать

приемник что-то, но шипит со свистом,
а передатчик долбит все равно...
Трещат разряды молний, и радисту
услышать бы, что в хрипы вплетено

простое «Здравствуй!» или «Как там небо?»,
но шум скребет и режет по ушам.
Вот-вот пробьется голос... или недо-
берется до приемника; и сам,

уже не зная толком, что он ищет,
меняя частоту за частотой,
радист подолгу слушает — и писчей
бумаги рядом лист лежит пустой.

II

Так женскому угоднику, повесе,
колдунья злая плюнула в глаза,
за то, что он насмешлив был и весел,
и едко высмеял ее, сказав

какой-то вздор, и проклятый старухой,
как будто зрение переменил:
певец, он видит бедность и разруху,
продажность женщин, праведность могил.

Он видит кровь в осадке винной пены
и не пленится больше красотой,
а в клятвах обещания измены
ему слышны, — и в городе покой

найти не в силах, он с сумой дорожной
уходит странствовать, а песен нет.
Он онемел — раскаявшись, безбожник,
молчанья перед Богом дал обет.

III

Вот так и я не слышу передачи
из-за грозы, шумящей в небесах,
вот так и мне смотреть на мир иначе,
чем в раздраженных видится глазах,

порой нельзя — и писчая бумага
лежит пустая: не о чем мне петь,
и я бреду куда-то, как бродяга,
под бури громыхающую медь.

ОТ РЕДАКЦИИ

Россия держится на подвижниках. В тяжелые, даже в смутные времена такие люди не захватывают власть, не грабят страну, не бегут за тридевять земель. Подвижники просто делают свое дело. Причем хорошо делают. Двадцать лет своей жизни отдала некрасовскому музею-заповеднику в Карабихе на ярославской земле Татьяна Александровна Полежаева. Работала в охотку не покладая рук! И домик дедушки Мазая выстроила, и областной ежегодный юношеский поэтический конкурс организовала, и все праздники некрасовские, все юбилеи великого поэта на ее хрупких плечах держались! Дневала и ночевала в усадьбе некрасовской Татьяна Александровна Полежаева, стихи некрасовские почти все наизусть знала, берегла память о поэте в самые трагические девяностые годы прошлого века. Словно сам Некрасов через время поручил Татьяне Александровне охранение своего имени и творчества. В том, что делала Полежаева, было какое-то метафизическое служение русскому гению! Казалось, так будет всегда. Казалось...

Наш журнал более десяти лет сотрудничал с музеем в Карабихе. И все это время Татьяна Александровна Полежаева поселяла радость в сердца людские и любовь к поэзии. Более того, Татьяна Полежаева просто стала символом Карабихи! И вдруг...

Татьяна Александровна Полежаева изгнана из некрасовской усадьбы без объяснения причин.

Господа и товарищи! Это не трудовой спор, не нарушение всех этических (да и эстетических) норм! Это случилась катастрофическая несправедливость! Представьте себе: двадцать лет своей жизни талантливый человек отдал, чтобы сберечь светлое имя Некрасова для потомков — и в один миг оказался на улице без средств к существованию, да еще с двумя детьми-подростками.

Нам только остается засвидетельствовать, что все десять лет нашего участия в мероприятиях в Карабихе ярославские власти так и не удосужились восстановить в некрасовском имении храм или построить хотя бы крышу над летним зрительным залом. Для организации музея дедуш-

Татьяна Полежаева в своей родной Карабихе

ки Мазая деньги, к примеру, выделял Сорос. Не стыдно?

Видимо, не стыдно и так называемому департаменту культуры Ярославской губернии, не стыдно и руководству некрасовской усадьбы! Кстати, начальники в усадьбе менялись, а Полежаева была всегда.

Мы помним, что один из недавних руководителей Ярославля сегодня за решеткой. В чем он виноват или не виноват, не нам судить, но то, что он закрыл все программы о культуре на местном радио, народ хорошо помнит. А еще народ помнит добрые дела Татьяны Александровны Полежаевой. Судите сами, дорогие читатели. Вот письмо в ее защиту. Подписали его люди известные в России и в Ярославской губернии и не очень известные. Но всеми ими движет стремление восстановить справедливость!

**Министру культуры Российской Федерации
Мединскому Владимиру Ростиславовичу**

ОБРАЩЕНИЕ

Уважаемый Владимир Ростиславович!

Указом Президента РФ от 13 июня 2014 года № 426 «О проведении в Российской Федерации Года литературы» 2015 год объявлен Годом литературы.

Небольшой провинциальный музей Н. А. Некрасова «Карабиха», расположенный в восемнадцати километрах от города Ярославля, Год литературы отмечает весьма своеобразно.

Приказом директора ликвидируются сразу несколько важных структур: отдел культурно-образовательной работы и музейных программ, отдел музейной педагогики, отдел туризма и маркетинга. Сокращаются все заведующие отделами данного подразделения во главе с заместителем директора по работе с посетителями и связям с общественностью Т. А. Полежаевой.

В культуре Ярославской области Татьяна Александровна Полежаева человек известный. В музее-усадьбе Н. А. Некрасова «Карабиха» она проработала более двадцати лет. Именно Т. А. Полежаева стала инициатором и идейным вдохновителем творческой группы по созданию в 1999 году первого в Ярославской области детского интерактивного музея деда Мазая, адресованного детям от пяти до одиннадцати лет. На создание музея были получены два гранта Президента РФ и института «Открытое общество». В декабре прошлого года детский музей отметил свое пятидесятилетие. За эти годы восемьдесят тысяч ребятишек весело и незаметно для себя учились жить по «мазаевским» законам: любить и охранять природу, помогать всем, кто нуждается в помощи, быть честными и добрыми. Под руководством Т. А. Полежаевой в музее были разработаны и получили большую популярность интерактивные детские и семейные программы из цикла «Праздники-радости», посвященные традиционным праздникам и народной культуре: Рождеству, Масленице, Пасхе, Семенову дню. Ежегодно их посещают свыше двух с половиной тысяч человек. В 2007 году «Праздники-радости» вошли в областную целевую программу «Семья и дети», подпрограмму «Дети-сироты». Благодаря этому более пяти лет воспитанники нескольких детских домов Яро-

славской области были участниками незабываемых праздничных встреч в Карабихе.

Трудно переоценить культурно-образовательное и воспитательное значение этих мероприятий, проходивших в теплой, душевной обстановке, которая так важна для обделенных судьбой детей. Большую популярность в последние годы приобрели интерактивные программы для детей к окончанию учебного года: «В гости к бабушке Мазая», «Операция дед Мазай и другие...». Неизменным успехом пользовалась авторская театрализованная программа для взрослых посетителей музея «Легенды старого дома. Усадебный прием». Этот список можно продолжать...

Но, пожалуй, самая огромная заслуга Т. А. Полежаевой — это Всероссийский некрасовский праздник поэзии, которому она сумела придать вторую жизнь, неповторимое своеобразие, глубокое идейное содержание, соответствующее духу некрасовской поэзии. В конце 80-х — начале 90-х годов праздник переживал глубокий кризис. Перестали приезжать известные поэты, литераторы, программа праздника с небольшими изменениями повторялась из года в год, превращаясь в отчетный концерт ярославской областной самодеятельности. Музей в дни праздника ограничивался тем, что бесплатно открывал свои залы. В середине 90-х некогда многотысячный праздник собирал лишь пару сотен завсегдатаев, располагал весьма скромным, если не сказать, мизерным бюджетом. В 1995 году коллектив музея, администрация принимают новый концептуальный подход. В основу проведения некрасовских праздников поэзии была положена новая сценарная концепция, предложенная Т. А. Полежаевой (тогда заведующей отделом массовой работы). С тех пор каждый праздник имеет определенную тему, связанную с популяризацией творчества Н. А. Некрасова и объединяющую все происходящее в этот день в экспозиционных залах, на сценических площадках и прилегающих к усадьбе территориях.

Сегодня праздник вновь собирает огромное количество публики — до пяти тысяч человек,

на сцене выступают литераторы из Ярославля, Москвы, Санкт-Петербурга, Иванова, Вологды, Костромы, Владимира, Калининграда, Симферополя. Некрасовские строки звучат в исполнении звезд российской драматической сцены.

За эти годы на празднике Некрасова побывало немало известных артистов кино, театра, певцов, композиторов, поэтов и литературоведов: Валерий Золотухин, Вениамин Смехов, Сергей Никоненко, Людмила Хитяева, Валентина Талызина, Лев Прыгунов, Лев Аннинский, Александр Бобров, Анна Гедымин, Валерий Дударев, Владимир Костров, Юрий Кублановский, Евгений Рейн, Игорь Кохановский, Наталья Суркова, Константин Кедров, Инна Кабыш, Юрий Юрченко и многие другие. Татьяна Полежаева — душа Карабихи. Женщина, очень трепетно относящаяся к наследию Некрасова.

Но если Татьяна — душа Карабихи, то Григория Красильникова по праву называют душой Аббакумцева — Грешнева. Но и кандидат исторических наук, известный краевед и автор книг по истории Ярославского края Григорий Красильников был смещен с должности заведующего филиалом Аббакумцево — Грешнево. Под давлением ему было предложено перейти на ставку старшего научного сотрудника в экспозиционный отдел, а на его должность была назначена работница, ранее занимавшаяся исключительно хозяйственными вопросами.

Множество и других решений дирекции и заместителя по науке директора музея вызывают недоумение и вопросы.

Кому и зачем в Год литературы понадобились вся эта свистопляска и произвол чиновников, которые к литературе не имеют никакого отношения?

Владимир Ростиславович, мы обращаемся к Вам с просьбой о скорейшем вмешательстве в дела Музея Карабихи с тем, чтобы спасти некрасовские места от мерзости запустения!

Обращение в Москве подписали:

Александр Ананичев, секретарь правления Союза писателей России, руководитель Сергиево-Посадской писательской организации, кандидат педагогических наук, сотрудник Паломнического центра при Свято-Троице-Сергиевой лавре; **Лев Аннинский**, литературный критик, писатель, публицист, литературовед; **Александр Бобров**, кандидат филологических наук, член-корреспондент Академии поэзии, лауреат премии имени Дмитрия Кедрина «Зодчий» и премии имени А. Фатьянова «Соловьи, соловьи...»; **Анна Гедымин**,

поэт, прозаик, переводчик, член Союза писателей и СП Москвы; **Валерий Дударев**, поэт, главный редактор журнала «Юность»; **Владимир Костров**, поэт, член Союза писателей, лауреат Государственной премии РСФСР; **Марина Кудимова**, поэт, переводчик, публицист, член Союза писателей, член СП Москвы; **Игорь Михайлов**, прозаик, заместитель главного редактора журнала «Юность»; **Сергей Никоненко**, заслуженный артист РСФСР; **Лев Прыгунов**, российский актер театра и кино, художник, народный артист Российской Федерации; **Наталья Суркова**, дочь поэта Алексея Суркова; **Юрий Юрченко**, поэт, драматург, актер, и **многие другие**.

Список жителей города Ярославля, подписавшихся под обращением к министру культуры Российской Федерации Владимиру Ростиславовичу Мединскому о ситуации в ГАУК ЯО ГЛММЗ Н. А. Некрасова «Карабиха»

Подписи собраны в течение четырех дней, с 30 марта по 2 апреля 2015 года.

Число подписавших обращение: 54 человека.

Климова Людмила Михайловна, заведующая юношеской библиотекой им. Н. А. Некрасова, заслуженный работник культуры РФ, дважды лауреат областной премии им. Н. А. Некрасова, Ярославль

Кочнева Раиса Ивановна, заведующая библиотекой-филиалом № 2 Централизованной библиотечной системы г. Ярославля

Киселева Ирина Владимировна, заместитель директора Централизованной библиотечной системы г. Ярославля

Халезева Надежда Леонидовна, заведующая библиотекой-филиалом № 1 Централизованной библиотечной системы г. Ярославля

Кадочкина Татьяна Эрастовна, заведующая ОБИИБОЧ ЦБ им. М. Ю. Лермонтова, заслуженный работник культуры РФ, лауреат областной премии им. Некрасова, Ярославль

Викторова Валентина Геннадьевна, заведующая библиотекой-филиалом № 12 им. А. П. Чехова, заслуженный работник культуры РФ, Ярославль

Буденная Марина Зиновьевна, библиотечкари библиотеки-филиала № 14 им. В. В. Маяковского, Ярославль

Дубкова Ольга Владимировна, бухгалтер Централизованной библиотечной системы г. Ярославля

Константинова Елена Петровна, заведующая библиотекой-филиалом № 19 Централизованной библиотечной системы г. Ярославля

Кафарова Татьяна Сергеевна, заведующая библиотекой-филиалом № 16 им. А. С. Пушкина, Ярославль

Басков Михаил Алексеевич, заведующий общим отделом Централизованной библиотечной системы г. Ярославля

Стужев Виталий Львович, народный артист России, лауреат российских и международных фестивалей, лауреат премии им. Волкова, профессор, Ярославль

Шихваргер Ирина Хоновна, методист Централизованной библиотечной системы г. Ярославля и ЦБ им. М. Ю. Лермонтова, награждена почетным знаком Ярославля, волонтер Карабихи

Ирхина Елена Львовна, библиограф Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, Ярославль

Зенкина Ирина Ивановна, краевед, экскурсовод, Ярославль

Судакова Людмила Ивановна, участник волонтерских работ в Карабихе, Ярославль

Вострилкина Елена Львовна, библиотекарь Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, волонтер некрасовских праздников, Ярославль

Клементьева Наталья Валерьевна, заведующая сектором Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, Ярославль

Фондо Наталья Ивановна, главный библиотекарь ОриИТ Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, Ярославль

Пчелкина Елена Николаевна, методист Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, Ярославль

Князева Елена Юрьевна, заведующая библиотекой филиалом № 4 Централизованной библиотечной системы г. Ярославля

Нечай Светлана Дмитриевна, библиотекарь Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, Ярославль

Ярославцева Ирина Валерьевна, заведующая сектором краеведения Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, Ярославль

Смирнова Елена Павловна, библиотекарь Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, Ярославль

Смирнова Любовь Александровна, библиотекарь Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, Ярославль

Жданова Людмила Александровна, библиотекарь Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, Ярославль

Репин Дмитрий Андреевич, инженер-электроник Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, Ярославль

Глотова Нина Николаевна, библиограф Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, Ярославль

Шмидт Маргарита Адамовна, заведующая сектором массовой работы Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, председатель Объединения немцев ЯО, экскурсовод, проповедник евангелическо-лютеранской общины, Ярославль

Танчук Александр Иванович, врач, построивший детскую поликлинику, единственную в регионе, по министерским требованиям, участник многолетней волонтерской работы в Карабихе, Ярославль

Серова Лия Александровна, актриса, пенсионер, многолетний участник волонтерской работы в Карабихе, Ярославль

Кулешов Андрей Андреевич, пенсионер, участник волонтерской работы в Карабихе, Ярославль

Романова Татьяна Владимировна, библиотекарь Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, Ярославль

Смычкович Владимир Назарович, волонтер некрасовских праздников поэзии, Ярославль

Обнорская Наталья Николаевна, экскурсовод, краевед, писатель, член президиума Ярославского городского отделения ВООПИиК, почетный работник общего образования, Ярославль

Кисельникова Светлана Анатольевна, волонтер некрасовских праздников, Ярославль

Жуковская Елена Михайловна, библиотекарь Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, Ярославль

Славкина Галина Борисовна, библиограф Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, Ярославль

Кузьмина Алена Павловна, библиотекарь Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, Ярославль

Визгалова Марина Юрьевна, библиотекарь Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, Ярославль

Прусова Валентина Павловна, библиотекарь Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, Ярославль

Гусева Лидия Павловна, библиотекарь Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, Ярославль

Рюмин Александр Иванович, заведующий отделом Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, заслуженный работник культуры РФ, Ярославль

Чулина Светлана Юрьевна, заведующая сектором Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, Ярославль

Теряева Татьяна Витальевна, библиотекарь Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, Ярославль

Валяева Галина Андреевна, библиотекарь Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, заслуженный работник культуры РФ, Ярославль

Горюнова Надежда Константиновна, библиотекарь Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, Ярославль

Кукушкин Алексей Владимирович, библиотекарь Центральной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова, Ярославль

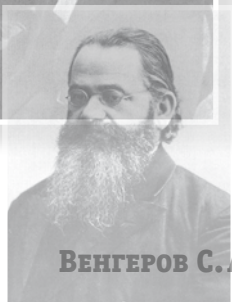
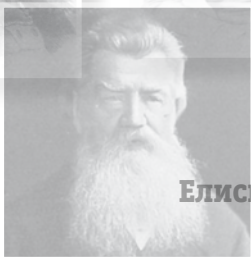
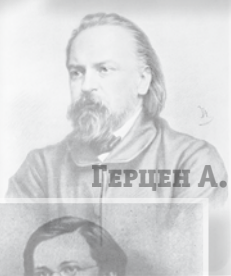
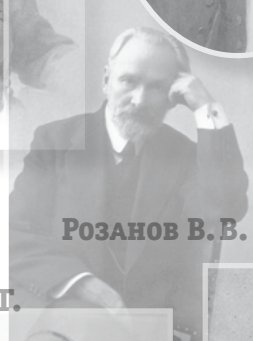
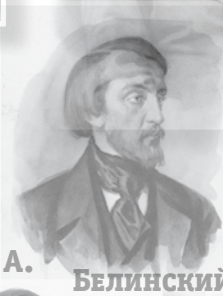
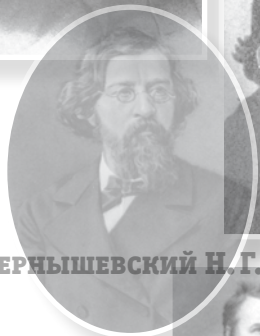
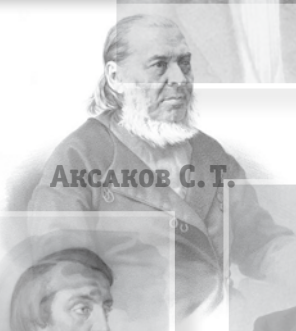
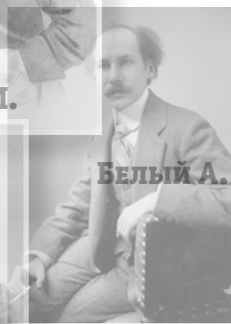
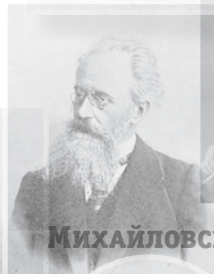
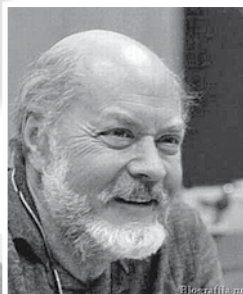
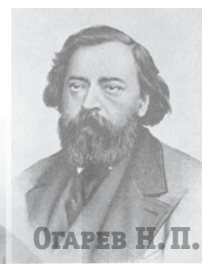
Ватлина Лидия Павловна, доцент, отличник просвещения, заслуженный преподаватель ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, Ярославль

Кузнецова Ольга Леонидовна, заведующая сектором юношеской библиотеки им. Н. А. Некрасова, Ярославль

Страницы Льва Аннинского

Продолжение. Начало в № 1–12 за 2013 год,
в № 1–12 за 2014 год, в № 1, 2, 3, 4, 5, 6 за 2015 год

ЧЕМПИОНКИ СПРОСА. ЧИТАТЬ? НЕ ЧИТАТЬ?

Фамилии не назову. Читатель и без меня поймет, о ком речь. Если выделались в книжном упоении бесцензурной развлекаловки 1990–2000-х годов чемпионки спроса, то эта мастерица была одной из самых успешных. Я ее романов не читал, но мои домашние азартно пересказывали их, теряя юмор, но не теряя детективной сюжетики откровенного чтива. Известные мне интеллектуалы его сторонились. Я — тоже.

И вдруг — звонок. Из редакции радио:

— Приглашаем вас на прямой эфир: запланирован диалог на свободную тему!

— А цензура будет?

— Нет!

— Тогда я согласен! (Отсутствие цензуры с советских времен оставалось моей мечтой.)

— А вы знаете, кто будет вести беседу? — в голосе радиосотрудника послышались дипломатические нотки. И он назвал ту самую чемпионку спроса, от общения с которой уклонялись мои высколобые коллеги.

Вздых облегчения он издал в ответ на мое согласие: возможность бесцензурного эфира все-таки была для меня важнее всего.

В назначенный час я был в радиостудии. Собеседница ждала. Очень похожая на свои портреты.

Познакомились. Сели к микрофонам. Ничего наперед не оговаривали. Бесцензурный эфир!

Получасовой диалог прошел блестяще: в моей собеседнице выиграло университетское образование, я окупился в свою стихию.

Прощаясь, я почувствовал, что помимо стандартной благодарности мне хочется сказать ей что-то приятное. И не соврать при этом.

Я нашел формулировку:

— Агриппина Аркадьевна... в нашем доме есть ваши книги...

Ее мгновенный ответ пригвоздил меня к месту:

— Я вас прошу их не читать!

Чемпионка спроса отлетела в небытие: ее финальная фраза перевесила в моих глазах «все сто томов» безотказной развлекаловки.

Продолжение следует.

ТАКОГО ЧЕХОВА Я ЕЩЕ НЕ ВИДЕЛ

Огромная пустая сцена означает отсутствующее имя. Нарисованные наскоро веточки сада то появляются на эфемерных экранах, то исчезают. Громяхая на рельсах, идет поезд — до-олго, как с того света. Через безлюдное жильё волокут дорогой многоуважаемый шкаф. Место действия — поразительно гулкое от висящего в воздухе безлюдья. Действующие лица сталкиваются, не сразу осознавая друг друга. — Ты кто? — Что он сказал?! — Это гитара или мандолина? — Какая разница? Всему будет конец...

Когда Петя Трофимов начинает славить идущее вперед человечество и призывает, приближая его, работать, моя спутница (в соседнем кресле) шепчет:

— Будущий Троцкий...

Какое там! Тут ноль брезжит, а не «Троцкий»!

А Чехов что?

Привычный нам Чехов загадочным образом сохранял в катастрофической ситуации полноту бытия, а тут бытие отсчитывается от нуля, и катастрофа смеется в лицо людям. Старик-лакей волочит ноги и вдруг выдает чечеточный пируэт. Объясняясь в чувствах, влюбленные орут, как

озверелые, и для нынешней публики демонстрируют скоротечный секс с успешным срыванием одежды и обозначением исподнего...

Вишневый зад. Вишневый зуд. Вишневый ад.

Или рай? Если деньги будут?

Посреди перепляса — вопль:

— Пропали деньги!

Ищут. Находят. Но и при деньгах не будет счастья. Одни слезы на дне чаши бытия. Пьют — закрыв глаза. Но храбрятся — отчаянно! Была мечта — не наша. А все равно гуляем!

Вишневый бред. Вишневый блуд...

Нет, лучше так: вишневый форс. Вишневый фарс.

Вишневый Фирс. Это всего точнее. С итоговым приговором:

— Эх ты, недотепа...

Режиссер — Игорь Яцко (он же — собеседник многоуважаемого шкафа). Театр — ШДИ (Школа драматического искусства, детище Анатолия Васильева). Время — не 1903 год, а год нынешний. Или всегдашний. Бесконечный!

Притом что конец света висит в воздухе.

Юлия БОДНАРЮК

Юлия Боднарюк родилась в 1986 году в городе Коле. Окончила Мурманский государственный технический университет. Четыре года работала журналистом. Живет в Мурманске.

Литературный дебют состоялся в 2014 году в журнале «Аврора». В начале 2015 года вышла в свет первая книга — роман «Перебежчик». Публиковалась в альманахе «Площадь Первоучителей» и сборниках произведений лауреатов литературных конкурсов Мурманской области.

Трижды входила в лонг-лист независимой литературной премии «Дебют»: в 2007 году — с романом «Перебежчик» («Против течения»), в 2013 и 2014 годах — с рассказами.

ВИРАЖ

РОМАН¹

Рисунки Настасьи Поповой

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЛЕТО

ГЛАВА 1

Судья посмотрел на часы, вскинул руки и зашвырнул.

Едва уловимый грустный вздох пронесся по сектору, а может — и по всему «Петровскому». Несмотря на кучу голов и атак, мы умудрились продуть «Спартак» из Нальчика с потрясным счетом 3:4.

У выхода возникла пробка, фанаты будто стремились сразу оставить этот матч в прошлом и поскорее прожить четыре дня до следующего. Когда я вышел из ворот стадиона, где провожу лучшие дни моей жизни, солнце уже садилось, хватаясь оранжевыми отблесками за верхние этажи. Улицы погрузились в густую тень, хоть как-то утихомирившую оглушительную дневную жару.

Досадно, обидно, но дальше будет видно. Очки по осени считают, и за все придется ответить «Химкам» в следующем туре. Через три дня отправлюсь туда на выезд и прямо со стадиона рвану в долгожданный отпуск в Австрию. Но прежде загляну к Олеське, моей московской подруге.

Идти домой в такой вечер — просто свинство по отношению к себе, а свинство — это то качество, которое никак не должно быть характерно для зенитовского фаната. Сегодня, как и в ближайшую неделю, не будет ночи, а значит, я могу сколь угодно долго бродить по одуревшему от июля городу, надеясь, что мой кот сам догадается залезть на стол в кухне и что-нибудь поесть. Никого, кроме кота, я так и не завел, и это обстоятельство меня сегодня особенно радует.

Я иду по Биржевому мосту, между синими-синими волнами и ярко-голубым небом с круглыми белыми облаками, и в моей голове свещет

¹ Журнальный вариант.

ветер. Нет ни завтра, ни когда-нибудь потом. Ты либо ощущаешь жизнь в текущий момент, либо проходишь сквозь нее как сквозь бесплотную тень, бестолково наматывая дни на счетчик. И чтобы начать ей радоваться, не надо ждать, никакие высоты в будущем не окупят ее безвкусию в настоящем. В моем возрасте, с моим характером, в моей стране жить иначе, чем сегодняшним днем, просто невозможно.

Дым, из-за которого вся трибуна просмотрела второй гол, рассеялся, и я вновь обнаружил себя на стадионе. На сей раз — химкинской «Родине». За нашими спинами, бормоча проклятия, проваливается за пыльные кроны злобное столичное солнце, и длинные тени игроков ползут по газону. Я стянул с лица шарф и подхватил загремевший над стадионом заряд. Погнались! Наши рванули в чужую штрафную, и теперь хозяев даже не слышно. Хлипкая конструкция трибуны заколыхалась под ногами, переживая подпрыгивания выездной части зенитовской торсиды, больше сектора не молчали ни секунды. В голове осталась одинокая шальная и предательская с оккультно-фанатской точки зрения мысль «да кто у нас вообще может выиграть?!».

Спустя сутки я ворочался без сна на второй полке в поезде, застрявшем где-то на польско-чешской границе. Заснуть мешали полученные в Химках солнечные ожоги. Вагон дергался туда-сюда — его перецепляли от московского к варшавскому поезду. Время от времени пустые платформы с вывесками *Wohumip* уползали то вправо, то влево, и тогда я зажмуривался, пытаюсь словить сон, но состав будто магнитной аномалией опять затягивало под навесы станции, и когда я открывал глаза, за стеклами вновь маячили тусклый свет и осточертевшие вывески. Через полчаса я уверился, что станция проклята и пока поезд ее не покинет, я не усну.

Если бы мы не прибывали в Вену в шесть утра по местному времени, можно было бы вообще не спать. Я люблю смаковать эти минуты в пути — бегущие по пропитанной мазутом земле рельсы, редкие огни во мраке, вслед за ними выныривает из тьмы безвестный городок, который поезд пролетит, не останавливаясь, по эстакадам над пустыми улицами. И люблю это необъяснимое ощущение свободы, которое почему-то возникает уже после пограничных столбов Бреста и бьет в душу опьяняющим потоком чистого кислорода.

Человек почти всегда получает то, что хочет. У каждого из нас есть своя золотая рыбка, которая исполняет три заветных желания. Как пра-

вило, юношеских и глупых. Сейчас мне двадцать четыре, и пол-Европы за спиной. Это было чуть ли не единственное, не затрагивающее футбола, внятно оформленное мною желание. Причем новых с тех пор не появилось.

Поезд предпринял очередную попытку укатиться в ночь из этого захолустного Богумина, и в этот момент я выключился из реальности.

ГЛАВА 2

Вскоре после возвращения я взломал дверь на крышу, благодаря чему последние недели лета стали еще чуть прекраснее. Приятно было забраться сюда вечером и оглядывать с высоты шестого этажа, как раз за разом тонут в закате ржавые бугры крыш с опасными провалами дворов и первый сумрак родится в зеленых болотах скверов, а днем и ночью чадающие трубы на краю горизонта растворяются в собственном дыму.

Однажды я прямо с поезда притащил сюда Олесю.

— Ты офонарел, Виталик! — охнула она, когда мы вылезли из чердачного окошка. — Я высоты боюсь!

— Да не дрейфь, здесь не покатый участок!

Мы устроились рядом с коньком крыши и долго разнонаправленно оглядывали округу, где со дна дворов уже поднималась тень.

— Ладно, Карлсон, ты прав, здесь здорово! — Олеся снисходительно улыбнулась.

Стоит рассказать об Олесе, которая являет собою маленькое стихийное бедствие моей жизни. С тех пор, как шесть лет назад мы нашли друг друга где-то на дорогах Европы, она меня не покидает, хотя живет в Москве и видимся мы в лучшем случае раз в месяц. Нас связывают странные отношения, в которых к давней и очень близкой дружбе примешивается редкий, но безумно нас радующий секс. При этом напряжение между нами скачет от нежной привязанности до глухой вражды так, что начинает искриться и контактировать, из-за чего время от времени мы навсегда расстаемся. Но не знаю, как она, а я без нее скучал, и с этим ничего нельзя было поделать. Ведь она, в сущности, хорошая девчонка, слегка ехидная и немного непутевая, но не настолько, чтоб это нельзя было терпеть. Упрямая, как тысяча чертей, и порой наше общение напоминает мне притчу о двух баранах, упершихся лбами на узком мостике. Я уже уверился в том, что «нормальных» с общепринятой точки зрения отношений у нас с Олесей никогда не будет, и почти не жалел об этом.

— Виталик, ты хотел бы что-нибудь кардинально изменить?

— Не знаю. Обычно одна кардинальная перемена начинает цепную реакцию, и в результате преворачивается все!

— То есть ты доволен тем, как все сложилось на сегодняшний день?

— Да. В среднем арифметическом. На все сто я был доволен только в те времена, когда мы с тобой познакомились.

Глаза Олеси мечтательно затуманились, видимо, от воспоминаний о тех временах, где я был панком, она металлисткой, мы путешествовали автостопом, презирали здравый смысл и думали, что работать нам никогда не придется.

— Странно. Вроде мы себе особо не изменяли. Чего-то с тех пор добились...

— Может быть, потому, что в шестнадцать лет мы еще могли выбирать, какими нам быть. А сейчас, в двадцать пять, стали теми, кем стали, и другими уже не будем. До двадцати мы думали, что меняем мир, а это он менял нас. Теперь все должно быть наоборот, только энтузиазма прежнего уже нету!

— Это будет прогрессировать и лет через пятнадцать назовется кризисом среднего возраста.

— Знаешь, однажды перетирал эту тему с каким-то нефором, и он мне выдал: «В тебе пропал протест».

— Ну, положим, то, как мы сейчас живем, протестом не назовешь. Разве что «как хочу, всем назло». Может, мы смирились. Может, просто немножко поузмели и притерлись к окружающему миру. В конце концов, это заложено природой, она нас запланировала больше чем на двадцать лет.

— Но все-таки та сила, которая шла на сопротивление, не могла исчезнуть в никуда. Ей следовало бы переродиться во что-то.

— Значит, мы знаем о себе еще не все и нас ждет сюрприз. А вообще ты прав. Это было клевое время.

— Потому что ничего не надо было со стороны. Все нужное было при себе.

Олеся не ответила, запрокинула голову, оперлась подбородком на кулачок. Она была удивительно хороша сейчас, освещенная разбавленным голубоватым светом, с резкими тенями на шее, под острыми коленками, в складках коротенькой юбки. Ломаные тени заполнили всю крышу — из-за горбатого городского горизонта уже наполовину высунулась громадная белая фара луны.

— Мне, между прочим, холодно, — капризно заметила в пустоту Олеся.

— Ну давай я тебя погрею! — по-джентльменски откликнулся я и обнял ее, притянул к себе, чувствуя ее озноб под тонкой тканью майки.

— Пойдем все-таки вниз, — прошептала Олеся, когда я оторвался от ее губ, а Луна преодолела заметное расстояние по небу. — Впрочем, как хочешь...

На другой день, после того, как я пережил запарные часы на работе, а Олеся совершила разорительный набег на питерские бутики, мы собрались на Петроградку в гости к нашим общим знакомым.

Тусня развернулась масштабная, и скучно, в общем-то, не было, но все гости фланировали и кучковались исключительно парочками. Разумеется, влияние масс было противно нашему с Олесей сознанию, и мы старались держаться подальше друг от друга. Кончилось это тем, что наша совместная приятельница помчалась ко мне, таща за руку Олеся, со словами: «Смотри, Латыш, как тесен шарик!» Погоняло у меня производное от фамилии. Хотя Олеся постоянно смеется, что оно накладывает на меня отпечаток прибалтийской медлительности.

— Еще бы! Только час назад виделась.

— Вы что, все еще вместе? Леся, ты что, переехала?

— Вот еще! — фыркнула Олеся. — Что я на вашем болоте забыла? Скорее, Виталик переберется, его вечно хитрая мордаха несколько раз в год возникает у меня на пороге. («Не бывать этому!» — отрезал я.)

— То есть вы почти не встречаетесь?!

— Потому-то мы до сих пор вместе!

Мы вышли из подъезда в теплую и влажную ночь. Только что прошел дождь, и в воздухе висела дымка не успевших приземлиться капель.

— Люблю гулять по ночам!

— Не боишься?

— Чего бояться? Я же не одна, с парнем гуляю.

— Так, а отсюда поподробней! — Вот. Опять я задал Олесе вопрос и опять стал жертвой собственного любопытства. — С каким это еще парнем?

— Как правило — с симпатичным. С кем познакомлюсь, с тем и брожу, — протянула Олеся, старательно не глядя на меня.

— Ну, если я правильно понял, дольше одной прогулки они тебя не выдерживали!

Напряжение спало. Да и думал я уже не об этом, а исключительно о том, как мы вернемся ко мне домой, включим свет, разбудив кота, и как я повалю Олесяку на диван, чтобы хоть на какое-то

время отбить у нее и себя желание искать зачинщиков, причины и следствия. И хотя эти и остальные мысли по теме я не озвучивал, Олесья меня поняла правильно — она всегда улавливала эти моменты безошибочно, — набросилась на меня и успела пару раз съездить острыми кулачками по ребрам, прежде чем я прижал ее к первой попавшейся стенке, и мы целовались до тех пор, пока не стали задыхаться. Я давно заметил, что подобный вариант примирения в отношении Олеси работает безотказно. Минус способа в том, что его трудно осуществить на расстоянии в шестьсот километров.

— Слушай, Олесья, а ты любишь свободу?

— Да. Даже слишком!

— В этом твоя беда!

— Нет, моя беда в том, что ты ее слишком любишь!

На проспекте мы сели в такси, но до моста добрались раньше нужного — острые края его крыльев, обозначенные сигнальными огнями, еще топорщились в небо.

— Подождем? Или поехали к Литейному, его раньше откроют. — Таксист включил свет в салоне и радио.

— Подождем. Пошли посмотрим. — Олесья потянула меня из машины.

Воздух здесь был еще более сырой, мокрый асфальт отражал нас и нависшую над ним машину. Олесья подбежала к парапету.

— Завидую я тебе, Виталька, среди такой красоты живешь!

— Да неужели ты это признала! Наговори под запись, а то утром опять откажешься от своих слов!

— Откажусь, — кивнула Олесья. — Ты же видишь, я пьяная, несу все подряд.

— А по-моему, для тебя это оптимальное состояние!

Она вдруг подскочила к такси.

— Сделайте погромче. А давайте двери откроем! Давай танцевать. — Олесья закружилась вокруг меня, потом обняла за шею.

Водила улыбался и с интересом смотрел на нас, облокотившись на руль.

Мое зрение притупляется в сумерки. А когда мы танцевали у разведенного моста, окружающие предметы вообще поползли в моих глазах, слившись в колеблющийся серо-синий фон. Четко я видел только Олесью, ее завивающиеся на висках волосы, серьги в виде ласточек и не сходящую с лица улыбку. Ее дыхание отдавало каким-то вином, да и я не протрезвел толком. Может быть, поэтому рядом из-под земли вырос милицейский

сержантик и поинтересовался, что мы тут делаем. Олесья спросила, не хочет ли он посмотреть наши документы и немножко потанцевать с ней, а то у него скучное дежурство в пятом часу утра. Сержант от всего отказался и в хорошем настроении исчез в тумане. Мост лениво пополз в естественное положение.

ГЛАВА 3

За окном сипло ревел ветер, деревья металась, как в эпилептическом припадке, и крупные капли очередями били в стекло. На море, должно быть, шторм.

В кухне я нашел заспанную Олесью, которая энергично мусолила длинные волосы полотенцем.

— Фена у тебя, конечно же, нет.

— Нет. Ну, давай я на тебя помашу чем-нибудь. Или в окно голову высуну!

— Я тебя тоже очень люблю, Виталичка! А не высунуться ли тебе самому?

— И я тебя, — очень тихо сказал я, дождавшись момента, когда стекла снова застонали от урагана.

— По-моему, планы стоит подкорректировать. — Она кивнула за окно.

Сегодня мы собирались на залив.

— Может, еще успокоится. Посмотрим после четырех.

Олесья покосилась на меня.

— Судя по твоей довольной физиономии, сегодня футбол.

— Ага! «Рубин».

— А что меня не зовешь?

— А ты пойдешь? На стадион?

— Только не на ваши бомжатские сектора! Насколько я знаю, вы сегодня на выезде, и я вообще-то бар имела в виду.

— Боюсь, твоя неокрепшая психика этого не выдержит.

— Ничего, потерплю!

Какая-то подозрительная решительность звучала в ее словах.

— О'кей. Шарфик наш наденешь — и вперед!

— Иди ты! — надулась Олесья.

Ну, я знал, что предложить.

Мы сели играть в шахматы, но у меня в голове был такой сумбур, что скоро из всей моей гвардии на доске остались только король и его верный конь. Причем уже при следующем ходе король своего верного коня лишился, после чего Олесья долго гоняла меня по всей доске, пока наконец не загнала в угол.

— Знаешь, почему ты проигрываешь, Виталик? — спросила она, когда мы начали следующую

щую партию. — Ты считаешь своей основной целью не поставить мат королю, а уничтожить моего ферзя.

— Сократить соперника на главную силу тоже неплохо.

— Главная сила не значит последняя. Игру могут завершить и менее значительные фигуры, про которые ты постоянно забываешь.

Олеська задумчиво двинула ладью, нависшую над моим офицером.

— Ты и своего ферзя бережешь больше, чем короля... И вообще, мы с тобой два дилетанта, но поскольку ты в большей степени, можно я тебя покритикую? Ты не видишь игру дальше двух ходов. Просчитывай, это тебе не футбол бей-беги, шахматы для того и существуют! Это не так сложно, как тебе кажется, — фигуры уже расставлены, разом они не изменят своих позиций, а клеток всего шестьдесят четыре. Пространство ограничено, и направление мыслей угадывается после первых шагов.

Она подняла на меня внимательные светло-зеленые глаза.

— И так всегда.

ГЛАВА 4

Прямо через окошко рядом с кроватью я вылез на веранду. Было прохладно, по крайней мере, для конца августа. Шумел ветер, гремел по крыше и уносился в сторону поселка, полукругом лепившегося вдоль бухты. Но море под растянутыми вширь неба полосами туч казалось спокойным.

Я наскоро попил на кухне чаю из потресканной хозяйской чашки. Хозяйка торговала на рынке и своим присутствием мне не сильно докучала. Я отправился к морю.

В Крыму я отдыхал четвертый день из отпущенной мною себе недели, а чудилось — здесь прошло все лето. Время двигалось с черепашьей скоростью, и если бы не многочасовые плескания в море, мне бы еще в день приезда все осточертело.

На берегу я сел на песок, не рискуя раздеться, — пока я спускался косогором от стоящей на отшибе приземистой мазанки, успел слегка замерзнуть. На пляже то и дело взвивались и опали маленькие смерчи. Стуча зубами от предвкушения, я стянул футболку и шорты и ринулся в море, перепрыгивая через небольшие волны. По телу побежали мурашки, потому, едва дно пошло под откос, я нырнул и поплыл, изо всех сил стискивая зубы.

Вода была такой прозрачной, что можно было разглядеть самые мелкие камушки на дне. Я вынырнул и огляделся. Тучи успели поменять диспозицию и плотными наслоениями забили небо со стороны берега, лишь только над головой было относительно светло. Я еще немного поплавал туда-сюда, наслаждаясь тишиной и одиночеством, которое, как конвоир, неотступно следовало за мной здесь, торчал ли я на пляже, бродил ли в зарослях шиповника на склоне холма или слонялся по притихшему, будто вымершему, поселку. Если бы не лодки, неизменно болтающиеся в море, я бы сомневался, что здесь вообще кто-то живет.

Я лежал на спине, чувствуя, как через мое тело перекачиваются маленькие волны, и смотрел, не щурясь, на бледный мутный диск, который едва нашел на небе. Вода набилась в уши, и стало совсем тихо. Вернулся в вертикальное положение, нащупал ногами дно и побрел к берегу. По мере вылезания становилось все холоднее.

У меня был друг... Вернее, он у меня и сейчас есть, только я его давно не видел и увижу, наверное, нескоро. Неформал, как и я когда-то; правда, не из безобидных, но нормальный, умный парень. Он всерьез интересовался политикой, пока однажды политика всерьез не заинтересовалась им.

Я ко всему успел привыкнуть за свои двадцать с хвостом, но еще не сталкивался с такой подлостью — продуманной, неуязвимой. Процесс был очень громким, а обвинение таким масштабным, что уголовное дело заняло три тома. Я был на суде и знал, что законность творящегося — под большим вопросом. Но в нарастающем вокруг шуме все слабее звучали хоть какие-то разумные доводы. Да кому они вообще были нужны там, где давно и не нами назначено, кто прав, кто виноват?

Я еще верил в то, что у Максима получится вырваться из этих клещей, что даст о себе знать хоть какая-нибудь абстрактная справедливость, но одновременно отчетливо понимал, что ему уже не спастись. Как будто полетел какой-то сдерживающий механизм, и маховик событий пошел раскручиваться с бесконтрольной скоростью. «Я сделаю что-то. Сделаю», — убеждал я себя, хотя даже не представлял, что предпринять.

Я так и не помог Максиму. Никто тогда не смог ему помочь, и друга моего посадили. Это было ровно год назад.

Я побродил по берегу, пока ветер не сдул с меня капли воды. Выжал плавки, оделся и зашагал в гору. Когда я заглянул в дом, хозяйки еще

не было, а поскольку она мне еще и готовила, есть было нечего. Я зарулил в свою комнату, плеснул себе полстакана купленного друзьям вина из пластиковой канистры — все-таки оно сладкое, значит, питательное? — и продолжил свой путь на шиповниковый склон, обрывая по дороге ягоды, стал карабкаться наверх. От ягод мне сразу поплохело, но я продолжал машинально кидать их в рот. И наконец, я поднялся туда, где шиповник заканчивался и шумело безбрежное поле полусухих трав. Я шел по нему в ту сторону, где должна была проходить дорога в остальной мир, и скоро срез обрыва потерялся. Облака обесцветились, солнце исчезло. Усталость накатила неожиданно, то ли от плавания, то ли от голода, и я сел в траву и закрыл глаза, а когда снова открыл, увидел в поле женщину. Она стояла, обернувшись в мою сторону, у нее были длинные волосы, и хотя лицо расплывалось, во взгляде и в повороте головы было что-то безумно знакомое, однажды виденное то ли в Прибалтике, то ли в Польше...

Я крупно вздрогнул, будто оступился, и понял, что это был сон или видение. Почему-то к тому факту, что это может быть видение, я отнесся совершенно спокойно, как будто они каждый божий день мне являются. Больше меня напугало то, что я отключился, сидя в траве, — я боюсь змей. Галлюцинации, в принципе, естественны, если устал. Один раз я в поездах три ночи подряд не спал, так на исходе третьей ночи мне казалось, что боковым зрением вижу в пустом коридоре вагона еще одного человека. Еще забрезжила в памяти Прага, старый район под эстакадой, Олеська идет, балансируя на трамвайном рельсе, и ветер треплет ее юбку и длинные волосы...

— Шторм ночью будет, — заметила во время обеда хозяйка. Увидев, что я поднял глаза от тарелки, она повторила: — Шторм будет, а у меня еще в прошлый кусок кровли снесло, зальет нынче. — И она устремила вопросительный взор на меня.

Я вздохнул.

— А много там чинить?

— Да что вы, один лист прибить! Я б и раньше поправила, да наши мужики все дни в море, некогда им все! — радостно возмущилась хозяйка. — Как поедем, сделаете?

Конструкция крыши была явно не рассчитана на мое здесь присутствие. Тем не менее, взгромясь на нее, я отважно пополз выше по скату, стараясь не цепляться за ржавые железные края. Громяхая на всю округу, я стал укладывать

на крышу лист жести. Присобачив его, вытащил из-за пояса молоток и шваркнул по первому гвоздю. Дрожь железа устроила отдачу, я потерял равновесие и распластался по крыше наподобие морской звезды. Несколько секунд спустя горизонт откликнулся эхом. Прижавшись ухом к теплему металлу, я услышал возню под кровлей и догадался, что там живут летучие мыши.

Я провозился долго и когда закончил, небо со стороны моря было грязно-сиреневым от туч. Ветер утих, душный воздух замер. Испуганно притихло все — не шелестела жухлая, прибитая зноем и солью растительность, замолкли птицы и кузнечики. Внезапно накатила гнетущая тоска — как занесло меня в эти мертвые края? Я спустился, стянул мокрую от пота рубашку. Подумал и надел снова.

— Виталий, вы б не ходили сегодня! Не успеете до грозы! Гляньте, как обложило.

— Успею, — отмахнулся я, — я быстро.

Помутнело синее море... Вода у берега была желта от песка, но сами волны не высоки. Я сбегал по откосу, кинул шмотки в какой-то куст, чтоб не унесло ветром. Я забрел еще недалеко, когда первая волна сбила меня с ног, а следующая поддала в зад, оттолкнув к кромке воды. Я вскочил, пробежал несколько шагов и успел как раз к тому моменту, когда очередная посланница моря накрыла меня с головой так, что я некоторое время бестолково булькал, не зная, где верх, где низ, где выход. В конце концов мне надоело барахтаться в линии прибоя, и я заплыл подальше, где болтанка была потише. Меня то поднимало на двухметровую высоту, то опускало на ноги, и воды тогда становилось по грудь. С берега доносился бесконечный свист.

Снова на авансцену выползли мысли о случившемся год назад. Они были со мной весь день, кружились в голове и обретали форму вечно закручивающейся морской раковины. Произошедшее в то лето выбило несущую балку из-под моей уверенности, и все стало рушиться.

Однажды все изменится. Изменится совсем не так, как хочешь ты. Но когда это произойдет, твоя роль будет уже сыграна. Пассивным наблюдателем ты будешь смотреть на то, в какую сторону и под каким углом разворачивается твоя жизнь, и помочь себе уже не сможешь. Можно что-то сделать, пока не активизировались неподконтрольные тебе силы. Просчитать и сделать свой ход.

Тогда, год назад, исправлять что-то было уже поздно, но когда-то ведь было вовремя?! Где-то

была точка возврата! Или она называется точкой невозврата? Гром прогремел еще раз.

Я огляделся. Было неожиданно темно. Я плавал в часах и точно знал, что еще не минуло и семи. Просто в небе сомкнулись края туч, и не осталось просветов.

Море по-прежнему ласково качало меня, но ногами я больше не доставал до дна. Я нырнул и едва дотронулся до него пальцами вытянутой руки. Природа потакала моей меланхолии, и мне стало не по себе от этого. Дождь надвигался, с ним, вероятно, придет и шторм. Пора сваливать.

Сначала я спокойно плыл, не сразу заметив, что расстояние до берега становится то больше, то меньше, и мои усилия тут совершенно ни при чем. Море сзади подтолкнуло меня к берегу, но стоило мне встать на ноги и двинуть на сушу, как оно оттянулось со мною вместе. Я разозлился и, яростно загребая, поплыл вперед.

Когда я обернулся, было уже поздно. Громадный вал, верхушка которого уже начала заворачиваться в пенный рулон, обрушился на меня, заставив вдохнуть соленую воду, от которой нестерпимо заболела носоглотка. Он протащил меня до полосы камней, вытянувшейся по дну вдоль берега, а следующая волна наподдала мне в затылок, не дав подняться, приложила об эти камни и подло уволокла назад вместе с двумя булыжниками, за которые я пытался удержаться.

Только сейчас до меня дошла вся серьезность намерений шторма. После еще пары неудачных попыток я изрядно выдохся. Паниковать было нельзя. Отплевываясь от водорослей и песка, я держался на поверхности воды. Когда очередная двухметровая волна покатила к берегу, набрал в грудь воздуха и нырнул в нее. Меня вновь дотасило до мелководья. Достав дно, я поднялся на ноги и ломанулся вперед — до кромки воды было не больше пятнадцати метров. Вода уходила, потянула песок из-под ног, я почувствовал, что увязая в дне. Море затягивало меня обратно, но я удержался на месте, а потом побежал. Силы откуда-нибудь да возьмутся, и они действительно нашлись. Я бежал и не упал, когда мне в спину ударила следующая лавина воды. Я рухнул только там, где песок уже был рыхлый, куда долетали только брызги. После этого я, наверное, неделю не поднимусь с дивана, но едва темнота перед глазами схлынула, я отсчитал шестьдесят секунд и медленно встал. Меня закачало и затошнило, казалось, я проглотил несколько литров воды. Я нашел куст, в котором спрятал рубашку и шорты, оделся. Усталость, которую я послал куда подальше, когда выбирался из воды, теперь

брала свое, и я еле держался на ногах. Тропинка шла все время вверх, и я поднимался бесконечно долго, впрочем, уже никуда не торопясь. Когда я хватался за кустарник, ладони ошпаривало болью.

Поначалу гроза оставалась где-то за спиной, но стоило мне взобраться на пригорок, как небо озарила такая вспышка, что все кругом побелело, а я инстинктивно присел. Никак не могу вспомнить, что опаснее во время грозы — стоять или бежать? Бежать не получалось, и я, втягивая голову в плечи, быстро шел напрямик к дому, а над головой грохотало гигантское жестяное ведро. Как бомбардировщик, небо сначала сбросило на пробу несколько крупных капель, а потом обрушило целый водопад. Я обратил внимание, что колени у меня разбиты вдребезги и по ногам течет розовая разбавленная кровь. Заметил, потому что несся через поле, согнувшись почти пополам, как будто перебегал линию фронта, а наверху гремело, шумело и сверкало.

Хозяйка ахнула, когда я поднялся на веранду, мокрый до нитки, в песке и водорослях. Свет во всем доме был погашен. Я снял с веревки полотенце и пошел в свою комнату.

ГЛАВА 5

Есть несколько человек, способных поднять мое настроение до заоблачных высот или испортить на несколько дней. Обитают эти люди в основном в Удельной и зовутся командой «Зенит».

Сейчас конец августа 2008 года. На «Петровском» и по Европе уже отгремели самые невероятные бои, и мы уже пережили те победы, которых ждали годы, если не всю жизнь. Ну а теперь очки снова обнулены, и все заново.

Часов с девяти вечера по ящику обсуждали предстоящий бой в Монако под картинку с толпами счастливых, штурмующих стадион. Пока я пытался впихнуть в сжимавшийся от волнения желудок ужин, пришла пора выдвигаться.

На улице уже стемнело до густой осенней черноты, и в рыжем свете фонарей серебрилась мелкая морось. Я выскочил из светлого нутра автобуса и зашагал в сторону метро «Чернышевская». Короткий ежик волос и куртка быстро покрылись влагой, и я накинул капюшон. Вдобавок я постоянно наступал в лужи, потому что вообще-то плохо вижу в темноте, да мыслями я был слишком далеко, чтобы еще смотреть себе под ноги. Машину я не взял — в случае успеха за руль сесть не придется, да и в случае провала не стоит... даже думать

об этом! В бар я часто езжу на автобусе — есть у меня такая примета, — и как-то однажды я подсчитал шаги от остановки — их было около шестисот. Еще сто — и вот уже знакомая синяя вывеска и под ней — мокрые машины наших фанов. Едва я успел спуститься в полуподвал и плюхнуться на свое место, как команды вышли на поле, и, один за другим растягивая над головой «розы», мы запели гимн.

Спортбар — тот же стадион, только поменьше и в замкнутом пространстве. Если у всех хороший настрой, любой твой мандраж как рукой снимает. Но когда все сине-бело-голубое наполнение бара психует, то психует как целый дурдом в первую весеннюю оттепель. Так вышло и сегодня — после первого гола под занавес тайма всеобщее хорошее настроение нащупало под собой почву и сменилось радостью, а после второго — буйным весельем. Мы уже вовсю пили за победу, за новую посудину в нашей коллекции, сверкали фотовспышки, и кто-то скакал в обнимку посреди зала... И тут сетка наших ворот вздрогнула от удара Видича.

Фаны посерьезнели, быстро расселись за столы и начали шизить в прямом смысле этого слова, то есть потихоньку съезжать с катушек. Теперь каждый рывок манкунианцев к нашим воротам сопровождался отчаянным «Нет, нет, нет, не-е-е-ет!!!», хватаниями за сердце и шумным выдохом, когда мяч наконец уходил за боковую или к центру поля. Оставшиеся до конца двадцать минут утомленной черепахой ползли к финишу, за которым нас поджидала победа; и когда судья на бровке уже поднял табличку с компенсированным временем, откуда-то сверху толпы в штрафной прилетел мяч и, спикировав за Малафеева, заколыхался в сетке.

Первая мысль была про «коней», которым в матче за суперкубок тоже забили под конец, вывели на дополнительные таймы и обыграли в конце концов. А вторую мысль я додумать не успел, потому что бар взорвался дружным воплем, и мир вокруг слегка перекосило. Я стал догадываться, что гол не засчитан, и повернулся к сидевшему рядом Дане уточнить, а тот тарачил на меня неповторимо счастливые безумные глаза, тряс меня за плечи и несколько раз прокричал, прежде чем я въехал: «Его удаляют! Скоулза удаляют!» Что было после, уже не отпечаталось в памяти, потому что когда Скоулз, шикарный волейбольный удар которого арбитр так и не заценил, убрался с поля, до конца оставались считанные секунды и никто уже ни в чем не сомневался. Свистка я не услышал — все пели, — я только видел, как судья

вскинул вверх руки, и пение сменилось ревом не только у нас, но и за окнами бара, за улицами и каналами, везде!

Все поднимали бокалы, обнимались и обливались, пили, а потом оказались на улице. Кто-то распахнул дверцы машины, и теперь на всю улицу гремело «Мы всех сильнее!», и прохожие нам кричали, а проезжие сигналили. Отсыревший ночной воздух был пропитан радостью. Леха запалил фэйер, и в его едком красном свете мы приплясывали и крутили над головами шарфы, здорово напоминая шабаш нечистой силы; а когда фэйер потух, фонари над улицей еще долго казались зелеными.

Питер ликовал, и мы ломанулись в эту ночь, слились с толпами, останавливающими машины, и с теми, кто выскакивал из этих машин, чтобы расцеловаться с остановившимися; мы были светом и шумом, мокрыми полотнищами флагов и пробками на дорогах, мы снова были счастьем в чистом виде, и мне жалко тех, кто спокойно спал в эту ночь.

Постепенно обитатели нашего бара, конечно, все растерялись, и в половине четвертого утра я уже бродил по улицам с прежде незнакомыми парнями, мужиками, девчонками. Прибалдевший, охрипший и оглохший, я долгое время не обращал внимания на то, что кто-то кричит мое имя.

— Да неужели услышал! — налетела на меня Ксюша — одна из немногочисленных девушек в нашей фанатской команде, и мы обнялись неожиданно крепко от полноты чувств, да вообще не только из-за этого...

— Ты трезвый? Смотри на меня, следи за движением! Сойдет. Сядь за руль, пока из меня не выветрится!

Мы пробрались к ее машине и где-то час катались по городу. Он продолжал сходить с ума, и я радовался, что именно в такую ночь мне подфартило столкнуться в нем с Ксюшей. Она давно мне нравится — смешливая, обаятельная, с чуть ироничным взглядом веселых карих глаз.

— Почему ты здесь остановился? — спросила Ксюша, когда мы оказались на тихой узкой улице.

Я, может, и не знал, почему — ответ пришел сам собой. Я потянулся к ней, обнял ее. Я видел, как она всем телом подалась ко мне, приоткрыв губы. После первого же поцелуя мне сорвало крышу, меня уже трясло от желания, и она была такая близкая...

Жидкий белый туман повис в конце улицы, там, где между деревьями была видна река, стал расплазаться, приближаясь к нам, и скоро на стекле осели капли конденсата. Я нажал кнопку, стекло

уползло чуть ниже, и, когда его шорох прекратился, вместе с холодным влажным воздухом в салон вернулась нетронутая тишина.

— Фанатов не слышно, — первая подала голос Ксюша. Она натянула на голые плечи рубашку и застегнула ее, стала приводить в порядок растрепанные волосы. Я наблюдал за ней и улыбался.

— Ну что, готов? — Она, тоже улыбаясь, подняла тоненькие брови.

— Смотря к чему!

— Хватит с тебя пока! — засмеялась Ксюша. — Давай вези нас домой! Сначала себя вези к себе, а я к себе поеду.

Я, пожав плечами, застегнул все, что оставалось незастегнутым, и завел мотор.

Улицы напоминали гигантский стадион, который только-только покинули зрители. Отдельные группки болел выныривали из-за углов и тумана, завидев шарфы на зеркалах, радостно и охрипло кричали нам вслед, а мы устало сигналили им и встречным машинам.

— Поздно уже, то есть — рано еще. Пойдем все-таки ко мне, отдохнешь, а то еще заснешь в дороге.

— В другой раз. Не беспокойся, я нормально доеду.

Я захлопнул дверцу и когда она перебралась на водительское место, засунул голову в окошко и поцеловал ее. Знал бы я тогда, сколько придется ждать «другого раза»!

По лестнице я поднимался медленно — мне хотелось растянуть этот день, которого не было в календаре и который, наверное, прожил только этот город. Сквозь мутные стекла в парадное осторожно, как диверсант, пробирался сероватый утренний свет. Сердце нарезало круги по грудной клетке, проваливалось вниз и подскакивало, стучаясь в горло.

Расстилать постель было лень, и я просто вытащил из дивана одеяло, покидал шмотки на пол. Я уже предвкушал, как сейчас вырублюсь, когда мне почудилось, что за стеной, а может, через несколько стен играют фанатские песни. Я прислушался — в комнате стояла звенящая тишина. Мысленно подпел и поймал волну — песня зазвучала громче. Я закрыл глаза и снова провалился на залитые светом и голубыми знаменами ночные улицы.

«Мы всех сильнее!» —
Поет балтийский ветер!
Мы всех сильнее,
И значит, победим!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОСЕНЬ

ГЛАВА 6

Я проснулся без помощи будильника, зато на час позже нужного, и, откинув голову назад, посмотрел за окно. На фоне блеклых размытых облаков покачивались мокрые темные ветки с ошметками листвы. Когда я спустился во двор, все машины уже разъехались, и только мой опель одиноко ждал меня, весь облепленный оранжевыми листьями. Я вытащил из багажника метелку и долго задумчиво подметал машину. Предстоял долгий и суматошный день, и я как мог оттягивал его начало.

От моего дома до офиса можно добраться и пешком, если, конечно, время есть. У меня его, конечно, никогда не было, к тому же сегодня предстояла поездка на дальний край «Васьки» к заказчику. Заказчик был таким, что личные встречи с ним я стремился свести к минимуму. Однако человек он был нужный, и при условии правильной обработки с него можно было выдоить кучу бабла под новые контракты. Я рулил по набережной Обводного канала и мечтал, куда потрачу деньги с этих будущих проектов.

Фирма была моя, именовалась рекламным агентством «Фишка», и работали в ней помимо меня только мой однокурсник и лучший друг Саша и компьютерная дизайнерша Таня. Поначалу наше имущество состояло из телефонного номера, потом я снял крошечный офис на Лиговском, куда влезало полтора стола и два компьютера, так что втроем в нем находиться было сложно. Тем не менее я предпочитал работать здесь, потому что в шкафчике метр на метр больше делать было ровным счетом нечего.

От едкого света монитора болели глаза, сосредоточиться я не мог — одиннадцать утра, дождь, вдобавок на расстоянии вытянутой руки копошились Сашка с Таней. Причем Таня, судя по ее напряженному виду, втихаря рубилась в какую-то стрелялку. Хотя Сашка мешал мне еще больше.

— «Мировые стандарты качества», нет, длинно! «Международные стандарты качества»? Еще длиннее. «Качество, проверенное за границей», бредятина, «качество, от которого вы вздрогнете», «вы вздрогнете от наших цен». — В момент сочинения текста Саня производил стойкое впечатление умалишенного, но бормотать не переставал, надеясь, что мы подключим в помощь его выжатой фантазии свою.

— Международное качество. Международная известность... Виталик, что еще может быть международным?

— Скандал, — отозвался я, думая о другом.

Саша оставил свои попытки родить гениальный слоган и напомнил:

— Тебе надо сегодня отвезти макет брошюры на утверждение мебельному психу.

— Да, я помню, скоро поеду.

— Ты готовишь ежеквартальный? Скоро его сдавать.

— Готовлю. Нескорю.

Кстати, здесь я не только директор, но еще курьер и главбух.

— Еще тебе надо было пнуть Демина, чтобы он поторопился с фотографиями.

— Пну, — тихо отозвался я.

Все такие организованные, хоть из офиса беги.

— Как, ты до сих пор не пинал Демина? — уловила мой шепот Таня. — Календарь к пятнице должен быть готов, а фоток нет!

Похоже, действительно придется бежать. Я стал собираться и по методике «разгром помещения» искать макет брошюры. Таня вздохнула и сказала, что мое поведение выше ее сил. Я разозлился, потому что уже опаздывал, и посоветовал ей заменить стрелялку уборкой.

— Реквизиты у него сразу возьми! — крикнула мне вслед моя память, которая почему-то существует автономно от меня под именем Саша.

Я очень люблю повторять себе, что начинал свое дело с нуля. И не люблю вспоминать, что ноль этот всплыл как следствие моего полного безделья. Несколько месяцев после окончания института я болтался без работы и доболтался до такой степени, что меня уже ни под каким соусом никуда бы не приняли. Тогда, взяв Саню в напарники, а деньги на регистрацию фирмы — рублей шестьсот или восемьсот, — в долг, я влез в малый бизнес.

Сейчас это забавно вспоминать, хотя это более или менее благополучное «сейчас» длится меньше года. В первые полгода я ни копыя не заработал и не заработал бы вообще, если бы мой хороший знакомый однажды не подогнал мне своего кореша, которому мы за сущие по рыночным ценам копейки сварганили рекламную кампанию и благодаря этому с горем пополам заплатили налоги, взносы и аренду. Наше зачахшее предприятие понемногу ожило, но без мер реанимации по-прежнему не дышало.

Мои робкие попытки загнать клиентов в наши сети превратились в масштабное наступление, которое в силу моего мирного характера давалось

мне с трудом. Американские улыбки в течение рабочего дня сменялись швырянием предметов в стены дома. Этому способствовали письма, ежедневно прилетавшие из разных ожидающих нашего навару структур. Поблизости непрерывно кружили люди в черном, ища, что бы описать во благо государства. И были займы у знакомых, а еще было молчаливое и такое решительное согласие на все Сашки, что я даже удивлялся, как он, зная меня столько лет, продолжает чего-то от меня ждать. Подзаряжала меня в то время только упрямая вера в то, что все проходящее и даже самая жесткая непруха не вечна под луной.

Хочется верить, что именно упрямство, хотя, скорее всего, чудо или, может быть, лень, мешавшая мне свернуть с выбранной дорожки, разъело броню невезения. Когда я всерьез задумывался, не пора ли мне проваливать на отдаленную ферму выращивать помидоры, улыбка судьбы, которой я уже задолбался ждать, настигла меня.

Возник Клиент, с которым у нас началось Сотрудничество. Как этого представителя стремительно укрупняющегося бизнеса занесло в нашу шарашкину контору, я не знаю, но именно после его визита у меня появился мой Opel-Vectra со сверкающим корпусом и чудовищным пробегом. Все прошло. Дело пошло. Жизнь устаканилась, а я успокоился. Сашка уволился из своей аудиторской конторы, меня еще раньше выперли с какой-то случайной работы за то, что я занимался исключительно собственными делами.

...Встреча прошла на удивление гладко, как будто мебельный псих накануне выпался на поле с валерианой, и я, довольный собой, своей работой и клиентом, пустился чуть ли не вприпрыжку. По дороге, за парком, я заметил закусочную, где решил поесть, прежде чем возвращаться в затхлый офис.

В парке было сыро, крупные капли срывались с веток и падали мне за шиворот. А выше, над отяжелевшими кронами, раскинулась прозрачная жемчужно-серая высь. Это была настоящая, стопроцентная осень, именно такая, какой я ее люблю.

Если научиться жить мгновениями, счастье будет, может, коротким и необоснованным, зато острым и каждодневным. Я, не сбавляя шага, вдруг крутанулся на каблуках, и парк полетел перед глазами, по лицу скользнул ветер. Я закрутился еще и еще, жадно глотая ртом прохладный воздух. В очередной раз из папки белыми чайками выпорхнули какие-то листки, и я подхватывал их в полете над лужами. Посмеялся над собой и пошел обедать.

ГЛАВА 7

Что за черт, опять дождь! Не, я люблю дождь, он всегда навевает какие-то хорошие светлые мысли, но все-таки не три дня кряду!

Домой я вернулся настолько рано, что кот вышел меня встречать не сразу, с сонной и подозрительной мордой. Включив комп, я поискал в аське Олесю, не нашел и, вняв недвусмысленным кошачьим руладам, стал готовить ужин. Я живу один уже пару лет и умею многое из того, что изначально уметь вообще не собирался. По-крайней мере, это не ставит мою личную жизнь в зависимость от гастрита, и в этом доме я остаюсь себе хозяином. Впрочем, кот считает, что в квартире хозяин он. Я пытаюсь его переубедить, но он все равно так считает.

Мой котик заслуживает отдельного описания. Кота зовут Кот Пушист, но среди моих друзей за ним прочно закрепилось другое погоняло — Кот Фашист, что объяснялось крайне тяжелым характером моего любимца. Когда я год назад нес домой из овощного магазина крошечного, ежесекундно пищущего зверька, я и предположить не мог, какие амбиции и жажда власти сосредоточены в этом комке шерсти.

Для начала мой Пушистик к полугоду отъелся до пяти килограммов, что я заметил, когда он взял привычку будить меня прыжком с высоты мне на живот. Приобретая некоторый вес, кот стал наводить свои порядки. Я кошачью диктатуру категорически не признавал, и на пару месяцев в квартире вспыхнул локальный конфликт. Пушист избрал тактику вооруженных прыжков из засады и психологических атак, которые заключались в пронзительном мяве в предрассветные часы. Все разрулилось очень быстро, когда я перестал его кормить. На первых порах это стоило мне немало крови, но потом кот согласился на некоторые из моих условий.

Он по-прежнему принимает далеко не всех гостей, кого принимаю я, считает, что друзей у меня слишком много, и пытается это исправить. Поеданных шнурков (это правда так вкусно? Однажды слопал пять сантиметров моего шнурка с пыльных кроссовок), порванных чулок (с девушками меня ссорит. Такая тонкая подлая месть за обещанную, но так и не принесенную ему кошку) и всевозможных телесных повреждений на счету кота немало. Ему от меня, правда, тоже достается. Раз я смотрел дома футбол, и в тот момент, когда я в запале показывал нашему напу, как надо пробивать штрафной, Пушист проходил мимо по своим делам. Угодил под ударную ногу и улетел в телевизор...

Кот мне одному дается на руки, изредка лежит у меня на коленях и урчит. Он красивый — белый, упитанный, пушистый, с рыжим ухом, а рыжий хвост всегда трубой.

За ужином я собирался почитать, но Пушист улегся на книжку и настоял на телевизоре. Программы не было, и я стал щелкать каналы — на двух сериалы с двоечниками ВГИКа, на трех — новости. Хотя и зарекаюсь каждый раз больше этого не делать, послушал пять минут о том, как нас будут делать счастливыми, — замутило. Когда учился в универе, мы все вместе сделали подарок однокурснице-готке. Купили фарфоровый подсвечник в виде черепа в натуральную величину и положили его в красивый пакетик с розочками. Как многое в нашей жизни похоже на тот подарок! Сверху мило, внутри — жуть.

Наконец нашел канал, где шла заставка киностудии «Парамаунт», налил себе кофе и ушел на балкон курить.

Я сейчас понимаю, что выбрал удачное время, чтобы родиться. В те дни, когда в наших мозгах загибались первые извилины, Союз доживал последние годы и решил лишить нас наследства в виде стереотипов, идеалов и уверенности в завтрашнем дне. И я по сей день прекрасно без них обхожусь.

От моего поколения не ждали ничего хорошего. Однако никто из моих знакомых не спился, не сторчался, не сел по уголовке. «Лихие», как их теперь называют, 90-е мы пережили детьми, не осознавая толком происходящего вокруг, не давая ему оценку. Но только теперь нас, выросших в самое свободное десятилетие, нелегко напугать; трудно запудрить мозги тем, кто успел бесконтрольно подышать, посмотреть, пощупать...

Мы вновь ушли с радаров, теперь уже для тех, кто, опомнившись, вновь начал поливать юные и не очень головы процеженными «истинами». Мы не толпимся в одинаковых майках на концертах на Красной площади. Я не знаю, как выросли люди, родившиеся на пять лет позже или раньше нас, но мне кажется, жизнь подарила нам отличный шанс.

Я выпустил струю дыма в прозрачную балтийскую темноту. Хочу я того или нет, но я живу в предлагаемых декорациях. Стараюсь их не замечать, хотя это чем дальше, тем труднее. Сперва получалось, в конце концов, это самое естественное человеческое желание — жить, веря в хорошее, в добрые к тебе намерения. Все накрылось в один миг, в один день, когда жизнь разбила розовые очки, положив меня мордой в асфальт.

Это знание сидит в моем мозгу как здоровенный филин, в отдельные моменты страшая меня

большими глазами. С трезвым взглядом тяжело жить. Особенно у нас. И не по себе, как будто летишь в самолете и вдруг начинаешь понимать, что за штурвалом дилетант, а может быть, камикадзе.

Дождь кончился, и потемневший воздух пах прелой листвой и рекой. Мне даже показалось, что я слышу, как шелестит за приунывшим от сырости домом напротив Обводный. Пожалуй, я рано подвел черту дня. Я вернулся в комнату и задумался над двумя вопросами — ехать на машине или идти пешком, а также брать или не брать с собой кота. Без машины и кота вечер обещал быть более веселым и продолжительным, но мне вдруг стало жалко вновь оставлять зверя одного (слишком уж часто я это делаю), и я принялся ловить протестующего Пушиста и запихивать его в шлейку. Кот обожает поездки и прогулки по набережной, но при этом патологически боится выйти за порог квартиры. «Ну что, хвост, пошли по кошкам?» — подмигнул я ему и посадил на плечо.

Бывают дни, и они бывают часто, когда я не могу оставаться дома и сваливаю в питерский вечер за хоть какими-нибудь приключениями. Когда тепло, могу до поздней ночи шататься по проспектам, бесконечно мечтательно сидеть с пивом на лавочке, глядя на первые звезды в синем небе. Зимой приходится искать веселья под крышей — в кабаках, дискотеках, ночных клубах, — чтобы на полусогнутых приплестись домой в четвертом часу утра. Хочется отрываться! Веселиться, а не забиваться и не заполнить пустоту рядом, как считают самые непроницаемые из моих приятелей.

Я иду по набережной, глядя на огоньки по другую сторону Невы, рядом по парапету бежит кот, время от времени замирает, принюхивается и прислушивается к плеску воды. Мне с собой никогда не бывает так одиноко, как с некоторыми людьми.

ГЛАВА 8

За окном автобуса пролетают белые фонари, на полминуты освещающие полоску асфальта, кусты вдоль дороги, и бас снова ныряет в чернильную темноту. Я зеваю. Хочу спать, уже почти три часа ночи, и все прочие болевые, налившиеся до краев пивом и коньяком, отрубилась смотреть сны про завтрашний матч. Со всех сторон храп, у водителя тихо играет музыка, звякает перекачивающаяся в проходе бутылка. Мне спать мешает выпитое пиво и жгучее желание глотнуть воздуха. Еще пять минут и — хвала «Зениту»! —

впереди вспыхнули огни заправки. Вместе со мной из баса выходит только водила.

Решив некоторые насущные проблемы, я купил в ларьке печенье и сигареты и закурил в сторонке, косясь на белеющий автобус. Водила не возвращался, я подышал еще минут пять и забрался внутрь. Хорошо, что выветрился из салона пропитанный воздух. Чувствуя, что сплю на ходу, плюхаюсь на свое место и стукаюсь задом обо что-то твердое. Фотик. Я его не брал, да это вообще не мой. Включил, на экране появились улыбающиеся японцы. Меня посетила одна неприятная догадка; я встал, огляделся, увидел дрыхнувших вокруг потомков самураев, ужаснулся и побежал к водителю, который сразу остановился и меня выпустил. Туристический автобус укатил дальше, к Питеру, а я проводил тоскливым взглядом белую точку фанатского, уплывающую в сторону Первопрестольной.

«Выйду ночью в поле с “конем”...» — тянул я вполголоса, сам же смеясь над своим вокалом посреди ночного безмолвия. Вокруг серебрились мокрые поникшие травы. Трасса, на которой я полчаса безрезультатно ловил тачку, осталась далеко за спиной. Над головой мерцали россыпи звезд — в городе столько никогда не увидишь, сквозь смог проглядывают только самые яркие. В общем, если б не опасение не попасть на игру с «Локо», я б даже радовался этой нежданной прогулке.

На меня надвинулась резкая тень — я подошел к лесополосе. Если верить заправщику, она узкая, не больше трехсот метров. Зато темная и жуткая. Когда глаза привыкли к мраку, оказалось, что тропинка слабо светится. Она была ровная, и я побежал. Я себя сильно пугливым не считаю, но знаю, что треснувший сучок или блеснувшая мокрая ветка могут устроить мне разрыв сердца. Поэтому я гнал сейчас, в уши ломились лесная тишина и свист ветра, а к остальному я прислушиваться не хотел.

Внезапно лес кончился, и я вылетел на железнодорожную ветку. Не успел я отдышаться, как из-за поворота возник поезд и остановился у платформы, белевшей неподалеку. Я сделал еще один спринтерский рывок, перескочил через рельсы, обогнул хвост поезда и побежал вдоль состава. Поезд, как назло, оказался пассажирским, и все двери были наглухо закрыты. В одном из тамбуров за освещенным окном маячила фигура девушки. Я заколотил в стекло, проводница открыла, я заскочил в вагон, и платформа сразу же поплыла в сторону.

— Привет! — Щурясь от света, я разглядел ее — высокая, черноволосая и явно постарше меня будет. — Мне бы до Москвы доехать.

— Доедешь. Пойдем ко мне в купе.

Едва задвинув дверь, она с каким-то труднотаемым вопросом во взоре уставилась на меня.

— Я тебе за проезд заплачу, не думай, — уточнил я, но, кажется, не угадал. Она ухмыльнулась и приземлилась ко мне на колени.

— Да не надо мне твоих денег... — и прижалась своими губами к моим.

Лично я никогда не строю далеко идущих планов относительно женщины, пока с ней хотя бы не поцелуюсь. Иногда это меняет первое впечатление на прямо противоположное. Когда эта девица, от которой здорово несло соленым огурцом, присосалась ко мне, все заинтересованные системы получили отбой, и я решил, что до такого все-таки еще не докатился.

— Потерпишь минутку? — спросил я зловеще интимным шепотом.

— Иди уж. — Она неохотно слезла с меня.

Я дошел до дальнего конца вагона, чувствуя спиной ее взгляд, одновременно открыл двери в туалет и в тамбур и слинял из обители пылкой проводницы.

Следующий вагон оказался плацкартным, воздух здесь стоял тяжелый и спертый. Где-то в середине отыскалась свободная верхняя полка, я кинул на нее одеяло, лег и тут же стал проваливаться вниз головой куда-то в темноту. Перед тем, как полет вытеснил реальность, по коридору кто-то протопал, кажется, пылкая проводница.

Меня разбудил красноватый свет. Он помаячил передо мной и исчез за пару секунд до того, как я открыл глаза.

Поезд стоял. Он тронулся только сейчас, вагон трянуло. Чья-то бесхозная тень обернулась к окну и непонятно чертыхнулась. Свет фонарика, приглушенный какой-то тканью, теперь падал на лицо спящей на соседней верхней полке женщины. Когда черные силуэты склонились к лежащим внизу, она посмотрела на меня испуганными глазами и едва заметно качнула головой в их сторону. Я пожал плечами и резко спрыгнул в проход.

— Что вам здесь надо?!

В мгновение ока ночные гости ломанулись наутек, отшвырнув меня с дороги в сторону. Приземлился я, правда, мягко — на какую-то толстую тетю, мирно дрыхнувшую на боковухе. Через секунду в вагоне не спал уже никто, а стекла вздрогнули от истошного теткин визга. Еще толком не понимая зачем, я бросился в погоню, со мной подорвался какой-то молодой морячок.

В следующем вагоне стояли тьма и тишина. Мы с морячком подумали, что здесь их уже нет, и

здорово ошиблись, потому что внезапно в проход из-за рундука что-то кинулось, я об это споткнулся и полетел кувырком. Наверху морячок вступил в неравный бой с тенью. До меня доносились сочные шмяки ударов, а я бестолково валялся в проходе у них под ногами, не зная, как встать, и больше всего боялся, что на меня наступят.

Тут же звуки сечи стихли, кто-то через меня перепрыгнул, морячок поднял меня за шиворот, и я снова возглавил нашу операцию. Мы мчались настолько быстро, насколько позволяли узкий коридор и локти товарища. Захваченные погоней, мы проскочили три или четыре межвагонных перехода, и, распахнув дверь с шаткого мостика в очередной тамбур, я даже не успел удивиться, когда в резиновую обшивку дверного проема рядом с моим лицом вонзилась финка.

Мы все цивилизованные люди, поэтому из всех наших инстинктов безоговорочно должны слушать только один — самосохранения. Так что я выхватил нож, чтобы не дать бандитам (а кто они теперь?) им снова воспользоваться.

Тогда один из них, лицо которого было наполовину закрыто высоким воротом свитера, чуть ли не со всхлипом крикнул: «Да подавись!», швырнул в меня пакет с чем-то твердым и тяжелым, после чего они оба попрыгали в пролетающий за открытой дверью кустарник.

Мы с морячком сели у двери и несколько минут жадно дышали терпким ночным воздухом. Переводя дыхание, он протянул мне руку:

— Денис.

— Виталик.

Он подтянул к себе пакет — там оказалось несколько бумажников и маленькая женская сумка.

— Странно, что они не драпанули с награбленным! Что им мешало?

Я поднял с пола нож, вытер его рукоятку носовым платком и выкинул в раскрытую дверь. Денис молча наблюдал за мной.

Морячок предложил пройти по составу, поискать транспортных ментов. Я объяснил, почему не могу составить ему компанию, он посмеялся, мы еще раз пожали друг другу руки, и он ушел. А я вернулся назад, по пути собрав трех проводниц, отдал им вещи и отправился на поиски третьего за ночь места для ночлега.

— Осторожнее!

Я, наверное, заснул на ходу, потому что налетел в темноте на еще одного ночного гуляку-повагону.

— Простите. — Я хотел обогнуть встреченного, но он придержал меня за руку и дошел со мною до освещенного тамбура. Его лицо расплылось в

улыбке, и я в свою очередь с удивлением узнал в нем своего друга детства Костю, которого не видел года три.

— Здорово! Не спится?

— Да как-то все не до того...

— Это не ты сейчас тут носился и все громил?

— Я.

— Пойдем к нам в купе. Я с женой еду, домой, я ж в Москве теперь! А знаешь, кто у меня жена?

Женой Кости оказалась некогда чрезвычайно шумная и болтливая девчонка с параллельного класса Алена. Спустя минуту она ушла курить.

— Что у тебя нового? В Москву по делу или отдыхать?

— На футбол.

— То есть нового ничего... Понятно. А так чем по жизни занимаешься?

— За «Зенит» гоняю. Я...

Я вообще-то не стремлюсь оповещать всех знакомых о моей фирме, держусь какого-то самопального суеверия. Но полтора года прошло, наверное, уже можно.

— У меня рекламно-дизайнерское агентство. Малый бизнес, короче. Малый-ма-а-алый.

Приятное все-таки дело — удивлять бывших одноклассников. Да еще так...

— Виталь, не заливай, — немного опомнился Костя. — Ты такой психованный, какой с тебя, на хрен, бизнес!

— Во как! А я себе всегда казался спокойным человеком!

— Но не для этого. Тут концентрация нужна, умение нервы завязать узлом и прочие штуки, которых у тебя нет.

Я пожал плечами. Костя вообще внимательный человек. Знает, что мне нужно, лучше меня.

— Откуда такая уверенность? Может быть, они появились за семь лет со школы?

— Сильно сомневаюсь. Проходят годы, а ты такой же — большой футболом на всю голову. Я тебя когда спросил о занятии в жизни, ты что первым назвал?

Я улыбнулся. Вернулась Алена, сразу взявшая светский тон закадычной приятельницы, коей она никогда не была.

— А ты по-прежнему одинокий?

— Нет. Я просто один.

Хорошо зная, что сейчас пойдут уточняющие вопросы на тему, сразу поинтересовался:

— Можно я у вас на третьей полке задряхну?

— Ну... можно, — пожал плечами Костя. — А ты сам-то в каком вагоне? Где твои вещи?

— Да я зайцем. А рюкзак в автобусе с фанатами едет. Ну, я полез? Спокойной ночи!

ГЛАВА 9

Вечер застал меня на Чистых прудах. Уже начало темнеть, и в гуще листвы над аллеями затлели фонари. Пора было выдвигаться. Как перед футболом, посасывало под ложечкой, и я пошел вдоль пруда, сунув руки в карманы, и вроде не торопился, но станция метро выросла передо мной как из-под земли (хотя откуда ж ей еще расти?).

Вагон на знакомой ветке как-то особенно ожесточенно мотало из стороны в сторону. Я закрыл глаза, чтобы их не резал желтый свет и чтобы никому не уступать место, и только слушал свист снаружи. Эти шесть станций поезд пройдет не меньше чем за пятнадцать минут, но я все равно считаю время перегонов, всякий раз ошибаясь на полминуты.

В пустом дворе скопился грязно-серый сумрак, на черной громаде дома тускло светятся несколько окон, но не ее. Я сел на мокрую лавку у подъезда и закурил.

«Москва», «Локомотив», «Спартак», ЦСКА, «Динамо», еще «Сатурн» и «Химки» — я стараюсь не пропускать столичных выездов. Отправляюсь на них я всегда с фанатами, но редко возвращаюсь с ними назад. Я не могу уехать, не увидев ее.

Хорошо, когда игра в субботу. Завтра весь день будет наш. Завтра мы, держась за руки, побродим по городу, наглядимся друг на друга и наговоримся. Может, сходим куда-нибудь, куда Олесья придумает. И уж конечно, ночи и дня нам хватит, чтобы оторваться за полторамесячную разлуку. Хотя я знаю Олесю несколько лет, оставаться у нее на ночь (как и она у меня) я стал сравнительно недавно. И до сих пор этот наконец-то склеившийся интим кажется мне чем-то мало связанным с нашей одной на двоих жизнью. А вот этот пяточок у ее парадного, этот крик вороны в кроне лысеющего клена и домашний шум за зашторенными окнами до ее появления константен.

У дальнего конца дома показалась Олесья; она шла, покачиваясь на тонких каблучках, помахивая сумочкой, и, заметив меня, заулыбалась, но шаг не ускорила. Она всегда ведет себя так, будто я живу в соседнем доме и ленюсь заходить.

— Я тебя ждался!

— А я тебя тем более! Латыш, во сколько матч закончился, а?

Матч закончился в четыре, но после этого мы еще долго и шумно рассекали по Москве на радостях от победы. В один из моментов, когда мы развлекали жителей столицы невскими зарядами, на нас прыгнули конские малолетки, которые

были посланы, потом объявились «кони» постарше, с ними произошла короткая и эффектная заварушка почти без ущерба для обеих сторон. После игрек километров улиц с икс на игрек выпитого по дороге пива парни отчислились на вокзал, а я вспомнил про Олесю.

То есть я про нее, конечно, всегда помню и всегда к ней после мячика мчусь. Олеся, как завзятая фанатка «хрюшек», конечно же, имеет дома календарь сезона и знает, когда я приеду. И дует губки, если я заявляюсь ближе к полуночи, хотя не хуже меня понимает, что потусить со своими по вражеской столице святое дело.

— Удобно ты устроился, Виталик! — язвительно заметила Олеся.

Мне в ее словах почудилась легкая грусть.

— Да ладно тебе! Я соскучился, если тебе это, конечно, интересно.

— По «бомжам» своим ты соскучился! Интересно, приезжал бы ты, если б не футбол?

— На твою днюху я приезжал, да и вообще... Футбол всегда есть, и я все равно на него езжу и буду ездить. Так почему бы не совместить приятное с приятным!

— Не любишь ты себе отказывать в удовольствиях, Латыш!

— Ты тоже! Зато любишь отказывать в удовольствиях мне!

— Придется сегодня к этому прибегнуть! В кухне спать будешь!

— Не, Олеся! — Я покачал головой. — В кухню меня отсылать уже поздно.

— Ты чего делаешь! — возмущенно прошептала Олесья, несильно двинула меня локтем в бок и захлопнула дверь на лестницу.

— Давай сейчас, а то потом опять поссоримся и ничего не получится!

Олеся глянула на меня исподлобья, пару раз шумно выдохнула, а потом мы разом рванулись друг к другу, и она повисла у меня на шее, а я, утнув в первом же поцелуе, вслепую нашаривал дорогу в комнату, одновременно пытаюсь расстегнуть для начала хотя бы ее пальто.

У нее над диваном диагонально висит лампа дневного света, которая долго разгорается и разбивает это время на темные и светлые секунды. Олесья возникает и растворяется в темноте. И я не успеваю насмотреться на нее, но, оказывается, помню ее и на ощупь... К тому моменту, когда моргание угомонилось, я уже упал на Олесю, еще вздрагивая от наслаждения и ощущая, как подо мной толчками дыхания ходит вверх-вниз ее грудь. Я медленно водил ладонью по ее коже, нежно покусывал шею, готовясь ко второму захо-

ду. Рядом с лампой приклеен плакатик «Спартак», и я уже пару раз в процессе неосторожно сдираю его со стенки. Сейчас, в минуту затишья, Олеся заметила мой маневр, попыталась меня стукнуть диванным валиком, я увернулся и грохнулся с дивана на пол, утащив ее за собой. В общем-то, здесь даже лучше...

Свет, который мы забыли погасить, мешал заснуть, но мне было лень тянуться к выключателю. Страшно хотелось курить, но было так хорошо просто лежать рядом. Олеся уже спала, а я смотрел на нее и, кажется, улыбался. Она была такой милой сейчас, какой нечасто бывала в последние месяцы. Возможно, по моей вине.

* * *

Небо уже посветлело до плотной синевы. Деревья по-прежнему со свистом гнулись, но дождь прекратился. В это время на своей дальней окраине этот бешеный город затих, как и любой обычный, дожидаясь утра.

Я натянул джинсы и футболку, вышел на балкон и чуть было сразу не заскочил обратно — воздух оказался куда свежее, чем думалось. Люблю просыпаться рано, когда это не необходимость, а случайность. Я облокотился на перила балкона. И тут подо мной кто-то блаженно пробасил:

— Круто мы все-таки «крысам» вломили!

И тут же загудели несколько голосов: «А они и не ждали, бухали себе! Да они вообще из своего...

Питера не высунутся теперь!» Вплотную к балкону росло дерево, и хотя листва была уже редкой, я осторожно перегнулся через край. Внизу тлели три огонька, а сколько еще некурящих? Кого бы в начале пятого утра привлечь к благородному делу?

Я вернулся в комнату, сел на край кровати и задумался. Не, одному впрягаться глупо! Я уже хотел было лечь, но внутри возникла и стала быстро разрастаться мутная тяжесть, нагнетающая отращивание к себе. Я быстро оделся, нашел Олескину сумочку и вытащил ключи. Оглянулся — Олеся крепко спала. Ее тоже подставлять не хотелось, как, впрочем, и вводить в курс дела. Вдруг под окном ее собратья по трибуне. Кажется, они не из этого района. Кажется... Я точно знаю о них только то, что сегодня они накрыли где-то наших парней. Все еще плохо представляя свои дальнейшие действия, я запер за собой дверь, а когда побежал вниз по лестнице, по телу прошла волна приятного озноба.

Палисадником я подбирался поближе. Я уже выбрал тактику на случай, если их мало. Стоп. Я попытался разглядеть темные фигуры на детской площадке. Черт, не мое время, сумерки! То ли три, то ли четыре. Четверо. Ни то ни се. Но я решил действовать по первому варианту.

Я вернулся в соседний двор, пробежал вдоль длинной скобы до противоположного от детской площадки угла. Вдохнул. Предстоит подраться, а поскольку я не переоцениваю себя в соотношении один к четырем, — еще и побегать. Я хорошо бегаю — натренировался, пока бегал от армии, и прекрасно ориентируюсь в Олесином районе. Я надел прихваченную с собой «розу» и прогулочным шагом двинул наискосок через двор. Я никогда первым не начинаю драку.

Ожидания оправдались гораздо резче, чем я ожидал, ибо они прыгнули безо всяких там предисловий. Я удачно уклонился от удара, метнулся в сторону. Вперед вырвался самый резвый из «мясных» (да, да! Они, родимые!), которому я зарядил в табло, после чего дернул к арке, ведущей в соседний двор, где сразу полез в кусты сирени. Они выскочили и нервно завертели головами — двор был большущий, теряющийся во мраке. Наконец вся кодла — шесть (!) человек — разбрелась по одному-двое, типа «чтобы быстрее найти и отrixтовать ему щщи». Я согласно покивал им, сидя среди отцветшей сирени, потом тихо выбрался и пошел навстречу приключениям и новым столичным знакомым.

За ночь я успел перемахнуться с тремя, счет 2:1 в пользу «Зенита». Потому что один из них оказался весьма неплохим бойцом, с которым мы

надолго сцепились. Когда я услышал приближающийся топот, пришлось ретироваться, и еще минут двадцать мы гоняли по дворам, распугивая сонных кошек и ранних дворников.

Оторвавшись от погони, я не меньше получаса кружил, прежде чем вышел на остановке известного мне маршрута и продолжил свой путь по этой улице. Где-то над СвиблOVO уже занималась заря, расцветившая восточную сторону неба бирюзовым и бледно-розовым, мелкие тучки рядами уползали за горизонт — день обещал быть солнечным. Дорога пошла под горку, и я побежал, со свистом втягивая носом холодный воздух. Едва успел затормозить, а то бы принял форму столба у остановки рядом с Олесиным домом.

Замок щелкнул достаточно громко. Я замер в дверях и долго прислушивался. Тихо. Повесив куртку, я зарулил в ванную умыться и с удивлением открыл, что на скуле у меня намечается синяк. Я покопался в аптечке, но ничего от синяков не нашел — хоть Олеся и была футбольной фанаткой, в ряды ультрас еще не вступила. Ладно, авось не заметит. Я разделся, покидал одежду примерно так, как мы ее разбросали вчера, залез под одеяло к Олеске и счастливый от полноценно прожитого дня моментально отключился.

— Виталик!

Видимо, было еще рано. Я совершенно не выспался, и мышцы ныли, как будто на мне вчера кто-то ездил. Олеся не в счет.

— Виталик, проснись!

Я проснулся, но показывать это не спешил, благодаря чему успел прикинуть причину ее волнений.

— Виталик! — прорычала Олеся.

— Что случилось? — Я разлепил глаза.

— Что у тебя с лицом?

— Что-что! Как локтем мне во сне засветила, не помнишь, — проворчал я, переворачиваясь на другой бок.

— Латышев, ты мне врешь, — подозрительно заметила Олеся. — Да вставай же, соня питерская, уже двенадцать!

— Хорошо, допустим, вру. Ваша версия? — И, пользуясь ее замешательством, слинял в ванную.

Олеся хотела еще что-то спросить, но у дверей ванной я еще раз воспользовался ее замешательством и втащил подозрительную подругу за собой.

Продолжение следует.

Ксения ЕМЕЛЬЯНОВА

О себе

Родилась в Москве в 1988 году. После школы поступила в Литературный институт имени Горького. Печаталась в журналах «Арион», «Юность» и других. Занимаюсь и поэтическим переводом. Воспитываю сына Илью (3 года).

СОНЕТ

В попытках безутешных отыскать
ту светлую прощальную тональность,
в которой думать о тебе не будет так
смертельно больно,

я говорю себе: уже довольно,
уймись, захлопни форточку — сквозняк,
тепла немного здесь еще осталось,
забудь его, как ты умеешь забывать,

стирая начисто все то, что обожгло
стыдом, что ранило, что стало неугодным
царю в дырявой голове твоей,

что вновь возникнет тем больнее и страшней,
когда костяшками руки холодной
смерть постучит в оконное стекло.

* * *

1.

разум кодирует опыт в образы
режиссирует сны
каждый год я не верю, что доживу до весны
я ныряю в целебный сон, как в спасительный дом
ты живешь, как живой, в нем
в этом мире всегда есть море, и я плыву
море, бывает, топит меня
а потом баюкает, как щепочку, на плаву

иногда оборачивается пропастью за спиной
 или в углу зрения маячит сияющей ласковой синевой
 это среда моих зашифрованных сновидений, моя жизнь
 иногда меня тянет, так тянет вниз
 но у вечного океана и смерти не может быть
 я покорно тону, но не гибну, я становлюсь водой
 в этом мире ты берег, до которого не доплыть
 я касаюсь тебя волной

2.

то, что с нами случилось, я себе рассказала сама
 я сложила в слова то, на что мне хватило ума
 и для крепости пересказала тому тебе
 что живет в моей голове.
 это то, что я буду помнить: слова, места...
 история стала вполне логична и даже проста
 память придирчиво, нетерпеливо, дотошно
 редактирует прошлое
 стирает необъяснимое
 чтобы не было невыносимо
 время, когда моим воздухом был ты
 и я вдыхала тебя, как вынырнув из воды

НЕСТИХИ

мы удобные люди
 мы умеем молчать и не думать
 или думать по-тихому, про себя
 мы скромняги
 мы выносливы, терпеливы, трудолюбивы
 мы не верим, что изменить здесь что-то возможно
 нашими силами
 нам сказали, что мы безвольное ведомое племя
 мы поверили
 нам очень стыдно
 все мы были талантливыми детьми
 нам не дали образования
 или дали плохое образование
 теперь мы ничего не умеем
 не можем ничего сделать
 мы учимся всему сами
 нам нельзя болеть
 чтобы не сгнить в больнице
 мы не знаем, что происходит, где правда
 мы знаем, что нас дурачат и те и другие
 неприятно быть дураками
 самые удачливые уезжают отсюда
 к сожалению, мы не можем все переехать
 да и нет особого смысла

мы третий сорт в любой точке планеты
бедные наши дети
ребенок готов любить
все, что видит
чтобы быть счастливым
чтобы чувствовать себя уверенно
он должен знать, что все вокруг хорошо
что мама хорошая и папа хороший,
что дом крепкий и полный,
что страна хорошая
он готов ее любить
но нам приходится им объяснять
что страна у нас нехорошая
и мы плохо живем
мы рабы
и уехать нам никуда нельзя
или не объяснять и отмалчиваться
лет в семнадцать сами начнут понимать
поначалу еще будут верить
к двадцати пяти поймут
им будет так обидно
так больно
им придется что-то с этим делать
кто-то начнет спиваться
кто-то вовремя уедет
кто-то найдет в себе силы бороться
и каждое поколение
русских
проходит через это
это как этап формирования русского человека
ответить на вопрос
что делать с этой страной?
любить или ненавидеть?
как в ней жить?
жить ли в ней?
забыть ее?
но ты уже русский
и от этого никуда не уедешь
так или иначе
примешь ты на себя это бремя
или попытаешься отказаться
и будешь тащить его поневоле
ты русский
это значит, что жизнь будет сложной

* * *

на роду написано
что на роду написано?
это когда тебя от матери приняли, в слизи, сизого

а где-то там, в высших сферах уже ведомо
 где ты голову сложишь навек
 и пока еще кровь пульсирует в мягком темени
 ты тот самый уже человек
 на роду написано
 на каком на роду написано
 что еще за род
 это предки твои, все грехи их, гены их, души их, кровь и пот
 это твой народ
 это лица наши в толпе церковной похожие, Господи
 не кисель — так седьмая вода
 это мы, кровь и плоть Твоя, от единого корня
 на одном языке молим Тебя: беда
 беда такая, что дальше некуда
 даже нам ее, безропотным, не стерпеть
 лихая, слепая, бесправая,
 опять засвистала смерть
 наши «грады» и «ураганы» по нашим людям, волосы дыбом от новостей
 сколько детей отпели мы этой зимой, Господи, сколько еще отпоем детей
 помоги нам найти в себе силы поднять головы
 скинуть дьяволово ярмо
 сколько можно им резать нас, сколько можно нам подставляться под их клеймо
 дай нам волю действовать, мы по колено
 по седьмое колено в крови — и уже искупили вину
 нам пора стряхнуть с себя смерть и бессилие
 прекратить избиение, остановить войну

* * *

О чужой жизни, о красивой до боли девочке,
 я снимала бы фильм с открытым, пустым финалом,
 с незаметным концом, потерянным за рекламой,
 словно, прервавшись, его забыли возобновить.
 Полтора часа она светилась бы каждой клеточкой,
 а потом затесалась бы, как мысль перебитая,
 которую не вспомнить, не договорить.
 Так примерно и нам суждено жизнь прожить.
 Мы уходим, кто сразу, кто постепенно,
 друг у друга из поля зрения, неизменно
 в социальных сетях всплывая под Новый год.
 И, по большому счету, не будет большой разницы
 от того, кто первым из нас умрет.
 Тот, кто первым умрет, заслужит себе охов-ахов,
 породит в нескольких душах несколько смертных страхов,
 по большому счету, каждый сам за себя.
 Даже за тех, кого любишь как никого другого,
 мысль о ком не оставит в покое, в горе, в радости не исчезнет,
 ты не ляжешь ни в гроб, ни на одр болезни,
 разве только замолвишь слово
 перед той, которая нас запирает

в этом мире, помешивает, вынимает
готовенькими или полусырыми, не балуя слишком...
все мы варимся здесь под одной крышкой.

* * *

пока мы сомневаемся, мечемся, страдаем от неуверенности в верности
того, что мы делаем, делали, будем делать,
впадаем в алкогольную зависимость, боремся с алкогольной зависимостью,
не хотим бороться с алкогольной зависимостью,
думаем о карьерном росте, занимаем до полочки, разочаровываемся в себе, с
обираемся уйти в монастырь, делаем что-нибудь гаденькое,
срываемся друг на друге, разводимся, сходимся, женимся, убегаем из-под венца,
в детской головке зреют детские воспоминания:
узор обоев, свет ночника
странное чувство неволи
красота первозданная
всего на свете
даже асфальтовых трещин
неанализируемая, безотчетная
безоценочная красота
которая еще даже красотой не названа
потому что она — сама безымянная суть

* * *

вот ковыляет по парку пустой пакет
воздух перебирает пух
отдаленные звуки трогают нежно слух
все слегка шевелится, но вроде бы ветра нет

подросток-щенок инспектирует сумки тётъ
огороды сорного времени не прополоть
ветошка серая, нежность житья-бытья
прошлогодняя верба, вчерашняя поминальная кутья

вещи в руках рассыпаются, обращаются в пыль
дворники их сметают из небыли в быль
потихоньку отворачивается от солнца лицо земли
и, взлетая, гудит вдали

электричка — пустая коробочка, неуют телес
человека у эскалатора пакуют в пакет небес
куколка, смерть моя, дверь, на траве двора
скачет прозрачная детвора

Елена САЗАНОВИЧ

Елена Сазанович — писатель, драматург, сценарист, член Союза писателей России, член Высшего творческого совета Московской городской организации Союза писателей России, главный редактор международного аналитического журнала «Геополитика».

Лауреат литературных премий: журнала «Юность» имени Бориса Полевого; имени Михаила Ломоносова; имени Н. В. Гоголя в конкурсе Московской городской организации Союза писателей России и Союза писателей-переводчиков «Лучшая книга 2008—2010 годов»; Союза писателей России «Светить всегда» имени В. В. Маяковского; международного литературного журнала TRAFIKA (Прага — Нью-Йорк).

Наряду с другими известными писателями и деятелями культуры в 2006 и 2007 годах была представлена в альбоме-ежегоднике «Женщины Москвы».

«Юность» продолжает развивать новую рубрику — «100 книг, которые потрясли мир». Не только потому, что продолжаются споры вокруг предложения Владимира Путина о списке 100 книг, которые должен прочитать каждый выпускник школы. Не только потому, чтобы выявить свои вкусы или чье-то безвкусие. И не потому, что в мире существует всего 100 книг, которые почитать еще как стоит. Конечно, их гораздо, гораздо больше. Но на эту сотню книг обратить внимание стоит — чтобы отблагодарить и время, и планету, которые породили великих писателей.

Уважаемые читатели! Редакция предлагает всем вместе составить список 100 книг, которые потрясли мир и которые необходимо прочитать каждому выпускнику. Ждем ваших писем! Всем спасибо за первые отклики!

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР. «АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ» АМЕРИКАНСКОЙ МЕЧТЫ

Он всю жизнь писал об американской трагедии американской мечты. Их мечта особенная. И трагедия их мечты особенная. Там, за этим Тихим шумным океаном. Когда «Сестра Керри» и «Дженни Герхардт» понимают, что «Деньги быстро обнаруживают свое бессилие, если желания человека лежат в области чувств». И любовь быстро разбивается о деньги. А «Финансист», «Титан» и «Стоик» в одном лице уже не чувствует почвы под ногами. Под его ногами только почва из долларов: «Мои желания — прежде всего». И никаких ограничений. И уж тем более, что такое совесть? Из области фантастики. Впрочем, из области фантастики оказались и его мечты, пусть и американские. И интерес к жизни, и желание жить. И кто заплачет на его могиле? Бедные богатые люди... Увы, это и есть американская трагедия. Над которой уже давно рассмеялась аме-

риканская мечта. Которую разоблачил и которой вынес беспрецедентный приговор Теодор Драйзер. Он словно облачился в судебную мантию, постучал молотком по специальной подставке на столе перед затаившими дыхание американцами и категорично заявил: «Финита ля комедия!» «Финита ля американская мечта... Виват американская трагедия!..» И ему сразу же поверили. Безоговорочно. Хотя, увы, на время...

«Драйзер является гением в высшем значении этого слова», — написал Герберт Уэллс. Именно — в высшем! Гений — это не просто гениальный писатель, публицист, журналист, критик и общественный деятель. Каковым и был Драйзер. Гений — это еще обязательно бескомпромиссность, порядочность и верность идеалам добра. И желание посвятить свою жизнь этим идеалам. Он ее посвятил. Безошибочно. Он настолько обнажил

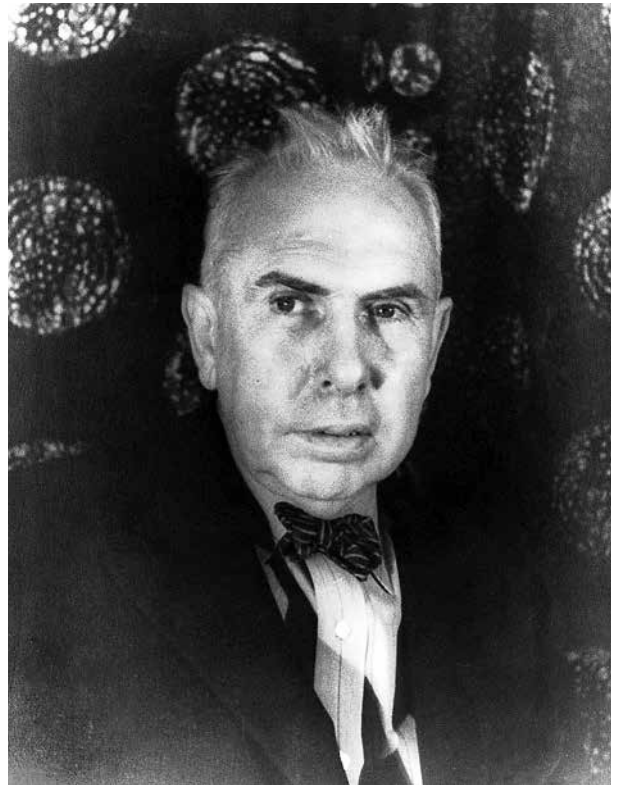

буржуазную систему ценностей, настолько ее растоптал, что Америку это шокировало. И этого она не простила Драйзеру...

Добро и зло. Бедность и богатство. Путь от бедности к богатству? Только через сделку с дьяволом. Падение с долларовой вершины головой вниз — неизбежное последствие сделки. Драйзер не собирался кокетничать ни с читателем, ни с Америкой. Он писал правду.

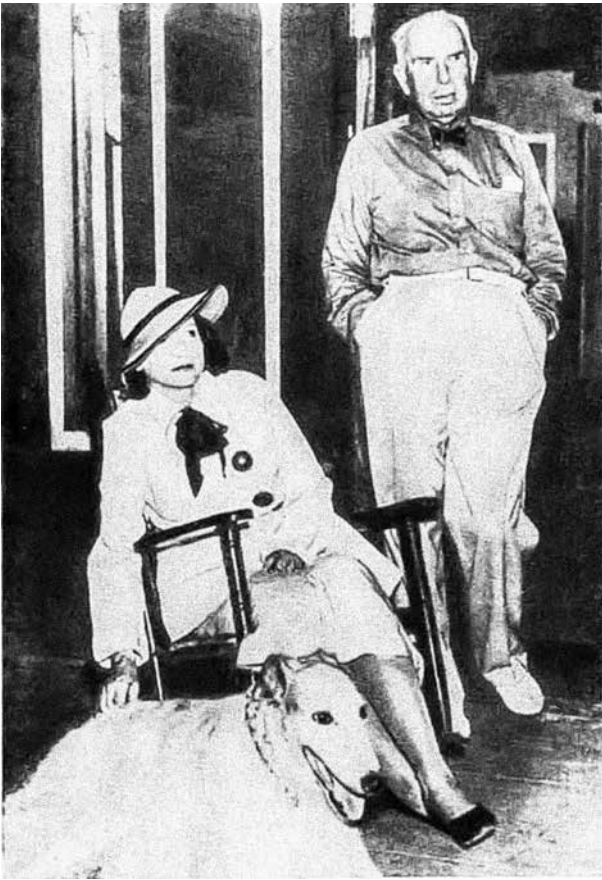
И не только потому, что сам был из бедной семьи немецких эмигрантов. Рано познал нищету. Так и не познав детство. В его детстве не было солнца, родителей и игрушек. Его детство было пропитано запахом грязной посуды в ресторанах, навоза на фермах, грязного белья в прачечных. Да мало ли чем! А еще — безработицей, бродяжничеством и ночлежками. Впрочем, что еще нужно писателю в поисках правды жизни. И трагедии жизни. Драйзер назвал ее американской. Американская мечта осталась где-то далеко-далеко за пределами Америки. Или мира. Драйзер был умным человеком. И никогда не верил в нее. И потому стал репортером. Кто еще, как не репортер, по-настоящему познает боль жизни. И донесет до людей эту боль. Кстати, национальную боль. «Я пошел работать в газеты, и с этого момента началось мое настоящее столкновение с жизнью — с убийствами, поджогами, насилием, взяточничеством, коррупцией, надувательством и лжесвидетельством в любых формах, какие только можно себе представить...» Впрочем, буржуазная пресса оказалась не менее продажна, чем американская мечта. И не менее иллюзорна.

Наступала пора великой депрессии. Нет, не Великой депрессии 30-х. Она еще впереди. Пока пора великой депрессии будущего писателя. Теодора Драйзера. Выход один. Или пустить жизнь под откос, или стать великим писателем. Он выбрал второе. И стал им. И его тут же за это возненавидели. И благопристойная буржуазия. И раболепствующая критика. Кому понравится, если подонков назовут подонками, даже если они из высшего общества. Продажных — продажными, даже если закон их в этом не уличил. А воров — ворами, даже если это законные олигархи. Драйзер не побоялся. Назвал. И все расставил по своим местам. И добро, и зло. И Бога, и дьявола. И правосудие, и возмездие. И сестра Керри, и Дженни Герхарт, и Клайд Гриффитс, и финансист, и титан, и стоик идут рука об руку. Ведь у каждого был выбор — продаться в этом мире или нет. Был... И каждый его использовал как мог. И заплатил как мог...

В 1925 году писатель откровенно назовет американскую мечту «Американской трагедией». Он уже к этому времени принял Октябрьскую революцию в СССР. И Советский союз ответил ему благодарностью. Популярность Драйзера в нашей стране была невероятной! Он стал «русским Драйзером». Он стал нашим и только нашим. У книг этого «плохого американца» и «хорошего русского» были невероятные тиражи!

«Американская трагедия», по Драйзеру, — это «классовый эпос, в котором отражен классовый антагонизм, охватывающий в наши дни весь мир». История документальна. История человека, решившего подняться до белых воротничков и ярких галстуков, до шикарного кресла в большом кабинете, до сейфов и банков. Этаким смазливый мальчик, приехавший в большой город, даже искренне (впрочем, такие, как он, не понимают, что есть искренность) влюбился, соблазнил работницу фабрики, которая от него забеременела. В итоге он, позднее познавший вкус дорогой жизни и любовь дорогой девушки, убивает свою первую возлюбленную. И оказывается на электрическом стуле... Незамысловатый сюжет? Любовный треугольник? Увы, треугольники — для арифметиков. Для географов и влюбленных — Земля круглая. И любовь круглая. Из какой точки вы-

Элен Ричардсон, вторая жена писателя, и Теодор Драйзер

шел — туда и вернешься. Или просто останешься на полпути. И типичное, как ни странно, становится у Драйзера очень замысловатым. Очень мудрым. Очень бесспорным. И бесспорно глубоко психологичным.

Драйзер назвал своего героя Клайдом Гриффитсом. Инфантильный мальчишка, на первый взгляд даже неплохой, даже милый. Но который желает все. Иневажно как. Ну и что? Я хочу именно этого! Даже если это стоит убийства. А электрический стул — это из каких-то детективов. Я хочу — и все! То, чего у меня не было. Но вот-вот может быть!.. Как он узнаваем. И как жаль, что уже и в нашей великой стране подобных мелких мальчиков становится все больше и больше. «Весь мир — для меня!» Это их девиз. Американская трагедия становится нашей. Так и не став американской мечтой...

Кстати, Драйзер обожал Достоевского. И Достоевский ему помог. «Я долго вынашивал в себе эту историю, — вспоминал впоследствии Драйзер. — Ибо мне казалось, что это была история знакома каждому мальчишке, выросшему в ма-

леньких городках Америки. Моя цель не заключалась в морализировании, но в том, чтобы хоть как-то объяснить, отчего происходят подобные убийства — а они в Америке происходят с удивительным постоянством...»

Самое типичное и ужасное, что Драйзер получил кучу писем, авторы которых писали: «Я мог бы оказаться на месте Клайда Гриффитса». Самое типичное и ужасное, что наверняка и оказывались. Ведь американская мечта вернулась. Может быть, благодаря Драйзеру, она на время ушла за пределы мира. Но все же, увы, вернулась. Ведь так все просто в американской мечте. Вдруг повезет? И не важно, какой ценой. А американская трагедия — это для гениальных сочинителей или слишком честных людей. При чем тут другие?

Драйзер не раз получал пощечины от критиков. Не раз клевета преследовала его и добивала. Не раз его обвиняли во всех смертных грехах. И бросали в него камни. Будем надеяться, что те камни бумерангом вернулись... Он много ездит по Америке. Видит безработицу и нищету. Посещает шахтерские районы, где происходят вооруженные стычки между полицией и бастующими горняками. Во главе комиссии Национального комитета защиты политических заключенных он мужественно начинает открытые слушания о положении дел. Его откровенно шантажируют. Ему грозит тюремное заключение сроком на двадцать один год. Но Драйзер не поддается шантажу и дело в защиту горняков не прекращает.

Писатель всегда принимал сторону простых людей. И сторону коммунистов. Он поэтому с удовольствием принимает приглашение посетить СССР в связи с десятилетней годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции. Несмотря на все угрозы. В СССР у него было семьдесят семь потрясающих дней! «Драйзер смотрит на Россию» — книга, которую он назвал «аплодисментами советской России». Седьмого ноября писатель в Москве на Красной площади вместе с правительством Союза. Он посещает фабрики, заводы, библиотеки, школы. Он встречается с советскими людьми, которые все его знают и почитают. Он лично познакомился и подружился с Эйзенштейном и Маяковским. Затем — Ленинград. По его словам, более красивого города он не видел. Правда от писателя-реалиста. Затем — Киев, который напомнил ему Париж. Он посещает музей Тараса Шевченко и Киево-Печерскую лавру. Интересно, что бы он увидел теперь? Наверное, просто бы написал очередной роман — «Украинская трагедия»... Затем — Харьков, где

он приобрел картину местного художника. Что бы он написал теперь? «Харьковская трагедия»... Вот и Одесса. Какая красота! Что бы он написал теперь? Неизбежно «Одесскую трагедию»...

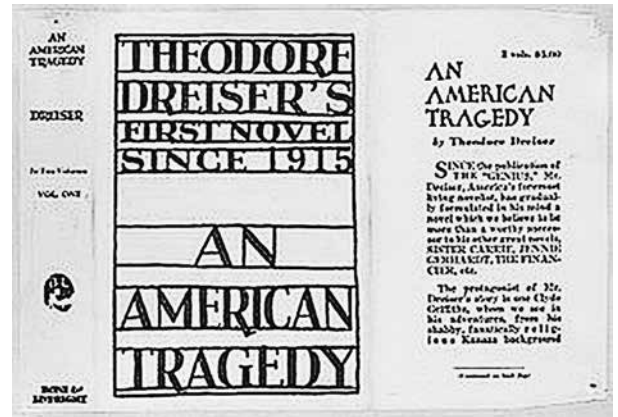
А возможно, все проще? Писатель, который смело выступал против нацизма и фашизма (в том числе американского), написал бы роман с длинным названием: «Фашистская трагедия на Украине, которой могло бы и не быть, если бы не американская мечта». Проклятая американская мечта...

По возвращении из СССР в нью-йоркском порту Драйзера окружила большая группа корреспондентов. Он прямо им заявил: «Я не был коммунистом, когда уезжал за границу, и я не возвращаюсь коммунистом... Но почему должны быть очереди за хлебом в такой богатой стране, как Америка?.. Нигде в России вы не увидите людей без пальто, стоящих в очереди в ожидании остатков хлеба... Сопоставляя свободный и неконтролируемый рост незаконных доходов, который мы наблюдаем здесь, с регулируемым производством, централизованным советским правительством, я решительно предпочитаю русскую систему».

В июне 1945 года он вступает в коммунистическую партию. Это было неизбежным. А через полгода он умирает... Настоящих коммунистов в Америке не прощают. Ни при жизни, ни после смерти...

Во время своих встреч с представителями местной прессы Драйзер неустанно критиковал американский образ жизни. «Мы называем эту страну демократией. В действительности же это олигархия, — говорил он в мае 1930 года репортерам газеты «Сан-Франциско кроникл». — Правительство расположено на Уолл-стрит, а не в Вашингтоне... Разговоры о демократии — просто шутка».

В этом — весь Драйзер. Если вы верите в американскую мечту — читайте Драйзера. Если не верите — читайте Драйзера. Если вы верите в американскую трагедию — читайте Драйзера.

Если нет — все равно читайте. Это головоломка. И верующие, и неверующие прочтут одно и то же. Теодора Драйзера. Это для арифметиков — треугольники. Для всех нас — это круг. Это шар. Как и наша Земля. Откуда вышли — туда и вернемся...

Драйзера выдвинули на Нобелевскую премию. Но получил ее Синклер Льюис. В 1930 году Льюис в своей нобелевской речи сказал, что премия по праву должна была достаться Теодору Драйзеру, ведь именно он «освободил американскую литературу от викторианской робости и направил ее по пути смелого, честного и страстного изображения жизни». Драйзер по поводу этого написал: «Я не могу себе представить, чтобы эта премия уменьшила или улучшила умственное состояние любого серьезного писателя...»

Нобелевская премия — не от Бога. Как и любая другая. Нобелевская премия — это не гамбургский счет. И гамбургский счет — это не Нобелевская премия. Премия существует одна. Она дается народом и временем. И, безусловно, Богом. Который и дарует талант. И приз этой премии — вечность. И вечная память. Эту премию заслуженно получил Теодор Драйзер. Как и еще 99 писателей, которые потрясли мир.

Ирина МАРТОВА

О себе

Я, Ирина Мартова, родилась в Омске.

Читать начала рано. Причем чтение заменяло мне все остальные детские развлечения. Занималась музыкой и благодаря настойчивости родителей окончила музыкальную школу.

В школе училась легко, хотя все предметы математического цикла не любила. Зато писала лучшие в области сочинения по литературе. После школы без особых усилий поступила на филологический факультет Воронежского университета. С первого курса занималась научной работой, была старостой студенческого научного общества, выступала на всевозможных конференциях по теории литературы. И, конечно, писала. В студенческой газете не раз печатались мои заметки и статьи, которые мама до сих пор хранит.

А еще, конечно, взялась писать стихи, рассказы и миниатюры...

После окончания учебы совсем недолго работала в Нововоронежском интернате, где учились в том числе и отказные дети — это время оставило глубочайший след в моей душе и памяти.

В последующие годы работала в школе, преподавала литературу в старших классах и была заместителем директора по учебно-методической работе.

Школу и своих учеников очень любила. Старалась каждый урок сделать незабываемым и интересным. Стала победителем районного конкурса «Учитель года», проведя урок по творчеству Анны Ахматовой.

В последние лет десять-двенадцать стала писать книги.

Пишу с наслаждением и радостью. Каждая новая книга для меня — целый мир. Мир непознанный, увлекательный, загадочный.

Мои герои — самые обычные люди: старики, дети, женщины... Меня интересуют их проблемы, печали, заботы. Мне важно понять, как человек меняется в той или иной ситуации, к чему стремится, о чем мечтает.

Сейчас я автор шести романов («Записки юной дворничихи», «Исповедь одинокой идеалистки», «Просто жизнь...», «Еще раз про любовь...», «Дожить до счастья», «Однажды, когда-нибудь...») и сборника рассказов «Мимолетное чудо».

РАССКАЗЫ

Рисунки Настасьи Поповой

ДУРЕХА

Зима налетела неожиданно. И завьюжила, и завывала, и закружила растерявшихся горожан, совсем еще не готовых к наступлению настоящих холодов.

По утрам было так студено, что люди, надвинув шапки на пол-лица и закутавшись шарфами, опрометью бежали кто до метро, кто до трамвая, кто до автобуса, подгоняемые только одним

желанием — как можно скорее попасть в тепло. Снега навалило по колено, ветер так свистел, что казалось, вот-вот снесет крышу какого-нибудь дома или вырвет с корнем и без того уже заледеневшее дерево.

В общем, зима лютовала, ни больше ни меньше...

На третьем этаже самого обычного панельного дома жила Тоня.

Худенькая, задумчивая, светлоглазая, она казалась многим старше своих двенадцати лет. Было в ней что-то такое, что заставляло прохожих невольно оглядываться, вопросительно сдвинув брови. Одни, завидев ее, неосознанно пытались вспомнить то, что пряталось где-то далеко-далеко, в глубинах их уже заскорузлой памяти. Другие озадаченно пожимали плечами, третьи улыбались ей вслед... Но все абсолютно сходились в одном. Необычная, светлая девочка. Им казалось, что Тоня излучает то ли свет, то ли тепло, то ли какое-то сочувствие... В общем, странное она производила впечатление. Очень странное.

Жила Тоня с бабой Галей. Эта самая баба Галя, известная всей округе своим крутым нравом и скандальным характером, житья девочке не давала. И если чужие, взглянув на Антонину, качали головой: «Удивительная, светлая какая-то...», то баба Галя раз и навсегда определила для себя ее сущность: «Дуреха, как есть дуреха...»

Так и повелось сызмальства:

— Чего реवेशь, дуреха?

Или, не стесняясь, на всю улицу:

— Эй, дуреха, воды дай-ка...

Тоня на бабу Галю не обижалась. Да и как обижаться на единственного родного человека. Девочка понимала, что не со зла она так горячится, да и вообще, какое имеет значение, как тебя называют?

Дуреха так дуреха.

Подумаешь. Пусть себе...

Была у Тони, среди многих ее достоинств, одна особая страсть: уж больно она любила зверье всякое. Кого только она не обихаживала, не лечила, не подкармливала! Ну, про кошек и собак местных и говорить нечего, те за ней просто хвостом ходили, но и всякая иная живность так и липла к девочке. Баба Галя, завидев очередную хромающую кошку или безглазую собаку, так и похихивала:

— Эй, дуреха, твой новый пациент объявился!

Но как-то, не выдержав нашествия животных в доме, рывкнула на весь квартал, раз и навсегда поставив точку в поползновении на ее жилплощадь:

— Ты мне гляди, дуреха! Чтoб ни одна из этих тварей в дом ни-ни... Ни ногой!

Тонька поначалу открыла рот, чтобы возразить бабке, но потом, спохватившись, сообразила, что спорить бесполезно: ведь она и сама-то тут только по ее милости находится.

Карманы девочки всегда были полны крошек, собранных в кулачок со стола, обгрызенных зачерствевших хлебных корочек, зернышек гречки и риса, оставшихся на полу и незамеченных бабой Галей. Тоненькие пальцы Тони, привыкшие к работе и всегда заляпанные зеленкой или йодом, умели осторожно поправить сломанное крылышко, промыть свежую рану, перебинтовать разбитую лапу животного.

Баба Галя, глядя на это с нескрываемым раздражением, только покачивала головой да пожимала плечами:

— Ну и дуреха... Слышь, Тонька? Дуреха, говорю, ведь ты!

Девочка согласно кивала, но упрямо продолжала делать свое праведное дело. Однажды, правда, не выдержала и попыталась образумить вконец рассерженную родственницу:

— Да ты что, баб? Они ж беззащитные... Жалко их!

— И-и-и, — обреченно махнула рукой на нее старуха, — ну ты и глупая! Одно слово — дуреха... Ты б о себе-то подумала лучше! Тебя хоть кто-то пожалеет в этой жизни! Ох, Господи, твоя воля... — Бабка истово перекрестилась, взглянув на небеса: — Прости, Господи, ей блажь эту. Дуреха, ить сама не понимает, что творит!

Так день за днем и боролись бабка с внучкой.

Старуха не принимала милосердия, а девочка слушала сердце.

А ночью...

Ночью баба Галя, долго ворочаясь в кровати, что-то бубнила и, наконец, засыпала богатырским сном, а Тонька, забравшись с ногами на подоконник, долго-долго сидела так, сжавшись в комочек, глядя в небо, на далекие мерцающие звезды, и мечтала о том, чтобы не стало на Земле бездомного зверья, чтобы птицы бесстрашно летали над домами, чтобы было чем накормить голубей в сквере, чтобы кроликов не держали в клетках....

А иногда она вспоминала родителей.

Маму, которую плохо помнила, потому что она умерла, когда Тоне едва исполнилось шесть, отца, который спился, бесконечно оплакивая потерянную любовь...

И тогда девочка накрывалась с головой одеялом и тихонечко плакала.

Так и жили.

Однажды этой зимой, налетевшей так неожиданно и сурово, баба Галя, еще сидя в кровати, позвала девочку и, мрачно глядя на растерявшуюся внучку, сказала, отчего-то глядя ей прямо в глаза:

— Ну-ка, говори как есть... Чего это ты ревела ночью, а?

Тонька поглядела в сторону:

— Это я так...

— Как это так? Ну?!

Тоня пожала плечами и тихонечко прошептала:

— Мамку вспомнила...

Она ожидала, что старуха сейчас выйдет из себя, зычно закричит, как обычно, нахмурится, но баба Галя вдруг как-то всхлипнула, покраснела и, протянув вперед руки, схватила девочку и прижала к груди:

— Ах ты, дитячко... Бедная сиротинушка!

Тонька от неожиданности сначала напряглась, а потом, почувствовав, что бабка искренне горюет, шмыгнула носом и обняла старуху за шею:

— И я тебя люблю...

И пошла привычная жизнь.

Бабка сидела на лавочке, сварливо ругалась с соседями, гоняла мальчишек да зычно кричала, обернувшись к дому:

— Дуреха... Ты где? За хлебом сходи. Слышишь, дуреха?

Тонька послушно исполняла все ее желания. И на «дуреху» совсем не обижалась.

Ну и пусть... Дуреха так дуреха!

Главное, она теперь знала, что бабка ее тоже любит.

НЕВЕЗУЧАЯ

Люське в жизни не везло.

Привыкшая с младенчества к своему невезению, она никогда даже и не пыталась докопаться до причин такой фатальной потери удачи, просто спокойно принимала это как данность и, в общем-то, привыкла, притерпелась, как-то приспособилась.

Не везло ей всегда.

В детском саду, например, когда вся ребятня азартно прыгала вокруг новенькой песочницы, только она, Люська, вдруг споткнулась о деревянный бортик и с дикими воплями скатилась прямо под ноги тут же стоявшей воспитательнице. Переполох поднялся невообразимый! Люська орала на весь белый свет, некоторые из детей, особенно впечатлительных, взялись ей вторить, причитающая воспитательница, увидев кровь на рассеченной Люськиной губе, побледнела и с перепугу стала звонить в скорую.

Был и другой случай, не менее печальный.

Собралась Люська в первый класс. Волновалась, всю ночь перед таким важным событием не спала, все вскакивала да в окно глядела — не пора ли белый фартук надевать? Утром мама ее намыла, нарядила, нацеловала на прощание, вручила огромный букет, и они радостно отправились в школу «за знаниями». Люська от счастья не знала, куда себя девать! Еще бы... Все как положено ученице: и фартук белый, и букет цветов со странным, но красивым названием — георгины, и огромный бант на голове! Но самой большой Люськиной гордостью были удивительные колготочки,

которые мама купила в детском отделе взрослого супермаркета! Колготки эти совершенно пленили Люську: тонкие, эластичные, прозрачные, словно летящая по воздуху осенняя паутинка, они так нежно и ласково обнимали Люськину тонкую ногу, что самой себе она казалась величавой и царственной дамой, горделиво шагающей во взрослую жизнь. В общем, восторги так распирали счастливую Люську, что, войдя на школьный двор, она совершенно позабыла, что надо, как учила утром бабушка, глядеть под ноги и, споткнувшись о небольшую ямку в асфальте, оступилась и рухнула на одно колено. Все оказалось испорчено: и праздничное выступление, и перепачканный белый фартук, накрахмаленный бабушкой вчера вечером, и разлапистый букет георгинов, осыпавшихся и помятых, но самым большим горем зареванной Люськи были расплзшиеся на колене в огромную дыру беленькие колготочки, которыми она так гордилась.

— Эх, невезучая ты, — с сожалением констатировала белобрысая девчонка, стоявшая в строю справа.

Люська сердито обернулась к ней и, сжав ладошку в кулачок, хотела показать задире, где «раки зимуют», но вдруг передумала и печально опустила голову, прошептав:

— Ага. Невезучая я.

Так и пошло-поехало....

То там, то здесь природа-матушка частенько напоминала Люське о ее неумении удержать удачу. В школе училась она ни шатко ни валко, и не то

чтобы ленилась, нет. Просто как-то не давались ей математические предметы, а учителя, как назло, будто специально сговорившись, после ужасной фразы «К доске пойдет...» называли Люськину фамилию. Ну что тут поделаешь?

Приходилось выходить, трясая от страха, к этой самой доске, и пытаться в очередной раз натушно извлекать из головы дурацкие теоремы и аксиомы. Господи! Как Люська в этот момент ненавидела и себя, и учителей, но особенно тех, кто эти неподдающиеся разумению теоремы придумал. Переминаясь у доски с ноги на ногу, она сердито бубнила себе под нос:

— Вот придурки-то! И чего им не жилось спокойно? Подумаешь, математики великие!

Короче, все эти стояния у доски чаще всего заканчивались очередной двойкой и жесточайшими разборками дома. Ни мама, ни бабушка ни в какую не хотели верить в то, что их драгоценная Люська не способна к математике, и потому все их беседы заканчивались одним и тем же:

— Лодырь ты! Ленивица...

На что Люська, исчерпавшая все аргументы и уже досыта наревевшаяся от обиды, огрызалась что было мочи:

— Да не везет мне просто! Ведь они ни Катюку, ни Ленку каждую неделю не вызывают, а меня совсем замучили. Невезучая я! Невезучая...

Выросла Люська, несмотря на свою всем известную невезучесть, красавицей. Куда только подевались и острые, вечно разбитые коленки, и редкие веснушки, и рыжие ресницы. Она стала стройной, высокой, медноволосяй... Но по-преж-

нему, то ли следуя детской привычке, то ли завидуя вдруг откуда-то возникшей ее красоте, девчонки из класса так прямо и говорили ей вслед:

— Невезучая! Эй ты, невезучая...

А бабки, сидящие возле подъезда и исстари отличающиеся язвительностью натуры, не давали и родственникам Люськиным покою:

— Где это ваша невезучая? А? Что-то давно вашей невезучей не видно!

Ни мама, ни бабушка не обращали внимания на словоохотливых соседей, а Люська вообще их не замечала, проходила мимо, задрав нос, чем опять же вызывала их недовольство:

— Ишь, зазналась... Невезучая!

Так и шли годы.

В институт Люська не поступила.

Так оно и понятно — не повезло!

Зато года через два встретила парня, да какого! Работящий, непьющий, добрый...

— Подфартило, наконец, нашей невезучей, — искренне удивлялись доброжелательные соседки.

— Ну Люська, ну подруга, — недоумевали одноклассницы, — схватила-таки удачу за хвост!

Зажили молодые душа в душу.

А когда в доме счастье, так и время летит незаметно. Три года пронеслись как один день. Но тут судьбинушка, видно, отлично помнившая, что Люська когда-то ходила в невезучих, решила, наверное, восстановить справедливость, вернув все на круги своя.

Люськин муж попал в аварию.

Жуткую. Страшную. Безжалостную. Но, слава богу, выжил, только остался без ног.

Люди вокруг шептались, судачили по углам:

— Ить, невезучая она! Вот и сгубила парня своей природой неудавшейся...

Злословили, сплетничали. А чего им? Язык без костей. Пусть себе...

Люське трудно пришлось в ту пору. Ой как трудно... Ребенок еще не подрос, бабушка померла, маму надо было лечить — в общем, как известно, беда одна не ходит. Но Люська, сцепив зубы, с раннего утра до позднего вечера работала, как ломовая лошадь, себя не жалела, только и думала о том, что кроме нее некому. Она в их семье теперь крайняя... Должна она суметь, должна выстоять!

Ох и досталось ей тогда....

Иногда, чувствуя, что силы на исходе, Люська закрывалась в ванной комнате, отчаянно в голос

рыдала, открыв кран с водой, чтобы лежащий в комнате муж не слышал ее причитаний.

А потом...

Потом, наплакавшись и высморкавшись, умылась холодной водой и шла к нему. Садилась рядом, гладила по голове, рассказывала заводские новости, кормила, переодевала. Иногда пела что-то протяжное, раздольное, словно исповедовалась песней. Он в ответ ласково улыбался и, целуя ее руки, все шептал:

— Невезучая ты моя... Бедная! Замучилась ты со мной? Устала.

Она обнимала его крепко-крепко, прижималась к груди и, чувствуя, как учащенно бьется его благодарное сердце, упрямо и радостно отвечала:

— Ну что ты?! Что ты! Разве ж ты не понял? Какая же я невезучая? Нет... Самая счастливая я! Счастливая! Слышишь? Везучая...

Засыпая, она и сама уже верила в то, что нет больше невезучей Люськи.

Нет! Просто потому, что есть на свете счастье... И любовь.

ТРИ ВОЛШЕБНЫХ СЛОВА

Варвара устало откинулась на высокую спинку мягкого старинного дивана и слегка прикрыла глаза. «Устала, устала, устала...» — чуть капризно, чуть расслабленно сказала она себе и вытянула руки вперед, словно стараясь обнять все окружающее ее пространство. Устать и вправду было от чего: уже третий день гости, друзья и родственники отмечали крестины их внучки. Девочке исполнилось полгода, и они наконец решили, что пора ее крестить, тем более что стояло ослепительное лето — солнечное, яркое, сияющее. Внучка была замечательной: забавной, умненькой, смешливой и непоседливой. Все в меру. Варя любила ее, баловала и большинство забот взяла на себя, стараясь облегчить дочери и праздничную суету, и развлечение несколько назойливых гостей. Три дня пролетели как в угаре. В их огромном доме все стояло вверх дном: гремела музыка, постоянно менялась посуда, на кухне без остановки что-то кипело, варилось и жарилось. Всех сытно кормили, поили, угощали сладостями и развлекали как могли.

Наконец, к концу третьего дня, совершенно выбившись из сил от бесконечного застолья, муж с еще оставшимися друзьями отправился в баню, дочь с зятем уехали домой, увозя на руках уснувшую внучку, а Варя, падая с ног от усталости, вошла к себе, присела на диван, собираясь спокойно выпить чашку чаю. Варя так умаялась, что только под конец третьего дня, когда вконец уставшие гости стали разъезжаться, вдруг сообразила, что так и не рассмотрела те несколько подарков, которые преподнесли ей лично. Сейчас, сидя на огромном старинном диване, немного расслабившись и успокоившись, она вспомнила об этом и, встав, легко открыла ящик письменного стола, стоящего напротив. Варвара протянула руку и на-

угад коснулась указательным пальцем одной из коробочек, загадочно темнеющих на дне деревянного ящика. Это был синий бархатный футляр.

Наклонив голову, Варя припомнила, как три дня назад, войдя в гостиную, она будто бы заметила на комоде этот самый футляр. Тогда она не придавала этому значения, решив, что кто-то из гостей привез для малышки подарок и оставил его в гостиной. Гости съезжались, времени не было, и, окликнув Агашу, Варя сразу поручила ей унести футляр и положить вместе с другими подарками в ящик старинного письменного стола, стоящего в ее комнате. В праздничной суете, принимая поздравления, встречая и провожая друзей, она совершенно забыла об этом, но теперь, сидя на диване, решила полюбопытствовать. Очень уж не терпелось узнать, что там скрывается в синей бархатной коробочке! Открыв письменный стол и достав оттуда загадочный подарок, Варя отчего-то не спешила его открывать. Что-то необъяснимое беспокоило ее, тревожило и томило. «Что это? — подумала женщина, присев с синим футляром на краешек дивана. — Отчего такая тяжесть на сердце? Точно как у Куприна в "Гранатовом браслете"». Отложив так и не раскрытый футляр, она подошла к книжным шкафам, распахнула один из них и достала небольшую книгу в красном переплете. Черным по красному было вытеснено: «А. Куприн. Гранатовый браслет».

Варвара торопливо открыла книгу и, поспешно листая, нашла то, что искала: «Она разрешила ножницами ленту и бросила в корзину вместе с бумагой... Под бумагой оказался небольшой ювелирный футляр красного плюша, видимо, только что из магазина. Вера подняла крышечку, подбитую бледно-голубым шелком, и увидела втиснутый в черный бархат овальный золотой браслет, а вну-

три его бережно сложенную... записку». Захлопнув книгу, Варвара долго задумчиво сидела, с необъяснимым страхом глядя на лежащую на краю дивана коробочку. Ей вдруг стало холодно несмотря на то, что в доме было очень тепло. Однако постепенно Варя успокоилась, улыбнувшись своим глупым, как ей казалось, предчувствиям. Не торопясь, предвкушая удовольствие и удовлетворяя истинно женское любопытство, Варя нарочито медленно приоткрыла коробку из синего бархата. Открыла и замерла, не сдержав изумленного возгласа: на белом атласе лежали серьги поразительной красоты, массивные, из белого золота с сапфирами. Сердце затрепетало, кровь прилила к лицу, но совсем не красота ювелирного изделия заставила Варю вскрикнуть от удивления, взволнованно вскочить с дивана и захлопнуть коробку!

Когда-то давно, очень давно она уже держала в руках эти серьги. Это были они, конечно, они, — ошибки быть не могло! Это было словно послание из ее прошлого... «Господи, — подумала Варвара, ощущая, как колотится сердце, — сколько лет прошло! Слово и не в этой жизни... А может быть, это было и не со мной?! Может быть, я об этом где-то читала или мне это приснилось?!»

Даже не притронувшись к ним, она вдруг все поняла: и от кого подарок, и что он означает, и была абсолютно уверена, что внутри футляра есть записка. Грустно улыбаясь и слегка покачивая головой от вдруг нахлынувших то ли радости, то ли сожаления, то ли еще чего-то, чему трудно подобрать название после стольких лет, она опять бережно приоткрыла коробку и поняла, почему сразу не заметила записку. На белом атласе, под массивными серьгами, крохотный белый листочек был совершенно неприметен. Задражавшими от волнения пальцами Варя ласково прикоснулась к изумительно красивым серьгам, приподняла их слегка и вытащила белый листочек, свернутый пополам. Волнуясь, развернула его и поднесла к глазам, каким-то внутренним чутьем узнавая давно, казалось бы, забытый почерк. Набежавшая вдруг слеза помешала сразу разобрать мелкие буквы. Варвара подняла краешек нового платья и, смахнув им непрошеную слезу, прочитала всего три слова. Три слова...

«Пожалуйста, вспоминай меня...»

Она резко встала с дивана. Подошла к окну и, зажав в руке только что прочитанную записку, вдруг горько и безутешно заплакала, прислонившись горячим лбом к холодному стеклу.

О чем она плакала? Трудно сказать... Об ушедшей молодости, о первой любви, о бывшей красоте или о нем, так сильно когда-то любимом? Никто не знает, да и не надо знать... Зачем?

Постепенно успокоившись и вытерев слезы, Варвара медленно вернулась к дивану. Теперь уже спокойно взяла в руки синий бархатный футляр и внимательно посмотрела на серьги. Да, без сомнения, это были те самые серьги, которые она когда-то вернула ему, возвращая вместе с ними и данное им слово. Она усмехнулась. Он любил Куприна так же, как и она. Он вообще был ярким романтиком, любил необыкновенные вещи, читал стихи, совершал безумные поступки. И очень любил ее. Варю.

Она глубоко вздохнула и погладила маленькую синюю коробочку, лежащую на диване.

Он был... Был.

Стояла осень. Золотая, солнечная, ослепительно-багряная... Солнце еще не устало, поэтому дни были яркими и теплыми. Парки, засыпанные опадающими листьями, казались сказочными, летающие паутинки выглядели серебряными ниточками, кружащимися в прозрачном воздухе, небо, ярко-синее, было не по-осеннему высоким. Они встречались уже год и собирались пожениться. Был ли кто-нибудь счастливее ее, Варя не знала, но чувствовала, что любовь переполнила ее до краев, и она, боясь расплескать свое чувство, бережно охраняла его от чужих завистливых глаз.

В конце ноября он сделал предложение. Варя, сияя от счастья, конечно же, его приняла. А еще приняла маленькую синюю коробочку, которую он, в знак своей любви, ей преподнес. Затаив дыхание, она открыла синий бархатный футляр и вскрикнула от радости и смущения — таких дорогих подарков ей еще никто не делал. В синем футляре на белом атласе лежали потрясающие серьги с синими сапфирами. «Они как твои глаза», — сказал он тогда, заметив ее радость.

Варя глубоко, горестно вздохнула, вернувшись в реальность нынешнего дня.

Он был...

Все закончилось довольно банально, когда она подняла случайно оброненную им записку от другой женщины. Даже теперь она помнит, как болело сердце, когда он пытался что-то объяснить, как было страшно и жутко от нахлынувшего одиночества, как от рыданий ломило в затылке. Не слушая ничего и не пытаясь что-то понять, она швырнула в лицо ему этот футляр с разлетевшимися по комнате сережками. Она ненавидела его тогда...

Потом ее успокаивали, говорили, что все подстроили подружки, что измены не было, но она и слушать ничего не могла да и не хотела.

Жизнь все расставила по своим местам.

Она вышла замуж за другого. Жила спокойно, ровно, мирно и только иногда, очень редко, про-

сыпалась в слезах. Ей снились его глаза в тот момент, когда она швырнула ему в лицо серьги.

Прошло много лет. Очень много! Прошла жизнь...

Счастливое и размеренное супружество успокоило ее, она все забыла и жила теперь только семейными заботами, лишь изредка перечитывая рассказы Куприна. Муж Вари знал, что если она читает Куприна, то потом обязательно будет плакать. Отчего? Это было неведомо ему. Да и неко-

гда ему было разбираться в ее женских капризах. Подумаешь! Этих женщин не поймешь: то плачут, то смеются...

Так и шли годы.

И все бы ничего, если бы не сегодняшний подарок. Кто и как передал его, кто принес в дом, кто положил на комод? Какая разница?!

Главное — эти три волшебных слова...

«Пожалуйста, вспоминай меня...»

ПОДАЯНЬЕ

Воскресное утро шумело.

Как всегда по воскресеньям, народ шел к храму. Нарядные женщины, солидные мужчины... То семьями, то поодиночке... Матери больших семейств шли степенно, важно, ведя за собой одетых, умытых и принаряженных детей. Стекаясь со всех сторон небольшими ручейками, у стен храма они превращались в большую полноводную человеческую реку. Воскресная служба набирала силу, колокол зазвонил, басовито растекаясь по округе, на клиросе запели певчие, замелькали огнями лампы у святых икон, сладко запахло ладаном и плавящимся воском.

На паперти, занимая привычные уже места, толпились нищие, бродяги и юродивые. Странно, но и здесь царил некая суета. Двое нищих громко спорили о том, кто должен встать ближе к воротам. Они препирались громко, долго и сердито, пока один из прихожан, чуть запоздавший к началу службы, не остановил их:

— Уймись. Грешно это! Вы ж не на базаре...

Они замолкли, продолжая, однако, сверлить друг друга сердитыми взглядами. Оказывается, и на церковной паперти существует своя негласная иерархия. Чудеса, да и только!

Чуть поодаль от громко спорящих нищих стояла женщина. Очень скромно одетая, чистенькая, аккуратная, почти совсем седая, она стояла, стыдливо потупив глаза и переминаясь с ноги на ногу. Одетая во все черное, она, хоть и нарочито сутулилась и низко наклонялась, не могла, как ни старалась, скрыть горделивую осанку. Прямая спина, развернутые плечи, узкие запястья выдавали в ней особу если и не важную, то уж явно выросшую не в нищете и убожестве. Стоя в стороне от большой толпы просящих подаяние, она, молча и как-то обреченно, ожидала, пока хоть кто-нибудь из проходящих мимо прихожан милости ради подаст и ей. Однако люди,

спешащие в церковь, отчего-то словно не замечали понуро стоящую в стороне даму, одетую во все черное. Оживленно и бойко подавая другим нищим, бродягам и юродивым, прихожане почему-то не задерживались около дамы с благородной осанкой. Лишь изредка кто-то, словно по ошибке, замедлял шаг. Когда же в ее кружке, которую она держала одной рукой, громко звякнула первая монетка, женщина вздрогнула, как от удара хлыста, побледнела и прикрыла глаза. Непрошенная слеза выкатилась из-под длинных ресниц и поползла по бледной щеке, оставляя на ней тонкий влажный след. Женщина склонилась еще ниже, то ли чего-то стыдясь, то ли и впрямь опасаясь, что ее узнают.

Время шло...

Стоящие рядом нищие, грязные и оборванные, косо поглядывали на даму. Они понимали, что она здесь неспроста, но заговорить с ней не решались.

Прошло еще около получаса...

Певчие пели, слаженно и вдохновенно вторя распевной молитве священника, потрескивали, догорая, свечи, прихожане истово молились у святых икон кто за здравие, кто за упокой. У каждого из нас своя боль и своя печаль...

Дама в черном все стояла возле храма, низко наклонившись, изредка поправляя черный платок на голове и беспокойно переступая ногами, обувными в легкие туфли. Слушая громкое речитативно-напевное чтение знакомых с детства молитв, вторящее им многоголосие певчих, басовито-раскатистый звук колоколов, дама истово крестилась, что-то беззвучно шепча.

Она прикрыла глаза...

Боже, сколько было, оказывается, счастья в ее детской беззаботности! Она росла в спокойствии, любви и доверии. Обеспеченные родители, лучшая школа, языки и музыка, танцы и верховая езда — все, что нужно для блестящего воспитания

наследницы. Родители души не чаяли в единственной дочери. Замуж вышла удачно. Беда пришла неожиданно, как, впрочем, и всегда... Сначала скоропостижно умерли родители, потом неожиданно погиб муж, банковские счета оказались пустыми, платить прислуге, учителям и репетиторам дочери стало нечем. Да что там учителя — на питание стало не хватать! Вплотную приблизился тот черный день, о котором всегда стараешься не думать, опасаясь его наступления... Что делать, как жить дальше — она не представляла. Было страшно. Очень...

Она пыталась, как могла, исправить то, что катастрофически рушилось. Ходила по домам, предлагая уроки. Все что угодно — музыка, рисование, языки... Она не чуралась никакой работы — бралась мыть полы, ходила за больными, нянчила младенцев и все шептала и шептала бледными губами: «Помоги, Господи! Помоги...» Но отчего-то люди не брали ее на службу: их пугали то ли ее интеллигентность и безупречное воспитание, то ли поселившаяся в ее глазах глубокая бесконечная печаль. Силы таяли, слезы иссыкли, надежда ослабевала. Она старела, худела, седела.

А годы все шли и шли...

Единственным утешением была дочь — певунья, хохотушка, отрада! Но, как и водится, беда одна не приходит... Девочка стала болеть. Доктора качали головой и прятали глаза. Денег, которые она зарабатывала, уже ни на что не хватало. Сидя у постели больной девчушки, она горько плакала и только тихо шептала: «Помоги... Помоги, Господи!»

Вчера ночью, вдоволь наплакавшись и нагоревшись, она задремала, сидя на стуле у постели дочери. Ей снилось далекое прошлое: счастливое беззаботное детство, молодой смеющийся отец, цветущий яблоневый сад, большой дом со светлыми ставнями. Потом вдруг привиделась матушка в длинном белом платье. Она шла по дому, уходя все дальше и дальше от нее, а перед тем, как войти в последнюю дверь, мать вдруг неожиданно обернулась к ней и тихо-тихо, одними губами, произнесла: «В храм иди... В храм. На паперть». Она сильно вздрогнула и очнулась от этого странного сна со смешанным чувством страха и сомнения. Что это — сон или явь? Она глубоко задумалась... В храм — понятно, все дороги ведут к храму. Но на паперть? Зачем?! Как?! Просить подаянье?

В смятении она провела остаток ночи. Долго стояла у окна, пристально всматриваясь в предутренний сумрак, то ли пытаясь разглядеть в полумраке только что приснившуюся ей мать, то ли надеясь найти ответы на бесконечные вопросы. На душе было беспокойно и тревожно, сердце взволнованно колотилось в груди. Однако же, когда

стало светать, она решительно подошла к старому шкафу, открыла скрипучую дверь, достала черное платье, платок, переоделась и, оглянувшись на дремавшую дочь, спокойно вышла из комнаты. Она решилась... Она шла в храм. На паперть.

Служба заканчивалась.

Дама в черном задумчиво и как-то отрешенно стояла на паперти, низко склонив гордую голову, время от времени вытирая непрошеную слезу то ли отчаяния, то ли стыда, то ли тоскливого одиночества. Лишь изредка она поправляла черный платок, беспокойно переступала с ноги на ногу и по-прежнему что-то тихо шептала. В руке дрожала почти пустая кружка. Она ждала подаянья. Это был ее крест... Она несла его достойно, лишь все ниже и ниже опускалась когда-то гордая голова.

Николай Семенович быстро вышел из храма. Дел накопилось много. Настроение было паршивым. Все надоело. Все! Не хотелось ни пить, ни есть, ни работать. Все опротивело, наскучило — и чужие женщины, и дорогие рестораны, и бесконечные шумные попойки. Он вел пьяно-разгульную жизнь, постепенно лишаясь и верных друзей, и преданных жен, а главное — растрачивая и теряя себя. Выходя из очередного загула, он, не задумываясь, пускался в следующий, потом еще в один, и так бесконечно крутилось угарное колесо пьяного вихря. А что? Денег много, здоровье есть... Живи — не хочу! Лишь иногда, трезвея, Николай Семенович хмуро и угрюмо молчал, глядя в одну точку по нескольку часов, словно пытался понять что-то постоянно от него ускользающее. А потом вихрь удовольствий и развлечений опять уносил его в пьяные угарные дали, и дни мелькали и мелькали, складываясь в недели, месяцы, годы...

Николай Семенович вышел из храма, надел шляпу, застегнул пуговицу на пиджаке и быстро пошел по высокому крыльцу. На паперти, как обычно, стояли нищие, убогие и юродивые. Досадливо поморщившись, он привычным жестом достал из кармана мелочь и, особенно не разглядывая стоявших тут грязных и оборванных людей, стал на ходу кидать в их протянутые руки и подставленные кружки монетки. Последней в ряду просящих подаянье стояла женщина в черном. Было что-то настолько беспомощное, стыдливое и трогательное в ее склоненной голове, что Николай Семенович, неожиданно замедлив шаг, решительно достал из кармана монету покрупнее и бросил в кружку. Уже шагнув в сторону от склонившейся в благодарности женщины, он вдруг резко остановился, даже не поняв сначала, от чего. Мгновенно обернувшись к даме в черном, он, словно боясь подтвердить этим вопросом свою сумасшедшую догадку, внимательно

посмотрел на нее и, медленно краснея, изумленно произнес, шагнув к ней ближе:

— Зиночка? Зинаида Васильевна?!

Потом, словно не веря своим глазам, опять повторил:

— Это вы? Зина?!

Женщина в черном, услышав свое имя, испуганно подняла глаза на мужчину и, обронив от неожиданности кружку с несколькими монетами, быстро пошла в сторону. Слезы градом хлынули из глаз, и она, захлебываясь от рыданий, только и смогла что произнести:

— За что, Боже? За что?

Он, совершенно растерявшийся, ничего не понимающий, но абсолютно уверенный в том, что не ошибся, шел за ней, пытаясь что-то сказать. Николай Семенович не верил своим глазам, но это точно была она! Она... Зиночка! Его первая и единственная любовь... Он помнил, какой она была в юности — красивой, улыбчивой, смешливой. Тогда он, боясь потерять свою пресловутую свободу, промедлил, опоздал и потерял ее. Она вышла за другого... А он, богатый, одинокий, но зато совершенно свободный, пустился в свое угарное плавание. Менял жен, строил заводы, пил и гулял, сначала с обидой думая о ней, а потом и имени ее не вспоминая! Так бывает в жизни... И он катился и

катился в никуда, теряя в этой суматошной круговерти и радость, и здоровье, и надежды, и самого себя! И вдруг...

Они долго говорили. Вспоминали. Плакали о былом и настоящем. Когда же совсем стемнело и первые звезды осветили темный небосвод, он вдруг сказал, покачивая уже седеющей головой:

— Я понял! Я все понял... Ведь это не ты просила подаянье сегодня, не ты! Это я! Я пришел в храм просить милости Христа ради... Я ведь давно в церкви не был, а сегодня будто что-то толкнуло! Не поверишь, так не хотелось, а пошел! Пошел...

Он помолчал, собираясь с мыслями. Потом ласково улыбнулся и продолжил:

— Ведь это мне сегодня Господь подал! Мне! Да... Это я, совершенно потерявшийся, обессиленный и заплутавший, пришел в храм за подаяньем. И Бог меня услышал, понимаешь, Зиночка, услышал и спас меня грешного!

Они пошли по совершенно темному городу. В домах уже гасли огни, прохожих почти не было на пустынных улицах. Только одинокая луна освещала их путь, то показываясь из-за туч, то скрываясь в них. И лишь далекие, холодно мерцающие звезды равнодушно наблюдали за ними, получившими нынче и полное прощенье, и робкую надежду, и потерянное счастье. Подаянье...

ТЫ ОПОЗДАЛ...

*Все тебе: и молитва дневная,
И бессонницы млеющий жар...*

Анна Ахматова

Она сидела на крыльце большого старого загородного дома.

Давно перевалило за полдень. Оглушительно стрекотали кузнечики, щебетали, перелетая с дерева на дерево, веселые птицы, огромный шмель то и дело зависал над крыльцом, словно старался своим раскатистым жужжанием напугать притихшую девушку. Легкий ветерок, то порывисто налетая, то задумчиво затихая, ласково трепал светлую прядь волос, беспечно выбившуюся из затейливой прически.

Софья сидела молча, уставившись в одну точку. Лишь изредка она взволнованно покачивала головой, закрывала глаза и пожимала плечами, будто ведя с самой собой безмолвный спор.

Выглядела она довольно необычно, если не сказать — странно...

Длинное белое подвенечное платье, двухслойная фата, белоснежные атласные перчатки, лаковые свадебные туфли на высоком каблучке. Просто сбжавшая невеста, да и только!

Софья, сидя на истертом от времени большом крыльце и глядя задумчиво куда-то в сторону, почти беззвучно повторяла одни и те же слова: «Ты опоздал на много лет... Ты опоздал на много лет! Ты опоздал на много лет!» И было что-то бесконечно печальное, безысходное и безгранично тоскливое в этих словах, произносимых девушкой в подвенечном платье.

Она встретила его на Приморском бульваре. Он был хорош собой — высокий, плечистый, черноволосый, сероглазый... Соня, обожавшая стихи Ахматовой, вдруг, неожиданно для самой себя, еще подумала тогда: «Надо же... Прямо

как сероглазый король Ахматовой. Точно, точно — Сероглазый король!» Залюбовавшись незнакомцем, она даже остановилась посреди шумной пестрой оживленной толпы, беззаботно гуляющей по берегу моря. Он же, весело болтающий с другом, к которому приехал в гости, вдруг, словно почувствовав пристальный взгляд незнакомки, резко обернулся в ее сторону. Взгляды пересеклись. И, как говорят, случилась любовь...

Соня, впервые влюбившись, кинулась в это чувство как в омут с головой — и кипела, горела, бурлила. Счастье так захлестнуло ее, что она порой даже забывала поесть, а когда у нее спрашивали, какой сегодня день или который час, она недоумевающее застывала, не понимая, о чем идет речь. Счастливые часов не наблюдают — известная истина, да это и понятно... Пролетело два месяца. Целых два месяца, а ей казалось — один миг! Он был военным, и его отпуск заканчивался. Собираясь в дорогу, он много раз подряд без устали повторял, что любит, вернется за ней, и только просил его дождаться.

— Ты обязательно меня жди, слышишь? Сонечка, обязательно жди! Я приеду...

Соне было страшно представить, что наступит утро, а он не постучит в окно их старого большого дома, не крикнет звонко: «Сонька! Выходи, любимая...»

Сидя у окна и глядя на его кожаный темный чемодан у двери, она горько плакала. Он, и сам расстроенный предстоящим расставанием, цело-

вал ее руки, перебирал волосы, а потом, решив отвлечь, предложил:

— Давай погадаем на стихах твоей любимой Ахматовой, а? Ну давай...

Он подошел к полке, взял двухтомник и негромко сказал:

— Загадывай страницу.

Соня, тихо всхлипнув, вытерла платком покрасневший нос и, совсем не думая, произнесла:

— Восемьдесят шесть.

Он оживился, ему и самому было интересно, что ж там напороочила великая поэтесса. Открыв нужную страницу, он весело хохотнул:

— Слушай, такого совпадения и быть не может! Слышишь? Вот, читаю:

Чернеет дорога приморского сада,
Желты и свежи фонари.
Я очень спокойна...

Весьма довольный только что произнесенными строками, он отбросил книгу и обнял девушку:

— Соня, вот видишь — «Я очень спокойна», значит, нет причины для печали! Я за тобой вернусь. Послушай меня. Послушай и постарайся понять. Я тебя очень люблю, очень! Я даже и представить себе не мог, что можно так любить, ты словно часть меня, понимаешь? Не плачь. Только не плачь! Через год мы будем вместе, и уже навсегда! Обещаю. Слово офицера!

Соня, уткнувшись лицом в его плечо, слушала, верила и не верила. Вытирая слезы, замирала, чувствуя биение его сердца.

Последний вечер они провели уединенно. Не хотелось видеть ни друзей, ни родственников... Дорожа последними минутами, они не хотели их растрчивать на ненужные разговоры. Они просто молчали. Но в их молчании был такой порыв любви, такая нежность, такая страсть, что их безмолвие оказалось сильнее тысячи слов! Лишь напоследок она шепнула ему:

— Может быть, я все-таки с тобой поеду? А? Я без тебя умру!

Он ласково поцеловал ее:

— Глупышка... Тогда я тоже умру. Ты лучше дождись меня, пожалуйста.

И он уехал.

Без него было пусто. Одиночество, тоска и отчаяние казались непреодолимыми, уныние и грусть стали ее постоянными спутниками. Постепенно она привыкла. Потом повеселела. Стало легче. Он часто звонил, изредка приходили пись-

ма. Соня по сто раз перечитывала их, заучивая наизусть. Он любил, скучал, ждал отпуска, чтобы вернуться за ней. Зачитав до дыр его очередное письмо, она складывала его в деревянную бабушкину шкатулку и терпеливо дожидалась следующего.

Так прошел месяц. Полгода. Десять месяцев... Она уже считала дни до его возвращения, светилась от счастья, сияла радостной улыбкой. Собираясь на работу, сбегая по ступенькам крыльца или стуча каблучками по Приморскому бульвару, она громко, нараспев, читала любимые стихи:

Я над будущим тайно колдую,
Если вечер совсем голубой,
И предчувствую встречу вторую,
Неизбежную встречу с тобой!

Последнее письмо пришло за три недели до его приезда. Был теплый июньский день. С утра будто бы и дождик собирался, а потом тучки растаяли, и ослепительное солнце так старательно наверху вало упущенное, что к вечеру просто нечем было дышать. Достав письмо из покосившегося почтового ящика, Соня, от нетерпения приплясывая, тут же открыла его и, прислонившись спиной к стволу старой липы, стала читать, без труда разбирая ставший уже родным почерк. Он любил, очень скучал, собирался в поездку.

Соня была так счастлива, что, казалось, во всем мире не было ничего такого, что могло бы омрачить ее радость. Она вошла в дом, сняла со стены большой настенный календарь и красным карандашом обвела те числа, которые отделяли ее от долгожданного дня. Теперь, решила Соня, каждый день она будет зачеркивать их, приближая заветную дату.

Она очень ждала. Очень. Но он не приехал... Ни через три недели, ни через месяц. Не приехал, не позвонил. Просто исчез. Пропал. Будто и не было его вовсе на этой земле.

Соня сначала ждала, недоумевая. Пыталась звонить. Трубку никто не поднимал. Потом, совершенно отчаявшись, она долго и безутешно рыдала, потом впала в такую тоску, что не хотела не то что есть, а даже умываться по утрам. Она похудела, побледнела, под глазами появились синяки. Родные серьезно опасались за ее здоровье. Она все время сидела дома, безмолвно глядя в одну точку.

Прошло пять лет. Время, конечно, лучший лекарь: Соня успокоилась, улеглись обиды. Не забылись, нет... Но теперь она стала взрослее,

сдержаннее, скупее на эмоции. Потом встретился человек, который ее полюбил, помогал ей, поддерживал и, наконец, позвал замуж. Софья целый год не могла решиться, все отшучивалась, отговаривалась, отнекивалась — и обидеть хорошего человека было страшно, и обманывать его не хотелось. Однако, понимая, что нужно все-таки что-то решать, она согласилась на этот брак под напором родственников и подруг.

И вот настал долгожданный день.

Как было тяжело на душе с утра, как хотелось плакать! Надев белоснежное платье, уложив светлые волосы в затейливую прическу, она вдруг вспомнила, как они гадали по стихам Ахматовой перед его отъездом. Сама не понимая, зачем это делает, она стремительно подошла к книжной полке, быстро достала светлый двухтомник и, почти не задумываясь, решительно наугад раскрыла одну из книг. Строки, которые она увидела, вызвали в ее душе настоящую бурю эмоций:

О тебе вспоминаю я редко
И твоей не пленяюсь судьбой,
Но с души не стирается метка
Незначительной встречи с тобой.

Бросив книгу на диван, она побледнела и закрыла лицо руками. Хотелось так закричать, чтобы весь мир услышал, как ей плохо, как она тоскует, как плачет и стонет душа. Но за стеной собирались гости, под окном стояли машины с разноцветными лентами и куклой на капоте, в гостиной накрывались столы. Шумные, уже чуть подвыпившие, гости то и дело порывались войти к ней в комнату с поздравлениями. Для цветов уже не хватало ваз, поэтому их ставили просто в ведра, наполненные ледяной колодезной водой.

— Ну что ж, — сказала она себе, — свадьба так свадьба! Хуже не будет.

Оглянувшись, она увидела, что книга, ею брошенная, так и не долетев до дивана, упала на пол, раскрывшись на середине. Она грустно улыбнулась:

— А книга-то здесь при чем?

Соня медленно подошла, наклонилась и, взглянув на распахнутую страницу, совершенно машинально прочла:

Широк и желт вечерний свет,
Нежна апрельская прохлада.
Ты опоздал на много лет,
Но все-таки тебе я рада...

Девушке стало не по себе. Легкий холодок пробежал по спине.

— Господи! Мистика какая-то, — прошептала Соня, испуганно захлопнув книгу.

Она подошла к окну и, отдернув тяжелые шторы, долго и задумчиво смотрела куда-то вдаль, то ли пытаясь что-то вспомнить, то ли стараясь что-то позабыть.

Гости шумно и радостно рассаживались по машинам, кто-то из них, очевидно, выпив чуть больше положенного, вдруг начал громко петь, кто-то безудержно хохотал, кто-то успокаивал плачущего ребенка... Наконец все разместились, уселись и большим праздничным караваном отправились на официальную регистрацию. Подруги беззаботно хохотали, что-то рассказывая друг другу, в машине гремела музыка, теплый легкий ветер, врываясь в открытые окна, ласково касался волос невесты, задумчиво глядящей в окно. Еще несколько минут, и она станет женой... Соня усмехнулась. «А что, — подумалось ей, — может быть, не так уж это и плохо. Говорят же, что все к лучшему...» Она почти успокоилась и, расслабившись, вступила в веселую и бессмысленную перепапку подруг.

Вдруг в этой свадебной суете и шуме она услышала телефонный звонок. Соня, сообразив наконец, что звонит ее телефон, все никак не могла вспомнить, куда же его засунула. Она долго искала его в сумке, потом в корзине с конфетами и шампанским. А он все звонил и звонил... Замолкал на мгновение, а потом начинал с новой силой напевать бесконечную мелодию.

— Да что ж такое, — изумленно подумала Соня, — кому ж так не терпится поздравить меня?!

Она наконец отыскала разрывающийся от звонков телефон среди кучи наваленных на сиденье машины вещей. Краем глаза взглянув на незнакомый номер, она быстро нажала на кнопку и громко произнесла:

— Да...

Ей показалось, что в эту минуту мир обрушился на ее голову. Ей почудилось, что в то мгновение, когда она подняла трубку, ее сердце остановилось. Где-то далеко-далеко она внезапно услышала:

— Это я...

Побледнев, чувствуя, как стучит в висках, как похолодели ноги и руки, не веря своим ушам, она чуть слышно опять повторила, почему-то шепотом:

— Да.

В ответ прозвучало:

— Соня, это я.

Он помолчал, а потом тоже очень тихо проговорил:

— Я вернулся. Соня, милая, я вернулся. Через два часа я буду у тебя. Ты все поймешь...

Беспомощно оглянувшись вокруг, Соня испуганно откинулась на спинку сиденья. Сердце так бешено колотилось, что она даже руку положила на грудь, пытаясь успокоиться. В голове смешались тысячи мыслей и вопросов, и не было ни одного ответа. Ни одного... «Господи! Как это может быть? Как? Что делать?!» — стучало и стучало в голову. Она внезапно вспомнила, как прочитала утром в распахнувшейся книге:

Ты опоздал на много лет,
Но все-таки тебе я рада...

Вспомнила, оглянулась вокруг и, глубоко вздохнув и набрав в легкие побольше воздуха, громко и решительно крикнула водителю, перебив на полуслове праздничный бессмысленный щебет подруг:

— Стой!

Озадаченные нарядные гости, высыпавшие из машин, остановившиеся случайные прохожие и проезжающие мимо люди с недоумением, растерянностью и даже некоторым испугом молча наблюдали, как Софья, высоко подобрав подол свадебного платья, быстро и решительно шла обратно, в сторону своего дома. Это и вправду было бы смешно, если бы не было так грустно.

Она сидела на крыльце большого старого загородного дома. Давно перевалило за полдень. Легкий ветер ласково касался ее затейливой прически, нежно перебирал складки белоснежного подвенечного платья, осторожно прикасался к длинным атласным перчаткам на ее руках...

Она ничего не замечала. Только иногда, в каком-то оцепенении, почти беззвучно произносила: «Ты опоздал на много лет... Ты опоздал на много лет...»

Было тихо-тихо. И деревья, и птицы, и ветер будто замерли, прислушиваясь к ее шепоту.

Повернувшись к дороге, Софья внимательно поглядела вдаль.

Она ждала его. И ни о чем не жалела. Ни о чем. Что ж...

Каждый выбирает свою дорогу.

Дорогу любви...

Николай МИТРОФАНОВ

Из «Автографа о себе»

...Мне трудно теперь сформулировать, как и какими путями приращивались в моих писаниях темы, как своеобразно порой трансформировались некоторые из них, тем более что с самого начала своей по-настоящему сознательной жизни я с большей или меньшей интенсивностью действовал в журналистике, вступил в Союз журналистов СССР, несколько лет руководил литературно-драматической редакцией Всесоюзного радио, в 1990-е годы часто печатался в газете «Вечерняя Москва», где работал штатным обозревателем. Я был шеф-редактором журнала «Странствия и приключения», главным редактором издательства «Знание». Последние десять лет мною отданы «Московской энциклопедии», оригинальному изданию историко-биографического толка, о котором, сдается, будут немало говорить после его завершения примерно через год. В вышедших трех томах «МЭ» напечатано множество моих статей о знаменитых и неизвестных москвичах и гостях Первопрестольной — большинство их подписаны мною и потому легко узнаваемы...

ПО СЛЕДАМ СВИРЕПЫХ РАЗБОЙНИКОВ ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ ГОБИ

Слухи о страшных испытаниях, встретившихся на пути экспедиции всемирно известного художника Николая Рериха в Тибете, сильно будоражили его поклонников в конце двадцатых годов. Противоречивые сведения об опасностях, которые подстерегали Николая Константиновича со спутниками в оторванных от цивилизации районах, о его непонятном «пленении» местными властями, каждый раз порождали все новые вопросы. Поэтому когда в 1929 году он на три дня приехал в Париж, к нему тотчас примчался русский журналист Лев Любимов.

Встреча с путешественником в отеле на Елисейских полях произвела на молодого репортера

большое впечатление. Восторженно вглядываясь в лицо героя азиатских просторов, он видел в нем овеянность «тайнами тибетских скал и пустынь». Более того, собеседнику Рериха казалось, что «улыбающиеся будды, ламы и йоги Индии не перестают глядеть на него».

Художник очень торопился. Назавтра он отправлялся в Америку, где во время его отсутствия был основан Музей Рериха, уже сосредоточивший более тысячи его собственных живописных произведений. При музее создавалась школа искусств. И, кроме всего прочего, в музее ждали и новые наброски и картины, на которых жил, переливаясь невиданными красками, только недавно покинутый Тибет...

Рерих начал рассказ о своих путешествиях с женой и сыном Юрием, точно обозначив пройденный гигантский маршрут: Сикким, Кашмир, Малый Тибет, Каракорум, Яркенд, Кашгар, Карашер, Алтай, Монголия, Центральная Гоби, Китай, Цайдан, Гималаи, Тибет и снова Сикким. Весь этот путь преодолевался на верблюдах и лошадях. Постепенно сменялись проводники и охрана, вербуемые из местных жителей.

— Мы видели местности неисследованные, людей, с которыми не говорили еще белые, имели счастье узнавать предания и верования, о которых еще никто не слышал в Европе, — быстро говорил Николай Рерих. — Я совершил это путешествие как художник и археолог, и то, что я вынес из него, не изгладится во мне.

Мы шли по Центральной Гоби путем, считавшимся непроходимым. До нас думали, что там нет воды. Недавно в тех местах свирепствовал грозный монгольский разбойник Джа-лама. Тысячи людей были у него в подчинении. Это не был обыкновенный разбойник. Его привлекали грандиозные замыслы. Джа-лама был своего рода государем. Он построил город с башнями и дворцами. Пленные работали для него. Мы побывали в этом городе — он теперь запущен, никто более не живет в нем. Джа-ламу убили три года назад. К нему пришел монгол, сказал, что хочет его приветствовать. Но под белым одеянием монгола был

Казнь. Монголия, начало XX века

Трофей Джа-ламы — кожа, снятая с живого киргизского богатыря

Дамбижанцан, более известный под именем Джа-лама (справа)

браунинг. Склоняясь перед разбойным повелителем Гоби, он выхватил браунинг и застрелил Джа-ламу. И замечательно, что после смерти Джа-ламы его воины уже не сопротивлялись. Они рассеялись по Тибетской пустыне.

В местности, где некогда царствовал Джа-лама, к нам приближались какие-то всадники. Они смотрели пристально на нас, окружали минутами наш караван, затем ускакивали прочь...

Трудным путем мы шли через Цайдан: горные цепи, песчаные площади, соленые озера, покрытые толстой, звенящей под ногами соляной коркой, с дырками через каждые десять-пятнадцать шагов. Два дня, осторожно ступая, мы шли по соляной коре огромного озера. Провалился один наш верблюд.

Ладак — Малый Тибет — одна из самых красивых местностей на Земле. В Центральном Тибете вы не найдете такой романтики: чередующиеся

степи и горы, нависшие над утесами развалины замков...

В Тибете местные власти позволили нам идти лишь две недели. Нас задержали в октябре и, откладывая со дня на день наше освобождение, заставили стоять на месте полгода. Никаких объяснений нам не давали. Свирепствовали страшные холода, мы замерзали. Погибли во время этой стоянки пять человек и девяносто два животных.

Полная нетронутость, богатство жизни поражает в Тибете. Это какой-то девственный мир. На севере мы видели людей племени хорпа. Никто еще не исследовал этого племени. Люди хорпа поразили нас: не китайцы, не индусы, не монголы. Когда мы на них глядели, мерещились в памяти старинные испанские и французские портреты. Перед нами были какие-то д'Артаньяны с длинными кудрями, орлиными носами, глубоко поставленными глазами: баски... Их оружие — типичное оружие готов, в предметах искусства тот же «звериный» стиль, что и в готских памятниках. В Трансгималаях минутами чувствуешь себя словно в Бретани: высятся среди скал «длинные камни», менгиры и кромлехи. Не исследованы еще пути великого переселения народов... Невольно думаешь о словах испанского миссионера, побывавшего в XV веке в Центральной Азии. Монах утверждал, что место, где ныне стоит Лхаса, прежде называлось Гота...

В Трансгималаях, в местности Доринг, что значит «длинный камень», живет обособленный, не знающий почти европейцев народ. Неожиданное и таинственное видение России: женщины носят кокошники, унизанные бусами, раковинами, жемчужинами... Никто еще не исследовал, откуда пришло это племя, кто эти люди. Мы хотели снять женщин в кокошниках, но они пугались, бежали прочь, падали в ужасе на землю...

Теперь я пишу о Шамбале, великом учении о будущем, первые записи которого были сделаны в XI и XII веках.

Ум управляет психикой, рождаются новые силы, новая энергия, человек может смотреть в будущее, сам входит в него не как раб, а как господин: так учит Шамбала. В этих записях мы нашли изумительные совпадения. Вехи современной истории указаны древними мудрецами Шамбалы. Неисследованная, никому почти неведомая древняя мудрость!

Мой сын прекрасно говорит по-тибетски. Мы беседовали с мудрецами Тибета. Они несловохотливы, испытывают вас, желают узнать, способны ли вы понять их. И лишь испытав, медленно посвящают в свои тайны.

Слева направо: В. К., Ю. Н. и Н. К. Рерихи. Харбин, 1930-е годы

Далай-лама — это скорее светский лама; настоящий духовный лама — таши-лама. Об этом в Европе знают лишь смутно. Да вообще обо всем, что творится в Тибете, не знают почти ничего. Кто исследовал вопрос о вере Бон-По, черной вере, отрицающей буддизм? Люди черной веры все творят наперекор буддийским традициям, даже в мельчайших подробностях, ходят в храме не слева направо, а справа налево, и т. д. Эти люди поклоняются древним богам, царствовавшим до Будды, богам Свастики, огня: древний, родственный Европе друидизм.

Но больше всего меня поразила Шамбала: изучая ее, неожиданно проникаешься неким новым, для всех общим языком.

Потом Рерих говорил об Индии, где за жизнью городов, торговой и базарной, кроется другая, таинственная и великая жизнь, о людях Индии, понимающих чужие мысли, достигших чуткости необычайной, людях, давно узнавших, что мысль может передаваться в пространстве, оставляя в нем физический след...

«Восток, вечный, таинственный, метафизический, вставал в словах моего собеседника», — так закончил интервью журналист Лев Любимов.

Георгий ПРЯХИН

Продолжение. Начало в № 5, 6 за 2015 год

MORITURI TE SALUTANT!

РОМАН

Рисунок Эдуарда Дудина

ПРЕМЬЕР ГЕОРГИЙ МАЛЕНКОВ ВЫХОДИТ НА НОВУЮ РАБОТУ

Куды прёсси?!
Сухая, мосластая и вместе с тем широкая в заду, как то бывает со старыми рабочими одрами, баба повернула к нему изможденно-серое, с яростно закушенной в углу бескровного рта самокрутку лицо и зло повторила:

— Куды прёсси? Директора ждем...

Швабра, которой она только что остервенело орудовала, зажата в костлявых руках. Готовая взлететь и, обдавая градом грязных брызг с намотанной на ней мешковины, обрушиться на чужую неожиданную голову.

Маленков оторопел. Грузный, циклонический, как вывороченный на берег кит, в белом, чеховски дачном полотняном костюме и в такой же белоснежной полотняной фуражке с высоким околышем, которую он в эту решительную минуту растерянно, по-школярски сдернул с головы и смял в пухлой руке — в другой у него потертый, в лишаях, кожаный портфель, — он резко остановился и как будто бы поперхнулся, не находясь с ответом.

Обшитый дубовыми панелями, с такими же записными, как и его старый желтый портфель, коридор узок, вдвоем не разойтись.

Тем более двум таким разнородным существам, хотя и относящимся, говорят, к одному виду — млекопитающих.

Задыхающийся, поскольку выброшен из воды, кит и — старая, изнуренная, но все еще норовистая кляча, с обломками желтых прокуренных зубов. И с ядовитой злостью в сощуренных, выцветших глазах. Цвета нет, и злость и стала их однородным цветом.

— Кого в такую рань?..

И осеклась. К ней стало что-то доходить. Поджеванная сигарка задумчиво переместилась в другой конец безгубой расселины.

По виду баба вроде бы русская. Маленков, хоть и тщательно, десятилетиями скрывавший и даже в самом себе вымарывавший свое дворянское происхождение, все же сохранил, не вытравил то безошибочное чутье на все русское, особенно в языке, что было присуще всему обнищавшему российскому мелкопоместью.

— Гм... Гм... Здравствуйте...

Голос довольно высокий и тонкий, что, как ни странно, часто, запечным сверчком, вселяется в людей больших и грузных. И даже мужественных. Такой, например, был у Твардовского, у Собчак... У Ельцина.

«Голос — что в ноздре волос: тонок да нечист...» Пожалуй, никто в Политбюро, включая самого Сталина, не знал этой старинной, жесткой, даже чуть похабной русской поговорки. Кроме Маленкова.

— Здравствуйте! — увереннее произнес Маленков.

— Здравствуйте! — хрипло ответила уборщица и вынула сигарку изо рта. — Вы кто?

Люди любой национальности, долго проживая в инородной среде, национальной, социальной или географической, как бы окисляются, приобретают ее, этой среды, инородные черты. Здешнее солнце ли опалило в общем-то изначально правильные, европейские черты, непривычная, хотя и длительная нужда ли обглодала природный костяк, выпростав наружу мослы и жилы? Задрапированную было грубую оснастку. Язык ли, приспособиваясь к окружающему вульгарному подзолу, забыл родную почву, но люди эти становятся другими, попадают в какой-то промежуточный разряд.

Только теперь, когда злость из ее глаз ушла, Маленков увидел, что глаза у нее — подводные. Встречаются такие изначально красивые, но потом постаревшие и подурневшие женщины с глазами — утопленниц. Смотрят на вас как бы из-под воды усталыми русалочьими глазами. Усталыми, но при этом неуловимо распутными.

Досрочно простарелая, донельзя огрубелая кляча из некогда нездешних, столичных кобылиц стояла перед вчерашним премьером.

Ему еще только предстояло, так же, как когда-то и ей, стремительно сбросить барственный вес, провалиться гудронными глазами, достичь умеренного дрожанья рук и забыть те мясистые обороты речи, о которых Марсель Пруст когда-то сказал: истинный аристократ и мужик говорят одним языком.

Умереть ему предстоит где-то в восемьдесят восьмом, и, встретиться они, в общем-то, ровесники, перед его смертью, они бы показались парой.

Холстомеров. Толстовских коняг.

Неужели из ссыльных? — подумал Маленков. Теперь они и в этом стали равней.

— А где же Васька? — совсем другим голосом и даже выговором другим спросила, робея, коняга, приставив швабру к стене и туда же, прочь с дороги Маленкова, подвигая ведро с холодной и грязной водой. — И Зинка так рано не приходит...

Зинка, догадался Маленков, секретарша. А вот Ваську он уже знал. Тот представился ему еще накануне вечером, встречая на вокзале.

Почти неделю добирался Маленков сюда из Москвы. И всю эту неделю в одном с ним купе ехал один и тот же человек. Ехали они без пересадок, просто их вагон на разных станциях перецепляли то к одному составу, то к другому. Ма-

ленков, переодевшись в пижаму, молча лежал на своей полке, отвернувшись к стене. Изредка наспех, без аппетита перекусывал тем, что собрала в дорогу жена Валерия. Где-то на третий день попутчик взмолился:

— Может, в ресторан сходим, Георгий Максимилианович?

Это при том, что они не знакомились и вообще трех слов до тех пор не сказали.

— Иди, — буркнул Маленков и накрыл голову второй подушкой.

Странно: люди в вагоне вроде бы были, но никто в него на остановках не входил и никто отсюда не выходил. Проводник только без конца заглядывал:

— Чаю, Георгий Максимилианович?

Впросительно глядя при этом почему-то не на самого Маленкова, а на его спутника. Несколько раз, понизив голос, вопрошал:

— А может, водочки?

Маленков отрицательно качал головой. Но водочку все же приносили. И не официантка, а все тот же подозрительно лощеный проводник, прямо-таки выпиравший из своей железнодорожной формы. На фигурном жостовском подносе оказывались два бутерброда с московской колбасой, два стакана, бутылка боржоми и две полные стопки. Попутчик расправлялся сперва с одной, а потом, вздохнув, и со второй.

Давно привыкший к личному аэроплану, Маленков позабыл уже вагонную тряску. И землю свою родимую привык уже видеть — с высоты птичьего полета. Теперь же, воротясь из туалета, в который втискивался как медведь в свою берлогу — это весной она становится ему как бы с чужого плеча, — подолгу сжививал, откинув занавесочку, у окна. Пятьдесят седьмой год, война давно позади, а земля — нищая, разоренная, люди на полустанках, даже под Москвою, попадались в лаптях... Если Никита удержится у власти, — попробовал пошутить сам с собою Маленков, — мы все окажемся в лаптях. И невольно взглянул в угол, где стояли его лакированные штиблеты: на месте ли?

Шутка не удалась. На душе скверно. «Сплести лапти», еще одна горькая русская присказка, — это про него самого. Про Маленкова. Как и «загнуть салазки»...

Сковырнуть Хрущева, которому он сам же дал ходу, уступив место Первого секретаря и право ведения секретариатов ЦК, не удалось. И — скovyрнули его самого: сперва из Предсовмина, а потом и просто из министров. И назначили отставной козы барабанщиком — на эту вот станцию в

верховьях Иртыша. Распоряжение на строительство которой он сам же, не глядя, и подмахнул когда-то в кипе других бумаг.

Еще одна странность: весь вагон, в котором следовал Маленков, скопом высадился в Усть-Каменогорске. Встречали его несколько человек, в том числе и шофер, сразу же подхвативший у проводника маленковские чемоданы и успевший запросто, с подачей руки, представиться: «Василий...» Был среди них и начальник железнодорожной станции, судя по всему, полный дурень. Он, глупо осклабившись и по-амикошонски облапив Маленкова за плечи, прогудел ему прямо в ухо:

— Ну-у, Георгий Максимилианович, уважили! Никогда раньше эсвэ в нашу глушь не ходили...

Маленкова тогда передернуло. А Василию он, добравшись до квартиры — об этой дыре и вспоминать не хочется, — сказал, что утром дойдет до работы сам. Как? — язык до Киева доведет. Городок-то при станции — с ноготок.

Знал бы Маленков, что будет означать эта поговорка году в две тысячи четырнадцатом: язык и впрямь способен довести аж до К и е в а...

— Подъедет, — спокойно ответил ей Маленков. — Проводите меня в кабинет.

Она почему-то вытерла свои большие, разбухшие ладони о фартук, как будто собиралась вести его, словно маленького, за ручку.

Собственно, род у них был один: злые языки в ЦК заглазно погоняли Маленкова Маланьей. И еще неизвестно, в ком твердого вещества поболе: в бабке, подперевшей собою стену, или в этой, р о м о в о й, нерешительно переступавшей с ноги на ногу.

Маленков поплелся следом.

Она провела его в кабинет, на дверях которого уже висела убогая картонка с его фамилией. Господи! — такой пендюрки у него в жизни еще не было: он втиснулся в нее примерно так же, как втискивался, скрипя боками, в гальюн эсвэ. Чулан...

— Вы можете согреть мне стакан чаю?

— Да, — ответила женщина, собираясь пройти.

— Как вас зовут? — задержал ее на пороге Маленков.

Она удивленно обернулась:

— Алла... Георгиевна...

— Спасибо, Алла... Георгиевна.

Маленков неловко повернулся, и стул под ним затрещал.

Женщина удалилась, Маленков стал уныло перебирать бумажки на столе.

Господи, куда же его занесло... Это же хуже, чем в Ташкент, потому что туда его когда-то н а п р а в л я л и — партийным маршалом, а сюда,

в казахстанскую глушь, — почти что последним клерком. Не направили, а — выпихнули.

Столько лет, десятилетий делать карьеру, причем так, как делает ее дождевой червь — сколько дерьма, сущей бесплодицы пропустил Маленков через себя, чтобы выдать на выходе — гумус! Если учесть, что львиную долю своей служебной жизни он провел закопавшись в бумаги, в том числе и ведя громадную канцелярию вождя, то гумус у него, после него, переработанный не только пищеводом и прочим, но и головным мозгом, — высшей пробы: чистая целлюлоза!

Взявшись за края стола, Маленков слегка покачал его, словно пробуя на устойчивость. Со своей собакевичевской массой он мог поколебать и не такие устои. Мог! — неужели все решительно и бесповоротно в прошлом? И все же он еще и погладил эту колченогую конторскую рухлядь. И пухлая ладонь сразу же узнала родной шершавый ворс зеленого, почти солдатского сукна.

Так глядят круп верного своего Савраски — и усталая, кнутами траченная шкура, дрогнув, по-датливо отзывается на ласку.

Стол! — с юных лет вернейший друг его, товарищ и брат.

И трон, и плаха.

Допустите Маленкова к столу, и он, обувши локти в сатиновые нарукавники, в любых обстоятельствах, при любых передрыгах окажется — на коне!

Отставной премьер задрал руки за шею, сцепил там пальцы замком и даже неожиданно — при его кисельной консистенции — крепко хрустнул ими.

Господи, неужели все сызнава? В пятьдесят пять лет? Ленин в пятьдесят четыре уже помер (вспомнилось, что девичья фамилия его собственной, Маленкова, матери — Ульянова). Правда, Хрущев в пятьдесят девять стал Первым. Не все потеряно?

Пожалуй, самый образованный из тогдашнего Политбюро, окончивший Московское высшее техническое училище (которому победившая Совдепия сразу же припечатала почему-то имя зоотехника Никола Баумана — с его похорон, по свидетельству М. Горького, и началась в России Большая Революция), Георгий Маленков тем не менее был человеком дождя.

Даже не дождевым червем, а человеком дождя в большей степени.

Никакой техники — одна технология.

Нет, этот дождевой червь перерабатывает канцелярскую бумагу даже не в целлюлозу.

В м ы с л ь!

Точно так, как его наземный собрат, тутовый шелкопряд из грубого, кожистого древесного листа выпрядает тончайшую шелковую нить, причем такой упругой силы и прочности, что из нее парашютные стропы делают.

Даже в Гражданскую единственным боевым конем Маленкова оставался рассохшийся, в какой-то из разоренных барских усадеб реквизированный письменный стол. Именно за ним, за письменным столом, Маленков способен выдавать чудеса. Гений канцелярии! — любая из них, заполучив в свои начальники такого виртуоза, из отхожего места любой конторы становится — штабом.

Тронным залом.

Любой, даже самой пустопорожней, бумаге Маленков и впрямь умел придавать — мысль.

Подвигаясь со своим четвероногим боевым Росинантом с низшей технической ступеньки в МГК ВКП(б) до ЦК, а там — аж до личного канцеляриста Иосифа Великого и до банкомёта всей кадровой колоды партии, Маленков неуклонно расширял и границы, плацдарм своей бумажной мысли.

До вселенских масштабов. А что? — премьер любой великой страны каждым росчерком своим заступает за ее границы.

В еще большей степени чувствовал он отсутствие границ как таковых, когда визировал бумаги Сталина.

Не было ни одной сталинской цидули, которая не проходила бы через его, Маленкова, руки. Единственное, к чему не допускал его вождь, — это к своим экзерсисам по языкознанию. Но туда Маленков и не рвался — совершенно эфемерная, а стало быть, бесполезная сфера.

Хотя именно языку Сталин мог бы и поучиться у своего штафирки: язык у Маленкова богаче, сочнее, чем у вождя. Он у него не только более русский, но и более народный, чему Сталин втайне завидовал.

Но чтобы обладать таким, народным языком, надо, перво-наперво, родиться в нем народа. Желательно — над ним. Баринном. Сталин же вылез из его гущи, как из ворвани, из гноя набухшего кокона вылезает бабочка, стремясь тотчас же забыть, отринуть свое наземное происхождение.

Сталин еще и потому, догадывался Маленков, подсовывал ему свои бумаги и речи, что после Маланьи, как ни странно, они выходили более твердыми, мужественными, афористичными и смачными.

Маланья и вправду как бы писал их заново, насыщая их собственной дегтярной кровью.

В первые годы советской власти существовал институт военспецов. Маленков чувствовал себя в Политбюро прикомандированным интеллектуалом. Ему льстило, что, не пробившись к Сталину, от одного кителя которого — из какого такого небесного сукна, черт подери, шили старому хрычу его архангельские обновы? — исходил, как от плащаницы, некий иконный, загадочный свет, рафинированные иностранные дипломаты на кремлевских раутах подходили, минуя остальных, что из грязи в князи, членов и кандидатов в члены п/б — к нему.

И в перехваченных потом московскими дешифраторами донесениях сообщали, как чертовски, аристократически умен и даже остроумен этот советский бонза.

Маланья любил читать перехваты про себя. Правда, больше никому их не расписывал.

Древние весталки, пифии нередко выбирали мальчиков, чтобы их голосовыми связками говорить с людьми и народами. Маленков, доводя сталинские тексты до литературного блеска, на который не способен был ни один из официальных Иосифовых помощников, оттачивая, предугадывая и даже преосуществляя порой его мысль, считал про себя, что это он вещает слабым, почти загобным голосом вождя. Нет, что греха таить: избранный им, судьбою орган речи все-таки совершеннее, чем его собственный. Больше подходит размаху мысли — во всяком случае, от его собственного дисканта вздрагивают только особо сведущие, а вот от слабой, глухой и нерусской сталинской хрипотцы кровь стянет в жилах у каждого. По всем границам.

Народ... Да, Маленков искренне считал, что уж свой народ и свою страну он-то знает куда лучше, чем эти выскочки из п/б.

Пока его не окунули — и в страну, и в народ.

...Неужели все сызнава: в пятьдесят пять лет? Вот с этого стола, как с первой, самой стертой ступени? С порога. Идиоты — отлучив от партии, обозвали антипартийной группой. Это его-то, который почти всю свою сознательную жизнь подчищал за партией ее ошибки, включая грамматические, и выводил, вывозил ее на собственном горбу из рабоче-крестьянской, сермяжной ипостаси — в подлинную европейскую элиту.

...В дверь постучали. Уборщица принесла чай. На сей раз она как-то подобралась и даже показала Маленкову не только чище, но и моложе. Стакан с блюдцем поставила прямо на стол, на сукно. Маленков поспешно подsunул под него листок писчей бумаги. Уборщица улыбнулась:

— Извините, отвыкла...

- Возьмите и себе чаю.
- Да нет, спасибо, дома напилась.
- Тогда просто посидите со мной.

Уборщица присела на стул возле приставного столика и молча воззрилась на позавчерашнего премьера.

- Как живете? — просто спросил вождь.
- Честно? — сощурилась та.

Он пожал плечами.

— На букву «Хэ», только не подумайте, что хорошо.

Маленков засмеялся: бабенка положительно нравилась ему. Одной с ним породы — такой палец в рот не клади.

- И что, никаких перемен?
- Ну, как же, вот — реабилитировали...

— Так вы что — все-таки ссыльная? — почти с испугом спросил он.

— Да, — твердо глянула ему в глаза. — Как теперь вот и вы.

— Я не ссыльный, я — снятый, — слабо возразил Маленков.

— Что в лоб, что по лбу. Для вас быть снятым еще хуже, чем быть ссыльным. Непривыкший...

Маленков поморщился.

- А сама откуда?
- Из Москвы. Что, не видно? — с вызовом откликнулась она.

— Видно, — усмехнулся Маленков. — Почему не возвращаетесь?

— Куда? — разозлилась она. — Муж сразу сбежал. Мать умерла. В квартире давно чужие люди... А вы меня, часом, не узнаете?

— Я? — еще больше испугался Маленков. — Вас?

— Ну да. Помните собрание, на котором вы так страстно громили институтских троцкистов?

— А вы что, о т т у д а?

— Хотите сказать, из троцкистов? — скривила губы. — Нет — из МВТУ имени вашего Баумана...

Маленков опять откинулся на стуле и вновь крепко сцепил на густоволосом загривке пальцы.

— Я не громил... Я сам висел на волоске.

— Это вы сейчас — на волоске. А тогда карбкались по канату. Вверх! — первый студент и первый же большевик в училище... Глаза пылали... Знаете, как о вас говорили студентки? Что у вас глаза Маяковского, а зад... В общем, что-то про Лилю Брик...

Маленков вспыхнул. Если сейчас хватить кулаком по столу, стол разлетится. Стол, вообще-то, надо побережь. Казак, даже оренбургский, без коня — что баба без огня. Баба... Что она себе позволяет?!

Впрочем, что глаза у него как у Маяковского — это ему еще жена говорила. Правда, когда еще не была женой...

— Вы хоть знаете, за что меня сняли?

— «Правду» не читаю, — пожалла плечами тетка. И вынула откуда-то, прямо из-за пазухи, теперь уже загодя припасенную беломорину и очень ловко, твердо, по-мужски постучала тыльной, пустой стороной ее по столу, опять попав по сукну, отчего Маленков вновь невольнo поморщился. — Позвольте?

— Курите. Но для здоровья это вредно.

— Жить вреднее.

Промяла, крепко прищемила папиросу, прикусила ее искрошившимися мелкими желтыми зубами и длинно чиркнула спичкой по исподней стороне столешницы. У Маленкова глаза — Маяковского! — полезли на лоб.

— Напрасно не читаете. Могли бы и почитать — между строк... Это ведь я отменил налог на плодовые деревья, облегчил налогообложение, отменил плату за обучение в старших классах, списал миллионные многолетние долги с колхозов... Народу стало жить легче, — неуверенно произнес он.

— Народу, — затянулась, — может быть. Но не мне...

— Вы что же — не народ?

— Нет. Я — человек.

Маленков отпил из стакана остывшего, скверного чая. Дрянь! — надо было привезти с собой из Москвы, с Грановского. И вообще, странная эта публика — народ. Не подходи к кобыле с задом. Иосиф жал его, как жмых, — и его боготворили. Никита по своей непроходимой дури пускает его по миру — но его терпят. Он же, Маленков, действительно отпустил вожжи, дал вздохнуть — и на тебе. Никакой благодарности! Ни одна стерва в защиту не поднялась. Хотя сняли его, убежден, именно за это — за заигрывание с народом. Опять же идиоты! — он и не думал заигрывать. Он мечтал — сквозь бюрократический, войлочный кокон — пробиться к нему. К своему народу! Наладить с ним прямую, без посредников, связь. А народ его — сдал. Дураку, потому как дурни ему, народу, который и сам крепко дураковат, понятнее. Не в коня корм. Вот и эта, Вера Засулич со шваброю и сама на швабру похожая, про какое-то собрание столетней давности помнит, а о том, что это именно он, Маленков, подпisał первые реабилитационные постановления и списки, и знать не хочет. Народ, бляха-муха, махан ему в рот. Как это у того же Маяковского: а не буду понят родной страной, ну и что ж: над род-

ной страной пройду стороной, как проходит косой летний дождь...

— Совещание будете проводить? — совсем уж иным, миролюбивым тоном спросила Алла.

— Ну да, надо же познакомиться, войти в курс дела...

— А в портфеле есть что-нибудь?

Маленков густо покраснел: в портфеле у него лежала еще из Москвы захваченная бутылка армянского коньяка «Наири». «ОС» — если и не самый старый, то самый сносный. Сунул утром на всякий случай: ежели совсем муторно станет.

— Покажи-покажи! — наседала Алла.

Маленков, замешкавшись и еще жарче пойдя пятнами, показал.

— Молодец! — похвалила Алла, внимательно и цепко разглядывая ажурную этикетку. — Вот с этого и начни. Наши мужики его тут спокон веку не видывали. А выпить тоже не дураки, особенно главный инженер. Он тут самый умный, правой рукой тебе будет, если привадишь. А умные — всегда пьющие. Между прочим, тоже из троцкистов...

В дверь вновь постучали. Впорхнула молодая, красивая, в юбке колоколом. И вытаращила подкрашенные — мы тут, в тьмутаракани, тоже не лыком шить! — и оттого еще более голубые: мать моя девушка! — умопомрачительная земноводная туша в белом, перед нею их конторская мымра Алла, а между ними непочатая бутылка коньяка!

Самое удивительное: непочатая при этой стерве, Алле!

— Ах!

Алла медленно, гремя костями, поднялась и, смерив влетевшую муху презрительным взглядом, пошла вон.

...Маленков вывел-таки электростанцию в передовые. Но через два года его переведут из областного центра в совсем уж захудалую дыру — в Экибастуз. С гидростанции — на тепловую, угольную. Причем переведут с выговором, занесенным аж в партийную книжку, — за панибратство с рабочими и ИТР.

Насчет выговора с занесением настоял сам Хрущев — оттуда, с верхотуры, из Москвы, из ЦК.

Экибастуз же со временем станет главным угольным разрезом страны, и станция окажется одной из самых крупных не только в Казахстане, но и во всей стране. Но Маленков уже будет наблюдать за этим из Москвы, куда вернется-таки в шестьдесят первом. Чтобы умереть в восемьдесят восьмом.

Он много еще чего увидит, тоже враз простаревший, робкий, тощий, со слипшимися, как у его когдатощного портфеля, боками и с черными, крупными, лихорадочными и умными маяковскими глазами.

ПЛАТЬЕ НА ВЫХОД

Вряд ли у меня есть хотя бы один читатель, который прочитал все, что мною написано. Вряд ли — я не обольщаюсь на сей счет. И все же не хочу, чтобы в этой книге было много повторов, связанных с другими моими книгами и вещами. Другую же, альтернативную свою биографию выдумывать на ходу не хочу, да и не сумею. Поэтому будем выколупывать из прошедшей действительности хотя бы крохотные, с ноготок, скорлупки, чешуйки живого, не омертвело, как болеющие авитаминозом дети, преимущественно девочки, по весне иногда выскребают из выбеленных известкою стен микроскопические соскребы чего-то не только живого, но, оказыва-ется, еще и живительного. И жуют. Как живицу.

У меня умерла мать, и я сам выбирал в сельмаге материю для ее савана. Ну, не савана, конечно, а просто платья, в котором ей надлежало лежать в гробу. Я очень ответственно отнесся к полученному от взрослых поручению. Не думаю, чтоб в нашем сельмаге был большой выбор тканей. Но как ни подсовывали мне сердобольные тетки черное, темное или однотонное, я все же выбрал другое.

В маленький, голубенький цветочек, да еще и с зеленоватым полем.

Моя мать никогда не была невестой. Да и чьей-либо законной женой ей тоже побывать не довелось.

Я как будто бы выдавал ее замуж. И мне хотелось, чтобы она где-то там появилась нарядной и молодой. Да она и была молода. Если и на самом деле родилась в шестнадцатом — документы не сохранились, как уже к отрочеству не сохранились в наличии и ее родители, сама же она, неграмотная, путалась в собственных годах, — то в шестьдесят первом ей только-только исполнилось сорок пять.

Веночек с «отпускной» молитвою лежал у нее на лбу, но подвенечное платье ей все-таки не сшили. Бабки просто примерили мой веселенький отрез к ней, как примеряют и примеряются к своей работе на нас портняжки, и в нескольких местах скрепили края материи булавками, вынув их, как и портные, предварительно изо рта.

Да, так еще наживляют материю на манекенах. Так что и моя материя все же оказалась саваном.

Нас, троих ее сыновей, усадили напоследок перед матерью, и мы долго-долго, до самой ночи, сидели подле нее. Самый младший, шестилетний, начал уже нетерпеливо ерзать на табуретке и проситься «писать». Что постарше, девяти лет, уже уронил белобрысую голову в кулаки. Я же — это видно даже по чудом сохранившейся фотографии — застыл истуканом.

Мне было четырнадцать лет. Матери, когда осталась сиротой, исполнилось шестнадцать. Я был моложе — не говоря уже о братьях.

Даже сейчас, более полувека спустя, отчетливо помню, как мне хотелось *з а п о м н и т ь*. Запомнить ее до последних подробностей. Я тогда еще не знал, не догадывался, что близорук, — об этом узнаю только в интернате, когда меня при сдаче на казенный кошт осмотрят врачи (в селе имелась лишь фельдшерница), в том числе и офтальмолог, — и все мое существо, все мои органы чувств обратились в одно — в глаза.

Я был достаточно взрослым, почти юношей, чтобы понимать, что вижу ее в последний раз.

Но я был еще слишком мал, еще почти мальчик, чтобы понимать, что вижу — уже не ее.

Человек более зрелый понял бы, что видит уже не мать, и это понимание, знание хоть в какой-то мере утешило, уменьшило бы его непомерное, разрывавшее по периметру — карточка сохранила и это — не только его юную душу, но и само хрупкое сеголетное тело, в котором соединительных хрящей покамест больше, чем костей.

В принципе догадаться, что это не мать, не составляло большого труда. В какой неизъяснимой отрешенности — и в первую голову от кого? — от малых своих! — пребывала она, еще вчера вечером в горячем бреде шептавшая мне, ища мою руку своей непослушной горячей ладонью, чтоб я не забывал этого, маленького (называя его почему-то не его именем, а именем своего брата, Сергея: может, это когда-то ее собственная мать, умирая, ей самой, старшой, препоручала младшего своего?). О маленьком, о шестилетнем, даже в бреде, и печалилась больше всего — а теперь вот он нетерпеливо, по-щенячьи, ерзает на табуретке, а она, всегда чутко державшая его в ласковом поле своего зрения, остается несокрушимо, непроницаемо равнодушна к нему.

И к нам. И вообще — ко всему-всему..

Не просто отчужденная — недосыгаемо чужая в своем твердом и вечном сне.

Мы даже как будто бы мешали ей, всецело сосредоточенной, поглощенной на чем-то своем.

Что сейчас для нее даже важнее, роднее нас, вчерашних кровиночек ее.

Все было родным — выглядывавшее из-под белого бязевого платка — вот он-то был старушечьим, и даже повязали его соседские бабки по-своему, по-старушечьи! — завиток волос цвета свежего подсолнечного масла: вчера еще волосы ее были сбиты колтуном, охваченные, как и все ее выболевшее тело, смертной мукою, сегодня же, промытые и прочесанные теми же старухами роговым гребнем — он тоже цвета ее волос, — они как будто выздоровели. И большая родинка над правой бровью: мать когда-то, по первой молодости, стеснялась ее, пыталась извести. Даже, следуя какому-то совету или поверью, перевязывала ее ножку грубым, лошадиным, из хвоста выдернутым волосом. Но родинка наутро только еще больше набухла, налилась кровью, и мать, испугавшись, бросила эту затею. Мне же эта материнская родинка всегда нравилась. Она была как у красавиц из фильма «Господин 420», который я уже смотрел в известных местах с характерным замиранием сердца и паха. Только у этих гибких и пышнобедрых чернооких красоток родинки прямо над переносицей, посередине лба, а у матери родинка съехала вправо, что было еще пикантнее.

Плотно сжатые, бескровные, вчера еще тоже накусанные, нацелованные нестерпимой болью губы сегодня уже превратились в давно отблевший шрам. На верхней губе у нее тоже есть родинка. Крохотная, но почему-то синяя, как пороховинка. Она всю губу подкрашивала синим — такие губы я видел как-то у сайгаков, у самок, что в засуху, не выдержав, однажды пришли, теньясь, прямо в село, к артезиану — напиться.

А в них стали стрелять.

И руки, большие, заскорузлые, несообразные с этим выхудавшим за болезнь телом, в которые втиснут образок, что смотрится в них как игральная карта в руках у человека, который никогда не играл даже в подкидного и не знает, вертя ее так и сяк, что же с нею делать?

Да, и руки ее: на большом правом пальце у мамы был «волос», я, правда, и посейчас не знаю, что это такое, но она его выпаривала, чем-то сводила, изгоняла, как и родинку, но у нее не получалось, и на большом пальце, на его челе, уродуя его, так и осталась глубокая незарастающая канавка. Да, не удивляйтесь: у большого пальца, как и у большой русской печи, есть и чело и даже причёлочек.

И руки были ее — но я никогда не видел их в такой отстраненной праздности. Даже им, та-

ким деятельным и непоседливым, даже им уже на этом свете не было дела ни до кого. Даже до нас троих. Они лежали на моей материи, на чуть вспухшем от болезни матином, похожем на пустой кокон животе, будто выставленные откуда-то за ненадобностью.

Жизнь ее принадлежала нам, а вот смерть — исключительно ей самой.

Ничто не могло ее отвлечь, разбудить, вынуть из кокона, что с каждым часом все больше твердел и роговел на ней. Мы стали для нее отрезанным ломтем. Она, до последней черточки знакомая и родная, знать нас теперь не хотела!

Так бесповоротно были закрыты, запечатаны — смертью — ее глубоко провалившиеся глаза, им и пятаки не потребовались, — они, отжив до последней капельки, сами закрылись, смежились, не оставив ни единой щелочки света.

Декабрьский день за окном оплывал, как унылая церковная свечка.

Я незаметно потрогал купленную мною материю, в которую мать укутана, завернута как тоже что-то только что купленное. Ткань шершаво скрипнула в моих пальцах — даже в материи жизни оказалось больше, чем в том, что она облекала.

Стало совсем уж темнеть, и нас развели по соседям. С матерью осталась одна только старая «чтица», сама похожая на смерть.

Мать умерла 2 декабря 1961 года. С тех пор я очень плохо переношу эти начальные декабрьские дни. Одолевают либо болезни, либо такая маета, что весь белый свет не мил. А с материей ровно тридцать лет назад, в ноябре девяносто первого, я, можно сказать, повстречался вновь. Мы хоронили нашего незабвенного дядьку Сергея. Перед смертью он просил упокоить его рядом с нашей матерью, его старшей сестрой. Мы и выкопали ему могилку впритык с могилою матери. Настолько впритык, что оголился один край, продольный, материнского гроба. В могилу я не спускался — не принято. Там были другие. Чужие люди. Но, заглянув, я увидел не только совершенно не почернелую, не попорченную доску, но еще и матерчатую бахрому, выглянувшую из-под крышки. Она тоже совершенно не тронута тлением: наша ногайская глина сохраняет все — и всех! — в лучшем виде. Бахрома же на гробе сделана из того же материала, что и материнский саван. Просто купил я его по нашей никола-александровской привычке с хорошим походом.

Мне показалось, что оборочка даже шевельнулась, как будто под чьим-то глубоким подземным вздохом.

ФИДЕЛЬ КАСТРО РУС И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ, ЧУТЬ МЕНЕЕ ЗНАМЕНИТЫЕ

Мы ехали на краевой смотр художественной самодеятельности.

Тогда были в моде военизированные выражения. Сегодня, в соответствии с изменившимся общественным целеполаганием, сказали бы «конкурс», «фестиваль» или нечто подобное. Тогда же мы еще не были демобилизованы. Из горячей, что еще дышала где-то за спиной, попали в холодную, да и та вот-вот грозила обернуться пеклом. Карибский кризис как таковой я не помню. Но мне очень памятно напряжение, которое как-то мгновенно и необъяснимо возникло в те осенние дни в самом воздухе, что нас окружал. Вроде как посреди гнилого, осеннего ненастья все замерло, словно в параличе, в ожидании обжигающего, не по сезону, электрического разряда. Мы вовсе не ощущали себя одним из разноименных полюсов — мы, казалось нам, очутились прямо посередине воспаленно прорезавшейся дуги: нам бы, не только простым, но еще и маленьким смертным, и досталось бы наверняка больше всех.

Что касается Карибского кризиса, то в нашем интернате он вскоре обернулся кризисом женских, девичьих сердец.

Шел, кажется, шестьдесят второй или шестьдесят третий. В наш городок — а это многострадальный Буденновск, вернее, тогда-то он был вполне себе благополучным, его катаклизмы оставались где-то в Средневековье, когда он звался еще городом Маджар и стоял на очень выгодном и потому же очень опасном средостении Великого шелкового пути, а многострадальным новейших времен он станет в девяносто пятом, после злодейского басаевского налета (Басаев, по легенде, воспитывался в свое время, значительно позже меня, в том же буденновском интернате, потому и знал город как свои пять пальцев, хотя, опять же по легенде, конечной целью его бандитского рейда являлся не обремененный средневековым прошлым Буденновск, а исторически юный бастард Волгодонск с его «Атоммашем», впоследствии тоже ставший многострадальным, как и многое-многое в нашей стране) — так вот, в наш городок заявили кубинцы. Это была небольшая группа молодых людей, очень нарядных, в одинаковых белых рубашках и черных штанах — этим они схожи с нами, интернатскими, поскольку мы тоже все в одинаковом, правда, не в нарядном, а в сером: свою тогдашнюю школьную форму самые продвинутые из нас называли гоминдановкой.

Как видите, мы очень тонко улавливали тогдашнее международное положение — неслучайно юных революционеров привезли именно к нам.

Но просчет состоял в том, что привезли их на интернатский двор сразу после посещения находившегося неподалеку от городка Прасковейского винсовхоза. Чьи напитки известны всей округе, правда, не через продмаги, а больше через «канистру», поскольку винные работники подворывали не бутылками, а оптом, а после уже подторговывали в розлив. Мускат же прасковейский шел и значительно дальше даже наших тогдашних, немалых государственных границ — аж до винных подвалов английской королевы.

Которая, оказывается, тоже знала толк в вине не хуже наших местных знатоков — может, потому, что была тогда еще совсем молодой, почти что из «Римских каникул».

Похоже, у революционеров пристрастия тоже королевские.

Видимо, сделаны они из одного теста.

Но стойкость у революционеров все же уступает королевской. Кубинцы вывалились из автобуса, развернувшегося на нашем интернатском дворе, в стельку пьяные. Наш алкоголь оказался карибам не под силу. А скорее, даже не алкоголь, а наше южное, правда, не южнее ихнего, служебное гостеприимство, особенно по отношению к экзотическим гостям, — оно и в самом деле не знает границ. Демьянова уха: она еще обильнее, когда течет не из собственного, не из Демьянова, кармана. Представляю, как накачивали их в холодных, каменных подвалах-казематах винсовхоза. Счастливые пытки в них выдерживали даже не все отечественные, причем не только районные, но и краевые, начальники, а уж они-то куда закаленнее этих безусых барбудос.

Барбудос вывалились гуськом из автобуса и ошалело заметались в середине нашего каре. Да, весь интернат выстроен на торжественную линейку на асфальтированном внутреннем дворе, как на плацу. Сердца у девочек-старшекласниц трепетали, как у пойманных райских птичек. Мы, их унылые, прыщавые и изрядно поднадоевшие однокласники, сразу подешевели в восторженных девичьих, райских глазах.

Во-первых, кубинцы все же постарше нас, некоторые так и не совсем уж безусые. Во-вторых, они и впрямь смазливы: гибкие, с выраженными романтическими профилями, страстно черно-волосые, а двое или трое — так и вообще негры, что было особенно притягательным, поскольку ни одна из наших девочек ни одного негра нигде, кроме как в телевизоре (с экраном чуть больше

спичечного коробка), не видела. А непоколебимый инстинкт самки, пробивающийся — в первую очередь почему-то к щекам — даже сквозь самые целомудренные покровы, гласит — или гласит: самое жизнестойкое семя — принесенное издалека.

То, о котором говорят: ветром надуло.

И, в третьих, — они были к у б и н ц ы! И одно это уже давало им неоспоримую фору перед нами, ме-естными, обыденными: о нас не писали в газетах, о нас не кричали по радио, о нас не слагал лихорадочные стихи сам Евгений Евтушенко.

Парни заметались, крепко кренясь то на одну сторону, то на другую, а то и на обе разом, в нашей серой, образцово-показательной мышеловке. А мы не могли понять, чего же они ищут: вот ведь мы! вот! — перед вами! На законном месте!

Некоторые из них так даже прыгали — то на одной ножке, то на другой, а то и сучили обеими сразу, как будто не на нашем щербатом асфальте скакали, а на панбархате Большого театра.

Сопровождавшая их пожилая дама, переводчица, сперва тоже заполошно мыкалась в их кругу, а потом, сложив ладони горсточкой на выдающейся груди, кинулась к нашим молчаливым, словно на Сенатской площади в декабре восемьсот двадцать пятого, шеренгам:

— Где?!

— Где?!

Что — где? Кто — где? — недоуменно перелглядывались мы. Мы ведь тут, налицо, стоим, ни с места.

— Да туалет же, черт вас подери! — взмолилась тетка.

— А-а-а!..

— Где тут у вас уборная?

Оказывается, вон чего они прыгали!

Каре сломалось. Все ринулись показывать, где же у нас нужник. Сотни указательных пальцев, почему-то преимущественно мальчишеских, а не девичьих, устремились в нужном направлении. Вообще-то, туалет рядом, просто находился наискосок, на полпути между школой и общежитием — чтоб в случае чего успеть с любого конца нашей тогдашней замкнутой, еще не расширяющейся интернатской вселенной, — и сразу его не разглядеть. Хоть и был он весьма внушительен. Длинное кирпичное строение, крытое черепицей и с несколькими вытяжными трубами наверху. Никаких унитазов: просто сердечком вырезанные дырки в деревянном настиле. В час пик в нем умещалось, наверное, человек двадцать. Десяток с мальчишеской стороны и столько же, наверное, с девчачьей. С нашей стороны никакой толчеи: народец

забегал, на ходу расстегивая ширинки, и так же споро, деловито выскакивал, ковыряясь, не глядя, все в тех же ширинках, — молнии на штанах пришли позже. У девчонок же с заходом на посадку случались пробки. Исключительно воздушные: ни одна из них не хотела стоять в очереди, а, как бы прогуливаясь, они нарезали круги вокруг гальюна, дожидаясь возможности как можно незаметнее юркнуть в его дверь. Чудачки! — каждая из них при этом старалась проникнуть в туалет в момент, когда на его мужской половине никого не было.

А попробуй улучшить такой момент: уссышь-ся! И это при том, что и двери наши находились с разных сторон гальюна и никаких там противозаконных прорезей в кирпичной, до самой крыши доходящей перегородке не было — как и похабных надписей на стенах тоже. Мы были в меру деликатны по отношению друг к другу. И, мне кажется, основой, подушкой этой взаимной деликатности являлось то, что за каждым из нас, и за мальчиками, и за девочками, стояла своя беда. Беда большая, взрослая, на вырост, которая и привела каждого из нас на этот казенный интернатский двор. Наши беды нежно и молча соприкасались друг с дружкой, даже скромно проникали одна в другую, и это составляло некий подвижный, уязвимый и все-таки в меру незыблемый понтон нашего межполового взаимного уважения.

У нас и в душу-то чужую не принято было заглядывать, не говоря уже о чужом очке.

Каждый из нас уже много такого повидал на своем коротеньком, куценьком веку, что обычные подростковые поллюсионные скабрёзности нас уже особо не занимали.

...И молоденькие кубинцы, ведомые нашими указательными пальцами и своей пожилой пионервожатой, Василисой Кожинной, ринулись наперегонки к нашему отхожему месту. (Вот еще что надо заметить в скобках: в армии мне доводилось мыть, драить наш — дощатый, а не кирпичный и уже безо всяких там перегородок — солдатский сральник. А вот в интернате — никогда. Я даже не знаю, кто же это делал за нас: стало быть, взрослые, наше интернатское начальство, тоже были в известной мере деликатны с нами. Знали, догадывались, сколько еще говна придется выгребать всем нам в нашей последующей жизни.)

— Ах! — раздалось по каре девичьим разочарованным шепотом.

— Ха! Ха! Ха! — вторили им ломающиеся баски.

Надо же: буквы и даже звуки одинаковые, только порядок другой, а смысл, смысл-то! Особенно с учетом еще одного словца, пренебрежительно вычиркнутого вместе со слюной кем-то,

явно из замыкающих, младшекласников, сквозь зубы:

— Ссыкуны...

Они были ненамного старше нас и тоже явно из простых. Кажется, их привезли — приволокли пароходом, почти бурлаками, за тридцать морей, — учиться на механизаторов в Григорополиском сельском профтехучилище, расположенном в нашем крае. Просто взрослые хозяева предыдущего приема, сами наверняка закаленные и закоренелые выпивохи, споили их как сосунков. Они вообще, безусловно были хорошими — это видно уже по тому, как понуро и виновато возвращались барбудос из нашего интернатского гальюна.

Эту битву, в отличие от Плайя-Хирон, кубинцы проиграли.

Девичьи сердечки лопнули было, как созревшие хлопковые коробочки. Но то, как возвращались, застенчиво и печально, эти юные инсургенты в наш, в общем-то, тоже не очень бравый круг, как бы вновь заштопало эти надтреснувшие сердечки — тоненькой шелковой ниточкой.

— Ах!

Вторично это звучало уже совсем иначе: победенных кумиров женщины, особенно юные, только распускающиеся к женской жизни, любят даже больше, чем непобедимых.

Митинг перешел почти что в братание. Во всяком случае, в обратный путь мы своих гостей подсаживали в пазик совместно с их непьющей переводчицей. Кубинцы оставили след не только в наших тогда очень эластичных сердцах, но и в головах тоже. И даже — на головах. Они подарили — разумеется, девочкам — несколько своих беретов, и береты стремительно стали элементом нашей школьной интернатской формы. Их даже закупили официально, и, появляясь в городе, мы выглядели юными геваристами. Правда, девочки — юное женское сердце еще эластичнее, чем просто человеческое, — подражали уже, по-моему, не столько отъехавшим, налегке, своим кумирам, сколько уже самой Грете Гарбо. Которая, как известно, ввела в моду этот экзотический для наших краев головной убор еще до Че Гевары. Возможно, именно ей и подражал в своих джунглях легендарный Че: в двух этих гениях перформанса, на мой взгляд, всегда жило что-то общее.

* * *

Знал бы я тогда, что мне в жизни трижды придется встретиться, нет, не с Че, но тоже с очень знаменитым модником, точнее — законодателем новейших мод — Фиделем Кастро!

И при таких разных обстоятельствах...

О моде и модниках. Недавно услышал — и увидал, — как по ящику один экстравагантный, с писклявым бабским голосом телеведущий объявил, что мужской галстук в XXI веке умер. Это так — их носят сейчас все реже даже на официозных раутах. Но я, вообще-то, знаю и конкретного убийцу галстука. Это — Ахмадинежад, бывший мэр Тегерана, потом президент Персии, сейчас, по-моему, преподаватель тегеранского университета. Спокойно разъезжающий — это после бронированного лимузина — в общественном, по-азиатски переполненном троллейбусе (последнее действительно нонсенс: обычно руководители такого ранга после отставки с просто бронированных членовозов пересаживаются на супербронированные: безопаснее). Стойкий оловянный солдатик в борьбе с американизмом, он, кажется, первым и объявил войну этой «западной удавке», вводя в международную моду белоснежные рубахи со стоячими воротничками с перламутровыми пуговичками. Косоворотки, наподобие солдатских гимнастеров эпохи Второй мировой, которые, будучи на действительной, застал на своем веку и я.

Вон: боремся с «игилом», а на мировых и европейских «мундиальях», где на поле бегают исключительно миллионеры, сплошь и рядом — игильские фундаменталистские модные бороды...

Бунтари придумывают что-либо в пикку общепринятому. В первую очередь — буржуям. Респектабельные буржуины же потом спокойно перенимают вчера еще эпатирующую чужую и чуждую моду. Кто-то же должен двигать их вперед! В отличие от пчелы, они берут свой жирный взятки, от века положенный им ясак, не различая ни цвета, ни цветов.

Все полезно, что в рот полезло...

Итак, первая встреча с Фиделем.

Семьдесят первый, май. Возвращаюсь с армейской службы домой, в Ставрополь. По пути заезжаю в Воронеж, где нес службу недавно призванный мой младший брат. Сам я еще в военной форме, с лычками старшего сержанта на погонах и с такими отметками в воинских документах, что ни один патруль меня остановить не имеет права: последнее время в армии мне доводилось перевозить поездом в большие московские штабы из мест строительства подземных ракетных пусковых шахт сверхсекретные документы. Брат же служил в технической службе местного военного аэродрома. Заявившись прямо в штаб его части, я договорился об увольнительной для него до конца дня: вечером, в ночь, уходил мой автобус дальше

на юг. Брата отпустили. Правда, его начальник, офицер, обречено сказал ему на прощание:

— Напьетесь ведь с братом...

На что, в свою очередь, братец мой, видимо, даже прищелкнув каблуками, браво возразил:

— Никак нет, товарищ капитан! Брат у меня коммунист!

На что капитан Аксельрод — брат навсегда запомнил его непривычную революционную фамилию — еще обреченнее махнул рукой:

— Тем быстрее напьетесь...

Революционеры, даже меньшевики, чтобы на них не несли, много чего понимают в этой жизни.

Разумеется, он был прав. Иначе б чего я его, брата, не выдавши два года, вызывал?

Выпить решили в офицерской столовой, унылой и длинной, как казарма, располагавшаяся в центре города.

Спиртное в столовой не продавали. Но оно у меня с собой: ведь еще раньше я заехал по пути к своему сослуживцу Валерке Иванову, уволившемуся по здоровью намного раньше меня и работавшему мастером-аппаратчиком в Тульской области, на Болховском химкомбинате.

Для профилактики химических аппаратов тогда положен был чистый, «не химический», спирт.

Для человеческого душевного аппарата он, как вы знаете, не менее целителен. И Валерка на прощание снабдил им меня с походом. Мы взяли в столовке самый роскошный, действительно офицерский обед. Правда, официантки удивились обилию компотов на наших подносах: стаканов по пяти.

Стаканы были в темпе ополовинены и долиты чистым, «аппаратным», спиртом.

Обед затянулся. Никаких воронежских достопримечательностей я в тот день не увидал. Да и сложно было бы мне их разглядеть. Мушка сбита.

Но одну, главную воронежскую достопримечательность того дня мы с братом все-таки увидели. И как увидели! — прилипнув носами к оконному стеклу офицерской харчевни.

Ибо как раз в это время по этой самой улице проезжал Фидель Кастро.

Спать мне показалось, что он тоже не очень трезв. Ехал в «чайке» с откидным верхом, стоя и держась за никелированный поручень, словно принимал парад воронежских подданных.

Рослый, молодой, но уже бородатый и величественный, как Моисей.

Осипом Мандельштамом дано великолепно точное и яркое определение: муравьиная борода.

Муравьи, составлявшие патриаршую бороду Фиделя, молодо, зернисто смуглы, чисты и неве-

роятно породисты. Прямо как пчелы, нежно облепившие своего пасечника в сетчатом ку-клукс-клановском накомарнике.

Странно: в момент проезда Фиделя в дверях столовой появились двое вышибал, которые, вопреки своему явному предназначению, никого не только не вышвыривали на улицу, но даже и не выпускали из столовки вон. Народ столпился в проходе, причем в основном военные, в форме, но двое в штатском решительно давали этому служивому народу от ворот поворот — внутрь! Я пытался показать свое грозное удостоверение, но брат, видимо, все же более трезвый, чем я, вовремя одернул меня: мол, э т и м лучше ничего не показывать. А то и тебе покажут — кузькину мать.

И мы с ним прилипли к окну. И, мне кажется, именно нашим свирепо распластанным носам Фидель в последний момент сделал фирменный приветственный жест:

— Родина или смерть!..

Ну, конечно же, Родина, черт возьми, тем более что на родине с маленькой меня уже ждала тоже маленькая-маленькая, крохотная еще — дочечка.

* * *

Потом дважды увидел Фиделя, кажется, в семьдесят восьмом, на Всемирном молодежном фестивале. Том самом, на котором нынешний английский премьер возглавлял скромную делегацию своего, куда более обширного по сравнению с «Островом свободы», острова.

Будем считать, острова — Несвободы.

Фидель произносил речь у памятника Хосе Марти. И мы, многотысячной толпой, в большинстве своем ни слова не понимая и едва не падая в обморок от зноя, не столько слушали его, сколько наблюдали. Забавляясь его гротескной мультипликацией. А после в парке возле «Тропиканы», в свете электрических огней, которыми была коронována каждая, даже самая захудалая здешняя пальма, полночи пил с нами, опять же с многотысячной толпой, кислое местное пиво.

В восемьдесят девятом же я уже работал в аппарате М. Горбачева и прилетал на Кубу вместе с ним.

Теперь уже никто не дал Фиделю говорить три часа кряду. В здешнем беломраморном дворце съездов и разных прочих исключительных хуралов он выступил с почти что рутинной речью и держался с Горбачевым скорее просительно и даже застенчиво, чем brutally. Горбачев же выступал

дольше обычного и даже больше обычного жестикулировал и вообще старался говорить как-то резче, выразительнее, явно подражая Фиделю прежних лет и давал понять, ху ис ху теперь на мировой революционной арене. Мол, прима сменилась, да здравствует новая, юная прима! Да и речь его написана помощниками-международниками позажигательнее и пафоснее обычного. Впрочем, М. С. никогда и не держался за кем-то написанное как за святцы. Собственная устная речь уже сама по себе увлекала его, тоже южанина, хотя и более скромных широт, и уносила в невнятные миражи импровизации.

Помощники, правда, только втихомолку морщились, переглядываясь друг с другом, в первых рядах внимающих молодому, по тогдашним меркам, генсеку. Упругому, порывистому, хоть и полнеющему уже, но скорее силой, чем туком.

Правда, по мне, так горячечная невнятица Горбачева конца восьмидесятых — начала девяностых теперь, сегодня, вылезает, как это было и с Вангой, горькой, жестокой и даже трагической — п р а в д о й.

Вполне вероятно, что он не умел говорить — на мировом уровне: ясно, определенно, по-столничному. Но еще очевиднее, что его не умели слушать — и тоже на мировом уровне.

Кто не умел, а кто — из единиц, имеющих абсолютный политический слух — и не хотел.

У Пушкина имеются известные строчки насчет Петербурга и Москвы: «И перед младшею столицей / Померкла старая Москва, / Как перед новою царицей / Порфиноносная вдова...» Мы, сопровождавшие Горбачева, с восхищением и азартом смотрели тогда из переполненного, странно бескостюмного, в одних белых рубашках с короткими рукавами — в то время, как мы-то все по советской традиции преимущественно в черном, да и еще и при галстуках-удавках, — беломраморного зала на своего вождя. На фоне дряхлеющего Фиделя (на ум приходила и аналогия с Брежневым) он действительно казался вестником нового, молодого дня. К слову говоря, в той же поездке он дал понять, что Кубе надо в большей степени опираться на собственные силы. С того момента и началось сворачивание нашей помощи «Острову земли багровой», как и сворачивание, сухим нейлоновым чулком змеиной шкурки, самой нашей с Кубой дружбы. Кубинцы в зале, кстати, чутко уловили это и даже хлопали Горбачеву с некоторой растерянной настороженностью, строго дождавшись первого хлопка длинных, сухих, адвокатских ладоней Фиделя. Фидель и сам подрастерян, разочарован, по-старчески,

как уезженная батарейная коняга, воротил голову из президиума в сторону трибуны, на которой льдисто блистал Горбачев, и даже порой приставлял уже просвечивающую свою ладошку к своему сухому уху. Да иначе и быть не могло: ведь мы на полных парах шли на сближение с Америкой, к единому, как нам казалось, «общечеловеческому» миру.

Но кому ж тогда не было ясно, кто тут восходит, взлетает, а кто — натура уходящая?

Мне даже показалось, что сами кубинцы, среди которых большинство, конечно же, были функционерами, нам позавидовали: у нас такой молодой и задорный, у них — задорный, но, как бы это поделикатнее выразиться, пожилой. Поддержанный.

И вот прошли четверть века. И кто, скажите мне, оказался в этой сбойке вечным (хотя и насквозь простаревшим, прохудившимся, как старый медный тазик) женихом Революции, а кто — порфириноносным вдовцом?

В том числе и в прямом, печальном смысле слова.

Неисповедимы пути Господни.

А человеческие — потому — и еще неисповедимее.

...Возвращались с Кубы через Лондон: Горбачев, экономя время и деньги, любил такие вот «совмещенные», как санузлы, параллельные визиты. И тут, в волглой лондонской осени, меня настигла расплата за мой шерстяной, хотя, правда, и белый костюм, в котором я и наяривал в тропи-

ческой гаванской жаре. Со мной, по-старинному говоря, сделался жар, под сорок. Кожа стала вареной, красной, ее обсыпало какой-то тифозной сыпью. Горбачевские врачи, сжалившись, спасали меня в гостинице. Я потом даже поразился, когда пришел в себя, каким простым, бабушкиным способом: супрастином и цинковой пудрой.

Вот вам и волшебная, строго засекреченная «таблетка Политбюро»!

...Да, чуть не забыл: когда какое-то время учился на дневном отделении Московского университета, жизнь подарила мне еще одного кубинского революционера. Мигель, по-моему, как Сервантеса, звали его. Жили с ним в одной общежитской комнатенке на Мичуринском. По ночам он подрабатывал в пекарне. И под утро всегда заявлялся с грудой свежих, пахучих батончиков под обеими подмышками. И весело совал мне, сонному, их в рот, как молодые матери бесстыдно суют своим младенцам голую, пышную и, наверное, очень пахучую грудь. Маленький, чернявый и очень вертлявый, очень смешливый Мигель, из всего испанского которого — мы тогда учили испанский, думая, что впереди нас ждут именно «испанские», точно уж не американские (увы) времена — я помню сейчас только одно слово:

— Фанчулла!..

— Девочка!

Так он называл не только собственных девочек, девушек, женщин, дебелых старух, но и французскую булку, которую щедро и весело совал мне в рот по ночам...

* * *

Мать божия, какой же я неорганизованный писатель. Я ведь начинал — о смотре художественной самодеятельности. Точнее — о поездке на этот краевой смотр в Ставрополь. Мы ехали на автобусе «Икарус», «баклажане», по непривычной для меня, не степной, не пустынной, а зеленой и холмистой, с речками и буераками, сторонке Ставрополья. Дорога проселочная, пыль вилась столбом, но и пыль тут другая, не такая, как у нас, на юго-востоке края, в Ногайской степи. Нету в ней нашей ядовитости и всепроникаемости, нет в ней нашей настоянности на крепчайшем зное и суховеях. Она даже не скрипит на зубах, а просто ложится на них каймой чуть горьковатого шоколада. Пыль скорее лесная, жирная, медоносная. Наша — порох, а эта — порошок. Прах. Мы едем уже несколько часов. Собственно говоря, я в этом «баклажане» — сбоку припека. Из интернатского хора меня выперли по причине полного отсутствия слуха, но наличия какого-то непобедимого, невытравимого трубного гласа. А к самодеятельности я цеплялся исключительно для того, чтоб чаще видеться с девочкой Леной, «фанчуллой», в которую был тайно влюблен, — мне казалось, что тайно, но об этом, кажется, догадывался (уже по одной моей роже, когда я оказывался подле нее) весь белый свет. По правде говоря, видеться с нею не составляло труда: мы ведь учились в одном классе. Но я хотел, мечтал, жаждал видеть ее и вне класса, и днем и ночью, и — всегда. И желательно — вечно! Мне ее позарез не хватало, мне ее всегда было мало. Поэтому и приплелся в самодеятельность, где она одна из первых актрис. И, разумеется, красавица.

Красавица, на мой взгляд, так точно — первая!

Из хора меня выперли, но поскольку окончательно, бесследно я никак не выпирался, так и отирался возле самодеятельности, то и мой природный индивидуальный недостаток решили использовать во благо обществу. Я стал объявлять «номера». Тут ведь никакого слуха не надо, а горло у меня фамильное.

Если что-то объявлял, в задних рядах срывало фуражки.

Таким голосом только войну объявлять. Мир — голосом Анны Герман, а войну — моим, правда, тогдашним.

Народ падал со смеху. Подбирая с полу фуражки и береты. Но «номера» врезались в память надолго.

Девочка моя сидела в автобусе в первом ряду. Но ряд этот, по существу один, цельный диван,

развернут внутрь салона. То есть она с подружками сидела спиной к движению. Я же сел на такой же диван, но с противоположной стороны автобуса, сзади, лицом по движению. И прямо в проходе — чтоб только лучше видеть ее. Это было неожиданным счастьем: все пять, шесть часов пути наблюдать ее, почти что не таясь! Глаза в глаза.

Глаза у нее чудесные: круглые, карие, со всплывающими золотыми чайниками в них. Признаться, они часто сняты мне до сих пор. Я сдуру так преследовал ее своим неотвязным прилипчивым взглядом (так хотелось объясниться в любви! Хотя уж она-то об этой любви, над которой смеялись все и в классе, и в хоре, знала лучше всех. Моя любовь не давала ей прохода: это как привязчивая собака — и надоела, и прогнать лень: вдруг еще пригодится), что она иногда демонстративно хмурилась и отворачивала личико в сторону.

А я блаженствовал! Ни ухабы, ни насмешки и подзадоривания соседей-попутчиков, ни пыль, ни треск мотора прямо за моей спиной — ничего этого не видел, не слышал и не осязал.

Я замороженно впивался в ее глаза, я, собственно говоря, и ехал, и жил, и дышал не тут, в набитом автобусе, а в них, в их черном космическом округлом пространстве. Один, единственный. Не очень разумный. В двух юных человеческих полшариях.

Мне кажется, что я тогда через эти ее нежно дымящиеся отдушины влез, как могильный червь, ей прямо в душу.

И сжался там в комочек. В зародыш.

Интересно, помнит ли она меня?

Должна помнить: ведь о б р а т н о окончательно я так и не выбрался.

А впивался, вливался и всачивался в нее еще и потому, что помнил, заметил: там и тогда, на нашем интернатском плацу, она зазывнее и залиvisteе всех смеялась н а в с т р е ч у молоденьким, чуть старше нас, красивым кубинцам в белоснежных рубашках революционеров, жертвенная и потому притягательная кровь на которых могла только угадываться юным девичьим воображением.

Наверное, ей хотелось несбыточного. Хотелось полета. Я же летел теперь наяву, и мне хотелось теперь только одного: чтобы Ставрополь был еще дальше края света...

Мать божья: прошло больше полувека, а ощущение это все еще живет!

Тоже — зародышем. Так и не выродилось окончательно.

Продолжение следует.

Марианна ТАРАСЕНКО

Марианна Тарасенко родилась в Новосибирске. Окончила филологический факультет Тартуского университета (специальность «филолог-русист, преподаватель»). Работала учителем в школе, затем на кафедре русского языка Таллинского политехнического института. После ликвидации кафедры вернулась в школу. В настоящее время работает редактором (в том числе и литературным) выходящего в Эстонии на русском языке еженедельника «День за днем».

КАРАВАЙ, КАРАВАЙ, СЛОВО ТОЧНО ВЫБИРАЙ

На протяжении четырех месяцев мы с вами как проклятые барахтались в пучине имен числительных. Не то чтобы они кончились и больше по их поводу сказать нечего, но, наверное, пора уже переключиться на что-то более веселое и легкомысленное. А что может быть веселее и легкомысленнее праздников?

И не надо говорить, что в ближайшее время их вроде бы не предвидится: у каждого из нас есть независимый от красных чисел календаря праздник индивидуальный и аналогичные ему — у каждого из наших родственников и друзей. Конечно же, речь идет о днях рождения. Ну что, погуляем?

Первое, о чем хочется сказать, — детская ошибка, превращающая вполне понятное словосочетание «день рождения» в загадочное слово то ли «деньрождение», то ли вообще «день-рожденне». В связи с приобретенным окончанием «-е» слово автоматически начинает причисляться к среднему роду и изменяться по правилам второго склонения: «с деньрождением», «к деньрождению», «о деньрождение». Все это влечет за собой и необратимые изменения в окончаниях согласованных с ним местоимений и прилагатель-

ных, тоже приобретающих все признаки среднего рода, — мое «деньрождение», веселое «деньрождение» и так далее.

И вот такая детская, умильная и в принципе вполне понятная ошибка благополучно перебирается во взрослую жизнь многих людей, которые не видят в этом «ничего такого». При этом поди спроси их, одно это слова или два, так большинство ответит, что, конечно же, два. Тогда в чем дело-то?

По правилам русского языка, в словосочетаниях подобного типа (что чего? — день рожденья) при склонении изменяется только главное слово, в данном случае — «день». Подобрал несколько диковатые с точки зрения здравого смысла, но зато максимально близкие во всех отношениях другие словосочетания — «ремень сомненья», «плетень пораженья» и «пень воскресенья», — сравним: «ремня сомненья», «к плетню пораженья» и «с пнем воскресенья». И увидим, что по падежам изменяется первое — главное — слово, а второе, зависимое, так и остается в форме родительного падежа. А значит, «нет дня рожденья», «к тридцатому дню рожденья», «день своего ро-

ждения», «днем твоего рождения» и «о дне вашего рождения» — и только так.

Впрочем, не удивлюсь, если лет через двести эти два слова все-таки сольются в одно. Уже родилось, пусть пока что его употребляют только в шутку, слово «деньрожденьице». А это серьезная заявка: от несуществующего слова родственные образовываться не могут.

Но с этим праздником связана еще одна — не побоюсь этого слова — заковыка. Человека, чей день рождения отмечается, называют новорожденным: так же, как и того, кто в действительности только что появился на свет. Но как часто мы слышим веселые голоса с порога: «А где здесь именинник? Подавайте его сюда немедленно!» Но ведь именинник — это тот, у кого именины. Как это — «нет разницы»? Есть.

До революции в России именины человека от дня его рождения обычно если и отстояли, то не намного: детская смертность была довольно высокой, и необходимо было обеспечить младенцу защиту на том свете не мешкая. Именины — это день имени, то есть день памяти святого, в честь которого назвали человека. А называли, как правило, в соответствии со Святцами — в честь святого, в день которого малыш родился (иногда использовались имена последующих дней), или в честь святого, в день которого крестили. И потом

обычно праздновали не собственно день появления человека на свет, а день ангела, то есть именины или день крещения.

Именины могли совпадать с днем рождения, могли не совпадать, но и в этом случае разница в несколько дней роли не играла. Естественно, виновника торжества называли именинником или именинницей... Во времена советской власти празднование дней рождения вытеснило традицию празднования именин, тем более что у многих людей по причине того, что их не крестили, именин и быть не могло. Но все равно на днях рождения исполняли неубиенный шлягер «Каравай», в котором речь идет об именинах.

А что теперь, когда церковные обряды вошли в моду? Кто-то и сейчас называет детей по Святцам, но большинство — нет, и вне зависимости от этого подавляющее большинство отмечает дни рождения. Но мы продолжаем петь о том, как на чьи-то именины испекли мы каравай, и называем новорожденных именинниками по инерции, хотя у многих день рождения и именины могут разделять и полгода.

И еще одно: как правильно, новорождённый или новорóжденный? В принципе в современном языке допустимы оба варианта, но стоит помнить, что литературный из них — первый, а второй — всего лишь разговорный.

Ермек АМАНШАЕВ

О себе

Родился на Каспийском побережье, у самого моря. Детство прошло там, на песчаных берегах с солончаком и полынью, граничащих с широкой морской гладью. Долгие вечера легенд, сказок, притчей, рассказанных моим дедом — Нурбергеном, потрясающим рассказчиком, сказителем.

Море, жара, пески, книжный фонд двух библиотек, расположенных в разных частях поселка, называемого пгт, поселком городского типа. Прибрежный районный центр с определенной развитой инфраструктурой: газетный киоск с журнальчиками типа «Советский экран», «Спорт» и «Кругозор» с синей пластинкой внутри с новыми песнями, книжный магазин с библиотекой мировой литературы для детей, союзной литературой, довольно богатый на полиграфию, магазины одежды, продуктовые, летний и зимний кинотеатры.

Первое кафе с мороженым и молочными коктейлями, ныне его назвали бы «Лаунж бар».

Первый телевизор, который мои родители вечерами выставляли во двор, и соседи смотрели вместе с нами «Четыре танкиста и одну собаку».

Первое пианино, которое купил отец, — моя младшая сестра брала уроки сольфеджио.

Отец преподавал в нашей школе казахский язык и литературу, а также русскую литературу. Дома у нас была хорошая библиотека. Помню, долгими летними каникулами зачитывался А. Конан Дойлом («Шерлок Холмс»), Д. Лондоном, Г. Мопассаном...

Мама, проработавшая вначале в школе, затем всю жизнь в районном отделе образования бухгалтером.

Отец умер рано, прожил всего сорок один. Мама осталась вдовой в сорок лет с четырьмя детьми. Она посвятила свою жизнь детям, вырастила, все они сегодня живы и здоровы, живут в разных уголках страны.

В детстве увлекался кинематографом. Собирал журналы «Советский экран», «Новый фильм», вырезки из них наклеивал на тетрадки, записывал имена режиссеров, артистов и т. д. У отца была хорошая коллекция пластинок «Антология казахских кюев»; сказки, легенды, эпос, репертуар ведущих национальных драматических театров на пластинках. Помню, во дворе мы, ребята, обыгрывали сценки известных спектаклей ведущих театров.

Годы учебы на филологическом факультете КазГУ. Учитель — яркая личность, блестящий оратор, самый любимый ученик М. О. Ауэзова — академик Зейнулла Кабдулов.

Первая премьера в двадцать восемь лет — на сцене Академического театра им М. Ауэзова, на главной сцене страны — спектакль по моей пьесе «Прерванная колыбельная», которую отметили на Московском фестивале молодых драматургов Михаил Рощин и Людмила Петрушевская.

Дружба на долгие годы с руководителем театра М. Ауэзова — великим режиссером, мэтром, основателем современного казахского театрального искусства народным артистом СССР Азербайжаном Мамбетовым.

Были годы, когда до обеда преподавал на кафедре теории казахской литературы у академика З. Кабдулова, а после обеда — работал зав. литчастью в театре М. Ауэзова с А. Мамбетовым. Это были годы возмужания.

Затем госслужба, аппарат Кабинета министров, заместитель министра культуры, пресс-служба президента Республики Казахстан, заместитель мэра г. Астаны.

Почти семь лет возглавлял национальную киностудию «Казахфильм».

Пьесы поставлены во многих ведущих театрах страны. Автор книг «Легенда об Албасты», «В поисках мифа». В качестве режиссера поставил в своем переводе «Игру в Джинн» Д. Кобурна в академическом драмтеатре им. М. Ауэзова, художественный фильм «Параллельные миры» («Балкон») по заказу российского Министерства культуры.

Кандидат филологических наук (защищал по поэтике казахского рассказа), заслуженный деятель Республики Казахстан.

Родился в 1963 году.

Рисунки Настасьи Поповой

СЫН

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ¹

...Было раннее утро. Авраам встал вовремя, он обнял Сарру — невесту своей старости, и Сарра поцеловала Исаака, который отвел от нее бесчестие, стал ее гордостью и надеждой на все грядущие поколения. Так они ехали в молчании, и взгляд Исаака был прикован к земле, так они ехали до четвертого дня, когда Авраам поднял глаза и увидел вдали гору Мориа, но тут его взгляд снова обратился к земле. Молча разложил он хворост, связал Исаака, молча занес нож; и тут он увидел агнца, которого заранее предусмотрел Господь. Он принес в жертву агнца и воротился домой...

С того дня Авраам состарился, он не мог забыть, чего потребовал от него Бог. Исаак процветал, как прежде; но глаза Авраама потемнели, он не видел большие радости.

Сёрен Кьеркегор. Страх и трепет

Осень.

Мне пятьдесят девять лет. Еще год до шестидесяти. Или девять лет после пятидесяти.

Я курю. Есть не хочется. После изрядного количества выпитого всегда пропадает аппетит. Вчера был последний день работы в рекламном агентстве, которому я посвятил целых двадцать лет. Хватит, решил я, пора и для себя пожить. Денег накопил достаточно, лет на пять вперед. А там посмотрим. Меня уговаривали остаться, но я отрез отказался. Этой рекламой сыт по горло. Хотя, полагаю, поначалу будет тоскливо.

Вечеринка удалась на славу. Пришли попрощаться даже конкуренты. Гуляли до утра.

Живу я в престижном районе города, в предгорье с чистым воздухом. У меня большой дом, машина элитной марки. Определенное признание в обществе. Короче, хватает для самоуспокоения.

Погода выдалась сегодня чудесная. Много солнца, тепла. Какая-то безмятежность во всем: в желтых листьях, мирно покоящихся повсюду, в ухоженном газоне, в дворовой асфальтовой до-

рожке. Царит какая-то умиротворенность, деревья молчаливо и трепетно демонстрируют свой осенний прикид с желтой бахромой. Садовые птички напевают меланхоличные мотивы.

Звонит телефон:

— Арсен, ты поговорил с ней? Почему? Это ведь твоя дочь, родная дочь! Она испортит себе жизнь! Поговори с ней сегодня!

Это моя бывшая жена. Дочь собралась замуж за какого-то подозрительного типа, бывшего наркомана. А наркоманы, как известно, бывшими не бывают.

Но что я могу поделать? Дочь давно живет своей отдельной жизнью, и мы с ней практически не общаемся. Встречаемся очень редко, и то быстро разбегаемся, уладив какие-то — в основном финансовые — вопросы...

Но в этой красивой умиротворенности природы проскальзывают проблески некой отрешенности Вечного, его молчаливого безразличия ко всему суетному...

Трель дверного звонка. Я, в шортах и майке, выхожу во двор, открываю калитку. Почтальон отдает мне письмо, я расписываюсь, и он уходит.

¹ Повесть написана в соавторстве с Нариманом Туребаевым.

Большой желтый конверт.

Дома я усаживаюсь в кресло и открываю письмо. Несколько вырванных из тетради обгоревших и исписанных мелким почерком листов и записка с идеальным каллиграфическим почерком: «Ваш сын повесился. Это последние страницы его дневника. Я жду вас».

Мой сын?! Я не чувствую ничего. Мой сын!.. Мой единственный сын! Повесился?!

Мне становится не по себе. Комок подступает к горлу. На конверте нет обратного адреса.

Кто меня ждет?

Сами собой начинают течь слезы.

Последний раз я его видел пять лет назад, он приезжал в командировку. Мы посидели в кафе, поболтали о том о сем. Я сильно торопился, мне предстоял важный разговор с заказчиком. Поэтому мы даже толком не попрощались — так, кивнули друг другу, пожали руки и разошлись. Больше я с ним не встречался. А теперь его нет.

Что случилось? Он работал директором филиала крупного банка в региональном центре, успешный молодой человек.

Я встаю, наливаю себе горький холодный кофе. Беру листки его дневника. Но читать не могу.

Выхожу во двор, долго стою под ярким осенним солнцем.

Это мой сын от первого неудачного брака. Разошлись мы, когда ему было восемь лет. Помню его виноватую улыбку, когда я уходил.

— Папа, ты еще вернешься?

— ?..

Он продолжал улыбаться. Хотел напоследок обнять, поддержать в своих объятиях, но супруга встала между нами. И я ушел.

Снова беру листки дневника. Работа с цифрами приучила сына к дисциплине — на каждый день отведен ровно один лист. И если текст не вмещался, он сжимал буквы последних предложений, лепя их друг к другу. Начинаю читать...

Так проходит время до обеда. Наконец я заканчиваю чтение.

Не могу ничего понять. Почему? Ведь это записка его последних дней, но ничего, связанного с предстоящей смертью, я не нашел. Встречи, рассуждения, наблюдения. Ночные бдения в клубе. Ничего не значащие знакомства, легкий флирт. И ни слова о жене, о семье, как будто ее вовсе не существует.

Может, он развелся? Я был на их свадьбе. Мне она показалась симпатичным светлым человеком. Все возможно. Я сам разводился три раза. Теперь одинок. Совсем одинок. Я беру розовый маркер и начинаю подчеркивать нужные мне строки —

места, где он бывал, люди, с которыми он встречался. Я не упускаю ничего и никого. И лишь в одном месте я споткнулся — «Я убежу от него». Кто это — он? Друг? Враг? Злой рок? Нет, последнее неверно — мой сын достаточно рациональный человек и такими аллегориями не выражался. Загадочный он стал. И что это за Убежище, о котором он однажды упоминает? Вообще, странно, что он вел дневник. На него это не похоже. И ни слова о работе. Может, у него был отпуск? Что-то изменилось. И изменилось в эти последние пять лет.

Кроме дневниковых листков попадают отдельные записи, выдержки из книг, разрозненные цитаты. Да, это его любимое занятие. И мое тоже.

Я сижу за столом на кухне, ем вчерашний бифштекс. По телевизору крутят очередное юмористическое шоу.

Пора собираться. Билеты заказаны, рейс через четыре часа. Я беру чемодан и выхожу из дома.

Перед аэропортом заезжаю к дочери.

— Выйдем, покурим?

И вот мы стоим возле подъезда ее дома, курим. Она в своих неизменных джинсах.

— Ты твердо решила выйти за него замуж?

— Да, папа.

— Наркоманы бывшими не бывают.

— Я знаю, папа.

— Будь осторожна, дочка!.. Жизнь одна у всех... Я уезжаю.

— Куда?

— В Караганду. Аслан умер.

— Какой Аслан?

— Твой сводный брат. Ты его не помнишь?

— Я плохо его помню. Мне жаль, папа.

Мы еще какое-то время стоим. Молчим. Ну вот, сигареты докурены, прощаемся, и я уезжаю.

В самолете снова вытаскиваю листки дневника, изучаю их. Банк, он работал в банке. Почему он ничего об этом не пишет? Надо узнать это в первую очередь. Может, зайти к нему домой? Нет! Что я скажу его жене? Мне нечего сказать. Может, зайду попозже, когда что-нибудь выясню.

Сосед по ряду надоедает анекдотами. Его хохот раздражает меня.

— У меня сын умер.

Он осекается. Растерянно смотрит на меня: — Извините, я просто страшно боюсь летать, вот и развлекаю себя анекдотами.

Я киваю. Дальше мы летим молча.

По прилете я беру комнату в гостинице рядом с железнодорожным вокзалом. Выхожу погулять. Этот район города похож на большого серого монстра со своими огромными пустыми пространствами и однотипными казенными домами

со стандартными балкончиками. Расстояния между двумя домами здесь такие, как у нас между десятью домами. За день не обойти.

Утренняя кружка пива. Что может быть лучше?! Ты еще не отошел от снов, и вот на тебя наваливается новый сон, с привкусом хмеля. Это похоже на медитацию. Сидишь и смотришь на проходящих по улице людей. У этого кафе большие окна, можно многое увидеть. К тому же сегодня у них работает новая официантка, похожая на Мэрилин Монро. Она очень мила. Зовут ее Лена. Но про себя я ее все равно называю Мэрилин. Что ж, Мэрилин, может, проведем сегодняшней вечер вместе? Хотелось бы ей это предложить, но — лень. Медитация меня занимает больше. Только держись, Арсен, — одна кружка, не больше! Иначе день будет потерян.

Здесь тысячи кафе, как найти именно то, в котором он сидел?

И вот я во дворе его дома, прямоугольного девятиэтажного здания. Смотрю в окно его квартиры. За шторами ничего не видно. Да я и не хотел ничего увидеть.

— Вы кого-то ищете? — спрашивает меня старушка, сидящая на скамейке у подъезда.

— Нет, я никого не ищу.

Я выхожу со двора. Гуляю по соседней улице. Вижу кафе на первом этаже дома, окна вроде большие. Сажусь за столик у окна, заказываю кружку пива. Но не пью.

«Что с тобой случилось, Аслан, ты ведь почти не пил, тем более по утрам?»

Я смотрю в окно. Подходит официантка. Нет, это не Мэрилин, она не блондинка.

— Что-нибудь еще будете?

— Нет, спасибо. Вы не знали Аслана?

— Аслан? Нет, первый раз слышу.

— Он часто бывал здесь. Особенно по утрам.

— По утрам мы не работаем.

Значит, это другое кафе. У меня такое чувство, что кто-то за мной наблюдает. Я снова оборачиваюсь к окну, но ничего, кроме вереницы прохожих, не замечаю.

Ночью в гостинице я долго сижу перед включенным телевизором, смотрю всякую дребедень. Выхожу на балкон покурить. Звезды. Судьбы. Где-то там теперь мой сын.

Утром я первым делом иду в банк, где он работал.

— Аслан, мой сын, работал здесь директором. С кем я могу поговорить насчет него?

Охранник провожает меня до двери одного из кабинетов. Миловидная секретарша просит меня подождать. Спустя десять минут я оказываюсь в кабинете директора, нового директора. Он вста-

ет из-за стола, идет мне навстречу, крепко жмет руки.

— Вы отец Аслана? Я очень сожалею. Я слышал об этой потере. Хороший был человек. Что вы хотели узнать?

— Я просто хотел посмотреть место, где он работал, поговорить с людьми о нем.

— К сожалению, он уволился пять лет назад, связь с ним была потеряна. И я не знаю, что он делал все это время, что привело его к такому концу... Но вы можете созвониться с этим человеком, Колей, они хорошо общались. Может, он вам что-нибудь сообщит? Вот телефон.

Он протягивает мне бумажку с номером. Я прощаюсь и ухожу.

Уволился... Зачем? Пять лет назад, именно тогда, когда мы с ним виделись в последний раз. Он мне ничего не сказал. Хотя наверняка уже знал, что будет делать. Он знал. Я вспомнил его глаза в тот день. Он как будто хотел что-то сказать мне, но так и не решился. Да я и не настаивал, хотя надо было. Необходимо поговорить с этим Колей. Я звоню ему. Мы условились встретиться в парке.

В ожидании я перекусываю здесь же под открытым небом, чего не делал уже давно. Забытый вкус шаурмы. У меня снова ощущение, что за мной следят. Кто-то трогает меня за плечо.

— Здравствуйте, вы — отец Аслана?

— Да, это я.

Я смотрю на худого человека в очках и полинявшем растянутом свитере. Коля. Мы садимся на скамейку. Коля пристально смотрит на меня.

— Вы очень похожи, я сразу узнал вас.

Я первым делом спросил, почему Аслан ушел из банка. Коля улыбнулся.

— О, это романтическая история! Он влюбился в телеведущую, нашу местную звезду экрана. Ая. Очень красивая женщина. У них была потрясающая любовь. Он тут же развелся с первой женой («он в этих делах так же быстр, как и я»). Они поженились и стали жить вместе. Но этого ей было мало. Она хотела, чтобы он всегда был рядом с ней. Тогда он уволился из банка, а она устроила его к себе на телевидение помощником режиссера.

— А вы, Коля, откуда его знаете?

— Мы вместе учились в институте в Алматы. Потом вместе же приехали сюда. Он быстро устроился, а я долго сидел без работы. Но мы всегда были на связи, встречались каждые выходные. Вплоть до того момента.

— До какого момента?

Коля задумался на пару секунд.

— Понимаете, ваш сын был очень толковым парнем. На телевидении он быстро поднялся. Сначала стал режиссером. Потом редактором программ. И, наконец, стал директором отдела новостей. То есть непосредственным начальником своей новой супруги. Тут между ним и Аей начались ссоры. Сначала мелкие, потом все крупнее и крупнее. Пока в конце концов это не вылилось в большой скандал прямо на работе, за несколько минут до эфира, когда она должна была читать свои новости. В эфир она вышла с взлохмаченными волосами и потекшей краской вокруг глаз. Представляете, какое это было зрелище? Начальство хотело наказать обоих, но он убедил их не трогать Аю. И сам ушел с телевидения. Они после этого случая быстро развелись, хотя она сильно этого не хотела. Но он твердо решил. Они развелись, и он исчез. Больше я его не видел и не знаю, чем он занимался до своей смерти.

— Когда это случилось?

— Четыре года назад.

Коля закурил. «Четыре года назад — это значит, что за один год он успел уволиться, развестись, жениться, сделать головокружительную карьеру на новом месте, снова развестись и снова уволиться!» Плотность жизни моего сына была невероятно высокой. Я даже почувствовал какую-то гордость за него.

— Так вы точно, Коля, не знаете, что он делал потом?

Коля замялся.

— Понимаете, я слышал кое-что, но это вам не понравится.

— Говорите.

— Я слышал, что он забомжевал.

— Кто — Аслан?!

— Да. Но это просто слухи, я точно не знаю.

Тогда я задал Коле последний вопрос. — Аслан перед смертью говорил о каком-то Убежище. Ты не знаешь, что это такое — Убежище?

— Нет, первый раз слышу. — Коля уходит.

Ая! Вот мой следующий пункт назначения. Вероятно, она — очень сильная женщина. Заставить моего сына уволиться с хорошего места и бросить его в совершенно неизвестную для него область деятельности — это не каждому дано.

«Бывают моменты, когда я ненавижу женщин. Нет, даже не так, — я их просто перестаю воспринимать как нормальных человеческих существ. Я смотрю на их лица и вижу малейшие морщины и трещины. Я вижу капельки пота на их висках. Я вижу, как дрожат уголки их ртов, когда они пытаются скрыть возбуждение, как блестят ранние признаки седины сквозь пряди

волос. Я вижу в каждом их взгляде невероятную пустоту и безысходность. К счастью, эти моменты быстро проходят. Это просто наваждение, которое наступает внезапно и отступает так же неожиданно. Я снова вижу прекрасные создания и возвращаюсь к своему мужскому естеству».

Я всматриваюсь в лица проходящих мимо женщин, стараясь понять эти «наваждения» моего сына. Почему это у него возникало? Видимо, он много настрадался от женщин. Или просто пресытился их обществом?

Я снова в своей комнате в гостинице, включаю телевизор, ставлю местный канал. Вот и новости. «Здравствуйте, уважаемые телезрители, с вами я, Ая Сабитова. А теперь — о главных новостях к этому часу...» Что ж, у моего сына хороший вкус. В такую действительно можно влюбиться — иссиня-черные волнистые волосы, полные чувственные губы. Прямой нос. Чем-то напоминает мою нынешнюю... Подружку... Кстати, надо ей позвонить.

— Как дела?

— Жан, куда ты пропал? Уже три дня, как тебя нет.

— Ну, наслаждайся моим отсутствием...

— Как же, у меня финансы поют романсы...

— У тебя одно на уме.

— У меня на уме только ты, Жан. Это у тебя много лишнего.

— Не наезжай.

— Ты тоже.

— Пошла ты...

— Где ты?

— Тебе зачем?

— Приеду, или заезжай...

— Некогда!

— Шляешься небось со своими шмакодявками...

— Ты самая худшая из них!

— Соскучился, наверное, раз так выражаешься!

— Пошла ты!..

Отключаю мобильник. Уже четвертый год общаемся. Искренность, чистота чувств и всякое другое к нам не относится. Разница в возрасте чуть больше тридцати лет. При таком раскладе ждать чего-то прозрачного в отношениях не приходится. Тем более у нее, несмотря на возраст (двадцать с копейками), такое мутное прошлое. «Береги честь смолоду» — сказано именно про таких. Сколько раз расставались, сколько раз прогонял я ее, без толку. Возвращения, примирения с обильными слезами, упреками, эмоции,

страсти... Все это привычная часть нашей совместной (если можно так назвать) жизни. Без них даже скучно. В этом, может быть, и вся прелесть зарыта. Потому что очень удобно. Мне — есть куда выливать свои стрессы и депрессию («все равно простит, куда денется»), ей — есть за счет кого беззаботно прожигать свою жизнь да при этом неплохо самореализоваться, используя мое влияние («никто, кроме меня, долго не выдержит его дурости, если даже уйдет, лучше меня дуру не найдет, перебесится и вернется»). Комфортно в каком-то смысле.

Утром проснулся и почему-то долго рассматривал свое тело в большом зеркале на шкафу. «Я все еще не стар».

Позавтракал в гостиничном ресторане — шведский стол оказался неплох. К одиннадцати уже был у телестудии. Я точно подгадал, Ая не была ранней пташкой — через пятнадцать минут она подъехала на желтом «жуке-фольксвагене». На ней был кожаный плащ салатного цвета.

— Здравствуйте, Ая!

Она смотрит на меня в недоумении.

— Мы знакомы?

— Нет, мы не знакомы. Я — отец Аслана.

Она осматривает меня с ног до головы.

— Что вам нужно?

— Я хотел поговорить с вами.

В этот момент к ней подходит какой-то холерный мужчина. Они приветствуют друг друга и целуются. Поднимаются по лестнице к телестудии. Вдруг она останавливается и поворачивается ко мне.

— Встретимся в час в кафе «Бригантина», это там, за углом.

Я киваю, они уходят.

И вот я сижу в кафе и жду ее. Пью черный горький кофе. Она появляется очень шумно, вместе с ватагой молодых ребят, втаскивающих в кафе съемочную аппаратуру. Она им кивает на меня — «это он», и они начинают устанавливать аппаратуру вокруг меня.

— Что происходит? — возмущенно спрашиваю у Аи.

Она садится за столик, наклоняется ко мне.

— Вы появились как нельзя кстати. Мы снимаем передачу о самоубийцах, о том, какие причины побуждают их сделать это, и Аслан — один из героев нашей передачи. Вы — его отец и наверняка можете рассказать о нем то, что было скрыто от посторонних глаз.

— Но почему вы сами не расскажете — вы ведь его бывшая жена?

— Я уже рассказала. Теперь ваша очередь.

Мне на пиджак цепляют микрофон. Я сижу, не зная, что мне делать — то ли бежать, то ли остаться и испить эту горькую чашу до конца. Решаю остаться.

Оператор кричит: «Снимаю!» Я не мигая смотрю в объектив телекамеры.

— Смотрите на меня и не волнуйтесь, — говорит Ая.

Я смотрю на нее, но остаюсь напряженным. Она начинает.

— Как вы восприняли известие о самоубийстве сына?

Я молчу.

— Я понимаю, это тяжело, но все-таки ответьте, пожалуйста.

— Мне было плохо, ведь это мой единственный сын. До сих пор не могу прийти в себя.

— Хорошо. Как вы думаете, почему он решил на этот шаг?

— Я пытаюсь это выяснить. Или понять хотя бы...

— Каким он был человеком?

— Он был ровным, уравновешенным человеком. Всегда в хорошем настроении. Никогда не нервничал. Он был очень талантлив — в двадцать пять лет стал директором филиала банка. Я гордился им.

— Может, вы расскажете что-нибудь интересное из детства Аслана?

— Когда ему было восемь лет, мы развелись с его матерью. Потом она умерла от рака, и его воспитывала бабушка, моя бывшая теща. Иногда я бывал у них. В общем, его детство прошло мимо меня, я мало участвовал в его воспитании, о чем сейчас жалею.

— Вы думаете, если бы вы больше уделяли ему внимания в детстве, то он не закончил бы свою жизнь так?

— Я думаю, мы все виноваты. Все, кто когда-то был рядом с ним и не смог его понять. Или не хотел понять. В том числе и вы, Ая.

Ая задумалась. Потом показала руками крест оператору:

— Все, съемки закончены.

Мы сидим молча друг против друга, ребята вокруг собирают технику. Наконец Ая начинает говорить.

— Я ни в чем не виновата. Вы действительно плохо его знали. Он вечно придумывал себе проблемы, трудности, да, он любил проблемы. Он скучал без каких-либо встрясок. («Узнаю корни».) За год, что мы были вместе, он так достал меня своими вечными сомнениями, страхами, глупыми вопросами о смысле существования! О жертвенной любви, искренности. Лучше б он оставался

банкиром. Когда он работал в банке, он не был таким мнительным. Зря я его притащила на это телевидение. Это моя единственная вина.

— И какие вопросы он задавал?

— Самые разные. Например, такой дурацкий вопрос — почему мы оказались вместе? Предназначены ли мы друг для друга?

— И что вы отвечали?

— Это же очевидно. Любовь. Просто любовь. А он в это не верил. Считал, что за этим стоит нечто большее... Но все равно я ему благодарна.

— За что?

— Я никогда больше не испытывала такой огромной, всеобъемлющей радости от любви, кроме как рядом с ним. И тихой гордости от общения с ним. Это были самые лучшие времена в моей жизни. Он умел любить... Все, я ухожу. До свидания! Будьте счастливы!

Она резко встает из-за стола и выходит из кафе. Парни выходят вслед за ней. «Он умел любить». Я подумал, что он просто отдавал всего себя, ничего не получая взамен. Может, в этом все дело...

Мы с мулллой сидим возле земляной сопки на местном городском кладбище. «Надо бы поставить нормальную могилку», — думаю я. Раздаются размеренные звуки Корана. Наконец, намаз закончен, и мулла уходит. Я остаюсь сидеть. Глажу ладонью песок на могиле. Дата на табличке гласит, что он умер два месяца назад. Два месяца я жил, не зная о его смерти. Вдруг я замечаю за мазарками и полумесяцами девушку, лицо ее мне кажется знакомым. Ну да, точно, это она была в веренице прохожих за окном кафе, это она была среди тех женщин, которых я разглядывал в парке. Она стоит и смотрит на меня. Потом быстро уходит. Я вскакиваю и бегу за ней, она тоже бежит. Мне не угнаться. Нет, я не догоню — я еле дышу, колени подгибаются. Она выбегает за ворота кладбища, садится в такси, и машина уезжает. Я провожаю ее взглядом.

Почему она следит за мной? Кто она? Что ей от меня нужно? Я понимаю, что она каким-то образом связана с моим сыном. Возможно, это его последняя любовь. Кто знает?..

Ночной клуб «Фабрика» — любимое место сына. Я плачу за вход и прохожу мимо огромного охранника. Что ж, сносная дизайнерская концепция, интерьеры продуманы неплохо, есть стиль, вкус, не хуже, чем в наших столицах. Я пришел в самый разгар — куча народу, шум, гам, грохочущая музыка. Я протискиваюсь сквозь толпу танцующих и иду напрямик к бару. Заказываю двойной чивас со льдом.

«Ночной клуб манит меня каждый вечер. И я не в силах устоять. Это золотая клетка, выходить из которой не хочется. Это идеальный мир — здесь нет агрессии, тревоги, все благожелательно к тебе. Мне нравится здесь плясать до упада, нравится заигрывать с девочками, нравится напиваться так, чтобы не помнить, как оказался дома. Я здесь свой. Меня все знают, меня везде пропускают без очереди. Здесь мой столик, который никто, кроме меня, не занимает. И к моему столику девушки слетаются как мотыльки на свет. Почти каждое утро я просыпаюсь с новой. И я ни на кого не трачу денег, только на себя. Девушки достаются мне бесплатно. Сегодня ночью, надеюсь, мне снова повезет...»

Я подзываю бармена.

— Вы знаете Аслана? — кричу я ему в ухо.

— Конечно, знаю. Только в последнее время его что-то не видно. А вам зачем он нужен?

— Я его отец. Где его столик?

— Там, — бармен показывает рукой в угол.

— Что он обычно пил?

— То же, что и вы, двойной чивас.

С бокалом я иду к его столику. За ним сидит молодежь — два парня и девушка.

— Можно присоединиться?

Молодые люди с удивлением смотрят на меня. Наконец один из них широко улыбается и произносит:

— Конечно, садись, батяня!

Они двигаются, я сажусь с краю. Смотрю на танцующих. Представляю среди них своего сына. Представляю, как он кружится, вертится посреди танцплощадки, собирая вокруг себя толпу. Наверняка он хорошо танцевал. Музыка бьет по ушам, но я терплю. Парень, который пригласил меня, наклоняется ко мне.

— Что, батя, оттянуться решил по полной?

— Я — отец Аслана.

Парень хлопает меня по плечу.

— Отец Аслана?! Вот так встреча! Слышите, ребята, это — папаша Аслана! Куда он пропал?

— Он умер.

— Как умер?!

Возникает напряженная пауза. Ребята с сожалением смотрят на меня.

— Жалко. Славный был вояка! — говорит парень.

— Почему вояка? — спрашиваю я.

— Ну как же, он же бывший спецназовец! А вы не знали?

Парень с любопытством смотрит на меня.

— Нет, не знал. Я ничего не знал.

Ошарашен этой новостью — какой еще спецназ? Видя мое замешательство, парень дает мне бутылку пива.

— Глотните, легче станет.

Я выпиваю полбутылки. Пиво, смешавшись с виски, почти моментально ударяет в голову. Вот еще одна неизвестная сторона жизни моего сына. Я вспомнил, что в детстве он ходил на карате. Неужели он решил применить свои навыки на деле? Может, это просто одна из его шуток и ни в каком спецназе он не служил? Байка для привлечения девочек.

— Он не мог служить в спецназе! — кричу я сквозь музыку парню.

— Почему не мог?! Я сам видел орден за заслуги, он приносил, показывал. За какую-то боевую спецоперацию дали. Так что он у вас герой!

Я удивился — что за боевые операции в мирное время?

— Слышишь, он не верит, что Аслан в спецназе служил! — говорит парень рядом сидящей девушке. Девушка обращается ко мне.

— Здравствуйте! Меня Марией зовут.

— Очень приятно.

— Я была у него дома и видела в шкафу его военную форму! Он точно был спецназовцем. А на ноге у него шрам от пули, навывлет прошла.

— И он танцевал с раненой ногой?

— Еще как танцевал! Он был король танца!

В моей голове полная каша — телевидение, танцы, а теперь еще и армия. «Где тебя только не носило, сынок!»

— Я хочу танцевать, — почему-то говорю.

— Что? — парень не расслышал меня.

— Я хочу танцевать! — уже кричу я.

Парни смеются.

— Смотри, папашу развезло!

Мария встает, подходит ко мне и протягивает руку.

— Давайте потанцуем!

Я беру бокал и иду за ней. Мы вклиниваемся в самую гущу. Я оказываюсь посреди танцующей толпы, и Мария тоже одна из них. Я стою и отпиваю из бокала бурбон, наблюдая за пляшущими человечками. Разноцветными брызгами искрится свет, иногда меня случайно задевают. Я стою пошатываясь. Пью. И снова пью. В голове — карусель из нечаянных, бессвязных мыслей. Вскоре мысли исчезают совсем. Полная пустота — и белый свет...

Просыпаюсь утром в своей кроватке в номере гостиницы. Рядом на диване лежит, посапывая, Мария. Я полностью повторил путь сына — танцы, чивас до беспамятства и, наконец, утром — де-

вушка рядом. Она вчера что-то говорила про его дом. Да, точно, она была у него.

— Проснись.

Я встаю, подхожу к ее дивану, касаюсь ее плеча. Она открывает глаза, улыбаясь потягивается. Смотрит на меня.

— Как же вы похожи!

— Чем мы похожи?

— Всем. Даже пьянеете одинаково.

Что ж, это я уже слышу не первый раз.

— Ты была у него дома?

— Да.

— Покажешь?

И вот мы уже идем какими-то дворами, мимо трансформаторных будок, стихийных автостоянок и детских площадок. Мы стоим перед трехэтажным домом, так называемой хрущевкой.

— Здесь, в этом подъезде, как подниметесь, дверь сразу направо.

Мы прощаемся с Марией, я захожу в дом. Поднимаюсь по лестнице. Останавливаюсь у двери. Звоню. Зачем? А вдруг. Вдруг произойдет чудо и он откроет дверь. Но — чудес не бывает. Я выхожу во двор, сажусь на скамейку. Вытаскиваю сигарету, пытаюсь прикурить, но зажигалку заело. Чья-то рука услужливо подносит к моей сигарете зажигалку с огнем. Я прикуриваю, поднимаю глаза — передо мной стоит та девушка, которая следила за мной. За которой я тогда на кладбище бежал, не догнав. Внимательно изучаю ее. Какие-то детские черты лица, фигура подростка. Почти ребенок.

— Следуйте за мной, — говорит она мне.

Я иду за ней, мы снова заходим в подъезд.

— Входите, — она открывает дверь в квартиру сына.

Я вхожу. Квартира довольно светлая. Белые стены. Все просто — кровать, шкаф, стул, стол и больше ничего. И чисто. Он следил за своим жилищем. Или это она? Я оборачиваюсь к ней.

— Кто вы?

— Неважно.

Она протягивает мне ключи.

— Теперь это все ваше. Берите. Я оплатила квартплату, так что долгов нет.

Она идет к двери.

— Вы куда? — Я подхожу к ней, беру ее за руку. — Оставайтесь, вы должны мне все рассказать!

Она вырывает свою руку.

— Я ничего не должна. И потом, у нас еще будет время поговорить, мы еще встретимся. До свидания!

Она выходит из квартиры. Я остаюсь один в пустой комнате. Брожу. Туфли стучат по парке-

ту. Странная девушка. Еще одна тайна в жизни моего сына. Осталось только ждать, когда она снова соблаговолит встретиться со мной. Я открываю шкаф и нахожу среди одежды камуфляжный мундир с прикрученной к груди медалью. Погоны старшего лейтенанта. Медаль — «За воинскую доблесть». Значит, он все-таки служил в армии?

В комнате гостиницы собираю свои вещи. Парень на ресепшен вызывает для меня такси. Я уезжаю.

И вот я снова в его квартире. Теперь уже в нашей квартире. Развешиваю одежду в шкаф. Иду на кухню. В углу валяется пакет с проросшей картошкой. Я выкидываю его в мусорное ведро. На полке нахожу банку растворимого кофе. Кипячу воду, завариваю кофе. Сажу за кухонным столом, пью. Курю. Красивая золоченая пепельница, инкрустированная цветными камнями.

Я захожу в городской военкомат. Девушка в окошке долго ищет в компьютере информацию об Аслане. Наконец находит.

— Да, он служил по контракту. Поступил на службу такого-то числа такого-то года, уволился в запас по ранению такого-то числа такого-то года. Служил полтора года в войсках специального назначения.

— Где он служил, я имею в виду — в каких местах?

— Нет информации.

— У него медаль «За воинскую доблесть»?

— Я же говорю — нет сведений. Понимаете, это спецназ, контрактники и вся информация об их службе засекречены.

— Спасибо.

Я выхожу из военкомата. Получается, полтора года из его жизни останутся для меня неизвестными.

«Я улыбаюсь. Стою на широкой многолюдной аллее и улыбаюсь. Светит жаркое летнее солнце, которое сжигает меня. Но я не иду в тень. Я стою и улыбаюсь. Прохожие смотрят на меня — кто с недоумением, кто с интересом, а кто-то смеется. Какие-то парни, проходя мимо, бросают: «Как идиот, стоит и улыбается». Но мне все равно. Постепенно какая-то огромная радость наполняет меня, я еле сдерживаю себя, чтобы не подскочить и не закричать: люди, разве вы не понимаете, как все хорошо и прекрасно?! Оглянитесь вокруг! Улыбнитесь! Взгляните друг на друга! Остановитесь! Глупо, конечно, все это. Но это помогает мне отвлечься и забыть о неприятностях».

Я стою на аллее — не знаю, та это аллея или нет? Во всяком случае, здесь много народа. Я пы-

таюсь выдавить из себя улыбку. У меня это плохо получается. Действительно, чувствую себя идиотом. Зачем он это делал? Нет, у меня ничего не выходит. Улыбаться без причины довольно трудно. Я уйду с аллеи. Иду по улице.

Сразу после разрыва с Аей он пошел служить. Замысловатая траектория в его жизни — банк, телевидение, армия. Какие еще сюрпризы он для меня приготовил? И о каких неприятностях он говорил? Судя по дневнику, жизнь он вел довольно бесшабашную, и ни о каких проблемах там речи не идет.

Начинает накрапывать дождь. Я захожу в первый попавшийся магазин. Это оказывается магазин электроники. Звучит музыка, повсюду горят плазменные панели. На одном из телевизоров показывают новости. Очередной теракт — повсюду кровь, тащат парня с оторванной ногой, дым, огонь, куча машин скорой помощи.

Я подумал о сыне. Возможно, он видел весь этот ужас своими глазами. Значит, у него был свой ад. Я вспоминаю сцену из своего собственного ада.

...Мы входим в кишлак. Автоматы наготове. Идем медленно, изучая каждый сантиметр пространства. Тишину прерывает лишь лай собак. Выходим на небольшую площадь и останавливаемся как вкопанные. Кто-то шепчет: «Красные рубашки». На площади на трех шестах висят наши ребята на руках. У каждого кожа разрезана в поясе, содрана и завернута, словно полотно, вверх, привязанная к рукам. Это и называется красной рубашкой. Мы слышали об этом, но видим первый раз. К ногам у всех троих прицеплены таблички на русском — «шурави». Один из них еще жив, его всего трясет. Мы слышим его бормотание — «помогите, помогите...». Майор вытаскивает пистолет, подходит к парню и стреляет ему прямо в сердце...

Сыночек, сын мой, ты проходишь все круги ада, которые и я когда-то прошел...

Я еду в такси. Люблю слушать таксистов. Иногда они рассказывают очень трогательные истории... Сегодня сел в старую колымагу, «Москвич-412».

— И как она до сих пор ездит? — спрашиваю у старика-таксиста.

Тот стал расхваливать свою «ласточку», объяснять, как он заменил добрую половину деталей и перебрал весь двигатель. Еще сказал, что установил впрыск азота и теперь темными ночами гоняет по загородным трассам.

— Не может быть, — говорю.

И зря. Видя мое неверие, дедуля переключил скорость, нажал какую-то кнопку, и машину по-

несло. Корпус весь скрежетал и ходил ходуном. Мы мчались с бешеной скоростью. Я зажмурил глаза. Слава богу, все обошлось. Посмотрев на меня, старик довольно засмеялся и сбавил скорость.

— Да, батя, — говорю. — Это не «Москвич», а скоростной болид какой-то. Впрыск азота. Надо же!

Таксист нервничает.

— Черт! Ну кто так ездит! Ну точно, женщина за рулем, кто же еще может быть.

— Не любите женщин за рулем? — спрашиваю.

— Да я вообще их не перевариваю! Одни беды от них. Вот мой внук недавно вляпался с ними в историю. Загулял с девкой, а она оказалась малолеткой. Ну, и ее мать заяву накатала в полицию. Требуется четыре тыщи баксов, чтобы она заяву забрала. Представляешь? А мне мент знакомый сказал, что это известная семейка, мать и дочь. Они так по городам катаются, мать подкладывает свою дочурку доверчивым пацанам, а потом заяву пишет. Так и зарабатывают. Менты знают про них, но ничего доказать не могут. Вот они какие, бабы! Суки! — таксист плюется в окно.

Что ж, эту историю трогательной не назовешь.

— Так заплатите, — говорю я таксисту.

— Конечно, заплачу. Куда я денусь.

Покупаю в супермаркете продукты, забиваю ими холодильник.

Ночь. Светит луна. Читаю записи сына:

«103.

*Когда же оба предались Господней Воле
И сына на чело отец уже поверг,*
104.

Воззвали Мы: "О Ибрахим!

105.

Ты оправдал уже видение свое?"

Мы так вознаграждаем добротворцев.

106.

Сие, поистине (Господне) испытанье,

107.

И искупили (сына) Мы его великой жертвой.

108.

И Мы оставили над ним

В народах, что пришли потом,

(Благословение Господне):

109.

"Да будет Ибрахиму мир!"»

Ибрахим (Авраам), могучий пророк, ради доказательства истинности своей веры Богу чуть не заклал собственноручно сына своего родного. Но Бог смилостивился и послал ему жертвенного агнца вместо сына. Но, думается мне, с точки зрения самого сына, Исмаила, имел ли его отец

достаточно оснований или, выражаясь по-современному, право, резать чашу свое, даже ради доказательства своей веры? Наверняка, хотя бы внутренне, он множество раз задавал отцу этот вопрос: «Почему? Я только начал жить...»

Я сижу на кровати, докуриваю сигарету. Достав свой айпад, залезаю в интернет за комментариями. Толкование шейха Абд ар-Рахмана ас-Саади: «Отец и сын покорились воле Аллаха. Ибрахим устрасился Божьей кары и твердо решил исполнить повеление Аллаха и принести в жертву своего сына и радость своей души. А что касается Исмаила, то он проявил великое терпение и не посмел ослушаться Всевышнего Господа и огорчить своего родителя. Ибрахим поверг сына лицом вниз для заклания — он не хотел смотреть в это время ему в лицо... Испытание, через которое прошел пророк Ибрахим, доказало его нравственную чистоту и совершенную любовь к своему Господу... Когда Ибрахим отдал предпочтение любви к Аллаху перед своей земной любовью и вознамерился принести в жертву своего сына, любовь к земному перестала отвлекать его от поклонения Господу. Больше не было причин для заклания Исмаила, и поэтому Всевышний Аллах повелел Ибрахиму принести в жертву не сына, а крупную овцу... Аллах назвал эту жертву большой в силу нескольких причин. Во-первых, потому, что она была выкупом и возмещением за жизнь пророка Исмаила. Во-вторых, потому, что жертвоприношение стало одним из величайших обрядов поклонения. А в-третьих, потому, что этот обряд сохранился и будет существовать вплоть до наступления Судного дня...»

— Да, сын, в какие дебри ты залез!.. — задвигаю золоченую пепельницу под кровать и ложусь спать.

Утром я жарю себе яичницу с колбасой. Привыкаю к холостяцкому быту. Дома я никогда не готовил, просто заказывал еду с доставкой и разогревал ее в микроволновке.

Звонят в дверь. Открываю. На пороге стоит высокий долговязый парень в куртке с капюшоном. Руки в карманах. Он какое-то время смотрит на меня.

— А вы кто? — спрашивает.

— Я — отец Аслана.

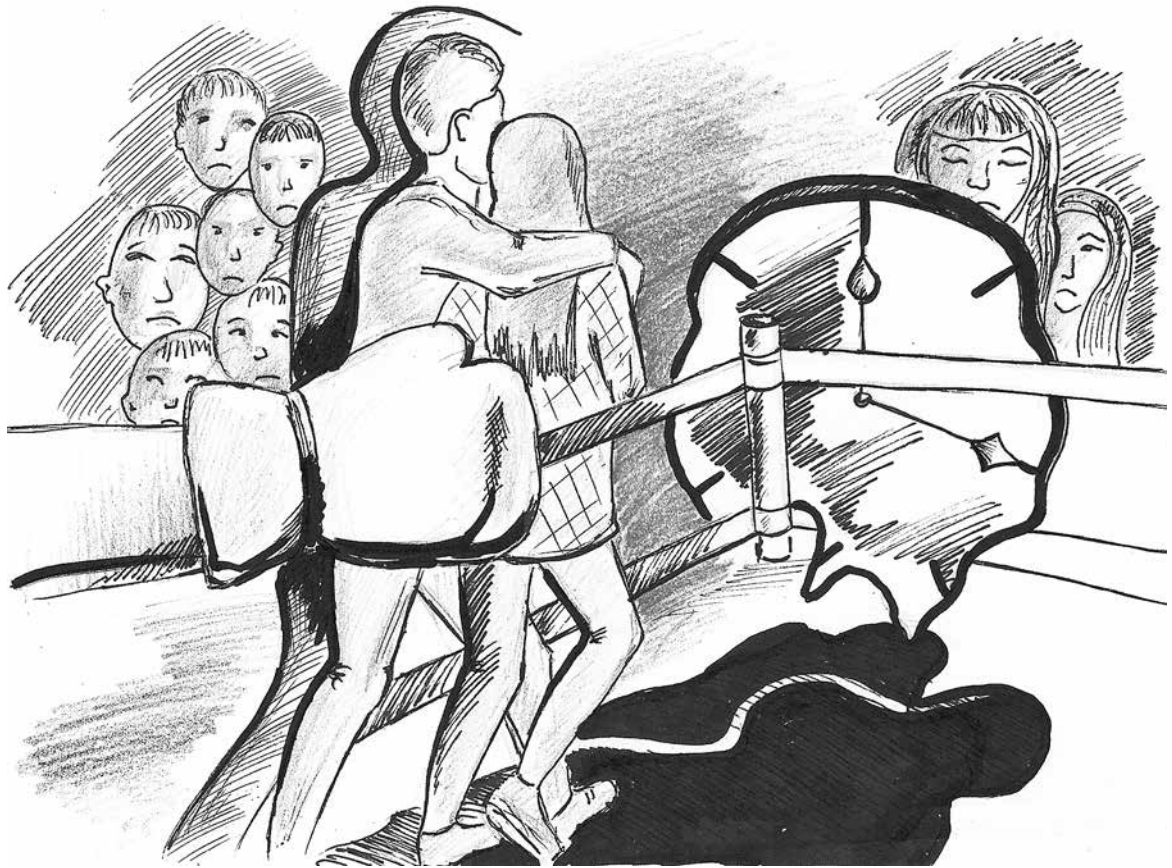
Опять пауза. Наконец парень протягивает руку.

— Отец Аслана? Здравствуйте!

— Через порог не здороваются. Заходите. — Я пошире открываю дверь, и он заходит.

Пожимаем друг другу руки.

— Меня Нурланом зовут. Я сосед ваш снизу. А я слышу, кто-то ходит наверху, дай, думаю, за-

гляну. Мало ли что? Мои соболезнования. Кайырлы болсын!

— Аминь!

— Вы надолго к нам?

— Не знаю, как получится. Есть будете?

— Нет, спасибо, я позавтракал. Ну, я пойду тогда?

Он берется за ручку двери.

— Подождите, — останавливаю я его. — Вы хорошо знали Аслана?

Он чешет голову.

— Ну так, были знакомы. В общем, нормально я его знал.

— Чем он зарабатывал на жизнь, не знаете?

— Знаю. Но это такая информация, не каждый об этом знает. Поскольку вы его отец, так уж и быть, скажу. Только вы никому не говорите.

— Хорошо.

— Он занимался кулачными боями.

Еще один сюрприз.

— Что же тут секретного?

— Ну, это подпольные бои, очень опасные.

Иногда до смерти доходит.

— Как же он туда попал?

Нурлан скромно потупил глаза.

— Я его туда привел.

Я на мгновение представил, как кто-то бьет Аслана или он кого-то по лицу, брызжет кровь.

— Он сам захотел?

— А ему деваться было некуда. Я его встретил в пивнушке года полтора назад. Он очень плохо, даже страшно выглядел. Извините, конечно, что я вам об этом говорю. Но он был действительно не в форме, мягко говоря. Весь помятый, грязный. Мы разговорились, и оказалось, что он — бывший спецназовец, каратист. Тут я ему и предложил это дело. Он был идеальной кандидатурой — ни кола ни двора. Доброе «мясо», как их там называют. Он сразу согласился. И в первых же боях заработал кучу денег.

— Он хорошо дрался?

— Да вы что! Он был машиной смерти! Правда, никого не замочил, слава богу, но покалечил многих.

Я сажусь на табуретку. «Машина смерти». Не могу представить его в этой роли. Любая жестокость была ему противна.

— Вы сможете показать мне эти бои?

Нурлан пожимает плечами. Затем кивает...

Вот мы идем в подвале по петляющим коридорам. Горит тусклый свет, с труб капает вода. Нас

ведет человек в кожаном жилете, все руки в тауировках. Наконец мы входим в большое светлое помещение. Человек сто зрителей, все кричат, улюлюкают. Посреди стоит большая металлическая клетка. Нурлан подводит меня к какому-то важному господину с сигарой в зубах.

— Дядь Володя, познакомьтесь, это отец Аслана.

— Отец Аслана? Очень приятно!

Господин широко улыбается и крепко жмет мою руку. Блестят его золотые зубы.

— Зовите меня просто Володей. Я, так сказать, заведу этим бизнесом. Сожалею о случившемся.

— Спасибо.

— Помянем, что ли, Аслана?

Он заводит меня в небольшую комнатку со стеклянными стенками. У двери комнаты стоит охранник. Мы садимся за стол. Володя вытаскивает бутылку «Джека Дэниэлса» и разливает по бокалам.

— Хорошего человека вы воспитали, смелого, сильного. Хотел бы я, чтобы мои дети были такими. Давайте выпьем за его светлую душу. Пусть земля будет ему пухом.

Он поднимает бокал и выпивает. Я воздерживаюсь.

— Сигару?

— Нет, что-то не хочется.

Я думаю о том, что, может быть, причина его смерти находится здесь. И решаю задать прямой вопрос.

— Володя, вы не знаете, зачем он это сделал?

— Вы о самоубийстве?

— Да.

— Сам задаюсь этим вопросом. Зачем? Ведь все у него было хорошо. На боях он заработал столько денег, что смог купить себе квартиру, машину. Друзей много появилось, среди них очень влиятельные люди были, наши постоянные клиенты. Мог себе ни в чем не отказывать. Правда, в последние три месяца он перестал заниматься боями. Сказал, что нашел другую работу. Ну, мы и не настаивали на его возвращении. Он был непобедимым, и из-за этого под конец ставки на его бои снизились. Даже убытки пошли. Но мы его достойно проводили. Устроили здесь знатную вечеринку! Все наши бойцы пришли с ним попрощаться.

— Я хочу посмотреть.

— Пожалуйста!

Мы выходим из комнаты. Протискиваемся сквозь толпу к клетке. Останавливаемся рядом с пожилым человеком в черном пальто и солнцезащитных очках. Володя знакомит меня с ним.

— Познакомьтесь, Николай Иванович, это отец Аслана.

— Отец Аслана? Любопытно!

Мы здороваемся. Николай Иванович наклоняется ко мне. Высокий, импозантный мужчина лет пятидесяти. Чуть поседевшие волосы, борода.

— Этот, в черной маске, чем-то похож на нашего сына по манере боя. Любит бить снизу в челюсть.

Я наблюдаю за боем. Бойцы обмениваются ударами. Кажется, они абсолютно равны по силе. От ударов они лишь встряхивают головами и продолжают бой. Вдруг «черная маска» приседает и в резком прыжке бьет противника снизу в челюсть. Тот падает. «Черная маска» запрыгивает на него сверху и начинает колошматить, превращая его лицо в кровавое месиво. Публика взрывается аплодисментами. «Черная маска» продолжает бить. Голова его противника мотается из стороны в сторону. Публика постепенно смолкает. Вскоре наступает тишина, в которой раздаются лишь звуки ударов. «Черная маска» бьет не переставая. Все замерев смотрят на это. Темп его ударов замедляется. Видимо, он устал уже бить. Наконец он встает. Озирается вокруг. Рычит и скидывает алые от крови кулаки вверх. Зрители в ответ кричат и хлопают. Я смотрю, как охранники выволакивают тело бойца из клетки, взяв его за руки и за ноги. Хочу уйти. Но Николай Иванович останавливает меня.

— Подождите!

Он отдает мне визитную карточку.

— Позвоните мне, как только сможете. Нам надо поговорить.

Я киваю и ухожу. Дома я начинаю искать ключи от машины. Ведь у него была машина. Нахожу ключ в кармане одного из его пиджаков. Выхожу во двор, нажимаю на кнопку ключа. Одна из машин мигает фарами. Я подхожу к ней. «Тойота-Камри» синего цвета. Машина не новая. Покрыта толстым слоем пыли. Я вытираю пыль со стекол, сажусь в нее и выезжаю со двора. По дороге заезжаю на автомойку. Вскоре на сверкающей помытой машине я еду по ночному городу. Если полицейские меня остановят, то, скорее всего, машину отберут и поставят на штрафстоянку. Ведь документов на нее у меня нет. Но мне все равно. Я еду и думаю об Аслане. В таком зрелом возрасте нужны очень веские причины, чтобы убить себя. Это неокрепшие юноши бросаются с крыш из-за несчастной любви или из-за непонимания окружающих. У Аслана все было гораздо серьезнее. Что-то очень важное произошло в его жизни, что заставило его так неожиданно покончить с собой. Может, этот Николай Иванович что-то знает? Надо позвонить ему.

Утром, проснувшись, я первым делом беру свой мобильный телефон и звоню.

— Николай Иванович, здравствуйте. Это отец Аслана вас беспокоит. Да! Через два дня? Где? Хорошо, я понял.

Через два дня я подъезжаю к большому особняку. Мне открывают ворота, и я заезжаю внутрь. Девушка провожает меня в дом. Подводит меня к сияющей вкрапленным мраморным блеском узорчатой двери. Я оказываюсь в бассейне. Николай Иванович плавает вдоль борта.

— Садитесь, я скоро выйду, — говорит он мне.

Я сажусь на один из стульев возле стеклянного столика, уставленного вазами с фруктами и напитками. Играет легкая ненавязчивая музыка. Шаде. Хозяин, наконец, выходит из воды и направляется ко мне.

— Как у вас дела, Арсен Бахытжанович?

Он садится на другой стул, завернувшись в полотенце. Я удивленно смотрю на него — откуда он знает, как меня зовут?

— Не удивляйтесь тому, что я знаю ваше имя. Прежде чем познакомиться с человеком, я сначала узнаю о нем как можно больше. Так безопаснее.

— И что вы узнали обо мне?

— Достаточно, чтобы понять кое-что. Выпьете? Вино, чай?

— Нет, спасибо. Так что же вы узнали?

Он наливает себе чашку чая. Отпивает.

— Вы не беспокойтесь! Все, что я узнал, не содержит никакой крамолы. Вы были женаты три раза?

— Да, а что?

— Нет, ничего. Мне это многое объясняет. И вы служили в Афганистане?

— Да.

— Странное сочетание — такая тяжелая вещь, как война, и такое гламурное дело, как реклама. Вы — человек контрастов.

— Возможно. Но какое это имеет значение? Расскажите лучше о моем сыне. Что вы знаете о нем? Вы были близко знакомы? Каким он был в последние дни?

— В последние дни, к сожалению, я его не видел. Мы как-то отошли друг от друга в три последних месяца. У него появились свои дела, и я не хотел его беспокоить.

— Какие дела?

— Этого я вам не могу сказать.

— Почему? Ведь вы наверняка что-то знаете?

— Понимаете, Арсен, до некоторых вещей вы должны дойти сами. Я могу лишь помочь вам обозначить какие-то точки, координаты в вашей

дороге. Ведь вы приехали выяснить, почему он умер?

— Да. Но мне кажется, что у вас есть своя версия того, что случилось?

— У меня есть догадки. Но озвучивать их я не хочу. Еще раз повторяю, вы должны сами пройти весь этот путь.

— Тогда зачем вы меня позвали? Говорите какими-то загадками, морочите мне голову. Вы можете сказать мне что-то конкретное?

— Не сердитесь. Я не хотел вас обидеть. Возьмите это.

Он протягивает мне листок бумаги. Я смотрю. Там адрес какого-то дома.

— Что это?

— В этом доме обитает много жильцов. Спросите Альфонса. Там его все знают.

— Этот Альфонс что-то знает об Аслане?

— Кое-что интересное он может вам рассказать. И не забудьте захватить с собой бутылку водки с хорошей закуской. Это все, о чем я хотел с вами поговорить. До свидания!

Он встает и снова ныряет в воду. Я выхожу из бассейна. Сажусь в машину, закуриваю. Разговор с Николаем Ивановичем почти вывел меня из себя. Он показался мне довольно неприятным типом.

Итак, теперь Альфонс. Странное имя. Скорее всего, это кличка. Я выезжаю со двора особняка. По дороге я посещаю магазин, беру литровую бутылку хорошей водки, банку маринованных шампиньонов, колбасу с сыром и немного хлеба. Еду по указанному адресу. Дом, видимо, где-то глубоко во дворах, поэтому я оставляю машину на дороге и иду пешком. Какой-то дремучий район, обветшалые двухэтажные дома барачного типа. Останавливаюсь возле одного из них — стекла все разбиты, входная дверь качается на ветру и скрипит. Я медленно вхожу в дом. Все двери квартир на первом этаже открыты. Я захожу в ближайшую. Страшная вонь. В комнате вповалку на полу валяются люди, если так их можно назвать, укрытые кто чем. Спят.

— Альфонс! — кричу.

В ответ раздается лишь только храп.

— Альфонс!

— Че орешь! — отзывается женщина с красным испитым лицом, вынырнувшая из-под одеяла. — Нет здесь Альфонса!

— А где он?

Женщина замечает в моей руке пакет с водкой. Встает, подходит ко мне. Улыбается.

— Я могу тебе показать, если ты поделишься со мной. — Она показывает рукой на пакет. — Мне

много не надо, сто грамм и все, а, дорогой товарищ?

— Хорошо. Есть стакан?

Она вытаскивает из какого-то мешка жестяную кружку и протягивает мне. Я откупориваю бутылку и наливаю водку в кружку до краев. Услышав звук булькающей жидкости, несколько человек высовывают головы из-под покрывал. Один из них умоляюще просит:

— Ириша, дай мне хлебнуть!

— А ну всем спать! — рывкает Ириша.

Люди послушно прячут головы. Ириша шумно выдыхает и пьет водку. Делает это, не останавливаясь, пока не выпивает все без остатка. Выпив, снова прячет кружку в мешок. Бьет по чьей-то голове кулаком.

— Спать, я сказала!

Подходит ко мне.

— Ну что, прошу, дорогой товарищ!

Я иду за ней. Выходит, Аслан и впрямь бомжевал, это не просто слухи. Мне становится больно. Мы выходим из квартиры и поднимаемся на второй этаж.

— Почему его зовут Альфонс? — спрашиваю.

— Потому что он бабник большой.

На втором этаже также почти все двери открыты настежь, кроме одной. Именно к ней мы и направляемся. Ириша стучит в дверь.

— Альфонс, открой!

— Кто там? — раздаётся оттуда.

— Открывай, сукин сын! «Кто там?..» Ириша там!

Щелкает щеколда, и дверь открывается.

— Ой, Ириша, какими судьбами?

На пороге стоит худой человек с изможденным лицом, в очках, в рваном ватнике. Улыбается. Увидев меня, перестает улыбаться.

— А это кто?

— Это Дед Мороз, вот кто! Принес тебе подарки. Смотри!

Она показывает на пакет в моей руке. Альфонс смотрит на мой пакет.

— Ну, заходите, гости дорогие, что на пороге стоять?!

Мы проходим внутрь. В квартире довольно тепло. И темно, так как все окна забиты фанерой. Горит лишь одинокая лампа на потолке, и мерцает экран плазменного телевизора в углу, который никак не вяжется с обстановкой.

— Альфонс у нас капиталист, зажил совсем, никого к себе не пускает, — говорит Ириша.

— А вот и неправда! Когда прошлой зимой были сорокоградусные морозы, я же всех вас к себе пустил! Три недели сидели тут у меня, грелись! — горячо протестует Альфонс.

— Ладно, ладно, я пошутила, — примирительно произносит Ириша.

Альфонс ставит на стол стаканы и тарелки, придвигает к столу ящики вместо стульев.

— Садитесь, гости дорогие!

Мы садимся, я выкладываю содержимое пакета на стол.

— Грибочки?! Обожаю грибочки! — Альфонс потирает руки от удовольствия.

Он разливает водку по стаканам.

— Ну, за мир во всем мире! — И он опрокидывает стакан в рот.

Мы следуем за ним. Я слегка отпиваю. Они берут руками шампиньоны из банки, закусывают.

— Замечательно! — говорит Альфонс.

— Почему вам свет до сих пор не отключили? — интересуюсь я.

— Да нас просто забыли. Этот район должны были снести, всех жильцов выселили. А тут кризис мировой грянул. Вот снос и отменили. И теперь мы тут живем и радуемся.

— Не гоняют?

— Иногда полиция рейды делает, вылавливает тех, кто не успел спрятаться. Но все равно в конце концов все возвращаются сюда.

— А ты, Альфонс, хорошо устроился.

— Просто я считаю, что в любых условиях надо оставаться человеком. Что и делаю по мере своих сил. Ну, еще, что ли, крикнем?

Он снова разливает водку.

— За электрификацию всей страны! — Они снова выпивают.

— Так зачем вы к нам пожаловали? Как вас, кстати, величать? — закусив, спрашивает Альфонс.

— Меня зовут Арсен. Я отец Аслана.

Альфонс перестает жевать.

— Отец Аслана? Как я рад вас видеть! Здравствуйте еще раз! — Он пожимает мне руку. — Куда он пропал? Я так по нему соскучился!

— Он умер! Повесился!

— Повесился?.. — У Альфонса на глазах выступают слезы. — Зачем же так!

— Когда вы его видели в последний раз?

— Два месяца назад он принес мне этот телевизор. Сказал, что он ему больше не понадобится. Если бы я знал! Почему он мне ничего не сказал?!

— Успокойся, Альфонсик! — Ириша гладит его по спине.

— Вы тоже его знали? — спрашиваю я у Ириши.

— Очень плохо. Он общался только с Альфонсом.

Альфонс рыдает, слезы ручьем текут из его глаз.

— На, выпей. — Ириша наливает ему стакан водки.

Он отодвигает рукой стакан.

— Нет, в такой момент нельзя.

Ириша, подумав, сама выпивает стакан. И начинает петь:

— Разлука ты, разлука, чужая сторона, никто нас не разлучит, лишь мать сыра земля. Никто нас не разлучит, лишь мать сыра земля. Все птички-канарейки так жалобно поют, и нас с тобой, мой милый, разлуке предают. И нас с тобой, мой милый, разлуке предают. Зачем нам разлучаться, зачем в разлуке жить. Не лучше ль обвенчаться и жить да не тужить. Не лучше ль обвенчаться и жить да не тужить...

Затем она встает.

— Ну ладно, я пойду, вы тут сами побеседуйте.

— До свидания, — говорю я ей.

Она уходит. Мы остаемся с Альфонсом вдвоем. Вскоре он прекращает плакать.

— Ириша у вас главная?

— Да, она у нас тут как бы шеф. Бывшая учительница. Даже завучем работала. Развелась, начала пить и покатила по наклонной, пока здесь не оказалась. Почему он покончил с собой?

— Это я хотел у вас спросить, Альфонс.

— Я не знаю. У него ведь все было хорошо. Он женился...

— Он опять женился?

— Ну да! Молоденькая такая девушка, я ее видел один раз.

Я подумал — может, это та загадочная девица, что следила за мной?

— Она выглядит как ребенок, да?

— Точно, почти ребенок. Вы тоже ее видели?

— Кажется, да. Как вы с ним познакомились?

— Я его нашел зимой возле супермаркета. Было очень холодно, градусов тридцать, наверное, он спал, прислонившись к стене. Под головой его лежал вещмешок. Я его еле разбудил и притащил сюда. Он был страшно худой. Я его отогрел, покормил. Он ожил. Стал улыбаться. Начал разговаривать. Говорил что-то непонятное, про какое-то Божье слово, которое не может быть оружием. Что Божье слово — это всегда благодать.

— И что это значило?

— Через два дня он пришел в себя и рассказал, что произошло. Оказывается, он вступил в какую-то религиозную секту. Он там жил, их там кормили, одевали. И вроде все было хорошо. Пока не случился один инцидент. Там молодой па-

цан был, к которому Аслан очень хорошо относился. Как брат младший. Говорит, такой хрупкий, беззащитный. А однажды он опоздал на общую молитву, а у них с этим строго. И за это последовало наказание. Пацана привязали к столу, и каждый должен был пройти и ударить его розгами. Аслан возмутился, поругался с их главным священником. Они поскадалили, и Аслан ударил его. Да так сильно, что священник потерял сознание. После этого на Аслана налетели все и избили. А затем выкинули его на улицу в одном осеннем пальто. Вот так я его и нашел.

— Как называлась секта?

— «Вечный крест», кажется. Ну, типа лечебно-оздоровительный центр или пансион-наркодиспансер.

— Каким он был человеком?

— Он был не очень общительным. Всех наших бродяг сторонился. И правильно, конечно. Ему вообще здесь было не место.

— А как вы увидели его жену?

— После того как ушел отсюда, он приходил каждую неделю и приносил продукты для меня. И однажды он привел ее. Милая девушка. Смотрела на все наше хозяйство такими большими удивленными глазами. Не могла поверить, что он здесь жил.

— Как вы вообще с ним жили?

— Душа в душу. Мы больше молчали. Я тоже одиночка по природе. Мы часто сидели так, он читал что-нибудь в том кресле, а я здесь попивал свой «Талас», ну, вино такое...

Я посмотрел в угол — там действительно стояло старое кресло, и лежала стопка книг рядом у стены. Дюма. Библия. Коран. Абай. Всякое другое. «Искал себя». Я подошел, взял одну из книг — «Граф Монте-Кристо».

— Сколько он здесь жил?

— Полгода. Может, чуть больше.

— Он говорил что-нибудь про свою армейскую жизнь?

— Он говорил, что служил. Но что там было, он не рассказывал.

Я подошел к Альфонсу, положил ему руку на плечо.

— Спасибо тебе за все.

— Меня-то за что благодарить... Это вы хорошего сына воспитали.

— До свидания!

— До свидания вам...

Окончание следует.

Сергей БЫЧКОВ

Продолжение. Начало в № 7–11 за 2014 год, в № 1, 4 за 2015 год

ОТМЫВАНИЕ ЖЕМЧУЖИН

ОПЫТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Отца Александра интересовали не только и не столько те богословские проблемы, перед которыми смиренно умолкает человеческий ум, сознавая свою ограниченность. Его влекли актуальные проблемы современности, и он деятельно искал ответа на них: «“Массовый атеизм” нашего трагического века — факт не случайный. И дело совсем не в том, что у народов европейского круга исчерпала себя вера в Бога. Отход от нее имеет три главных причины. Первая заключается в том, что христианство оказалось в “эпицентре” урбанизации, которая нанесла тяжелый урон духовным ценностям и нравственному состоянию общества. Этот ураган не достиг в полной мере народов, исповедующих ислам и другие религии. Основная тяжесть удара пришлась на христиан. Вторая причина связана с ошибками руководителей Церкви, с извращением некоторыми из них подлинного духа религии. Третья коренится в плоской “духовной буржуазности”, о которой говорил Николай Бердяев, в идеях секуляризма и человекобожия.

Эти идеи впервые зародились в древнем мире; наиболее же яркое выражение они нашли в эпоху Ренессанса. Тогда, около четырехсот лет, назад западный мир оказался перед соблазном языческого гуманизма и в значительной своей части не устоял перед ним. Человек как “мера всех вещей” был возведен в ранг божества, его разум объявлен высшим судьей в глубочайших вопросах бытия, его природа провозглашена гармоничной и

прекрасной в самых своих основаниях. Идеологи “просветительства” и рационализма создали теоретическую платформу для подобных притязаний. Возник настоящий культ науки: социальные преобразования стали казаться единственным лекарством от всех недугов мира, а идея неуклонного прогресса, расцветшая в XIX веке, укрепила эти позиции».

Анализируя причины религиозного кризиса XX века, отец Александр заглядывал и в XXI век, предвидя те опасности, которые сегодня отталкивают наших современников от Церкви: «Оттого, что в наши дни уже не ходят на ипподром с пением молитв, как в Византии, и не топят еретиков в Волхове, как в древнем Новгороде, вера не пострадала, а только выиграла. Теряя связь с государством, она освобождается от балласта номинальных последователей. Превращение христианства в официальную идеологию чаще всего приводило к уродливым явлениям, отравляющим церковную жизнь. Гораздо лучше, когда “язычник” любой формации исповедует себя таковым, чем когда он в угоду среде называется христианином».

Вслед за Владимиром Соловьевым отец Александр убедительно раскрывает духовную эволюцию человечества: «Глубокий смысл заключен в том, что Божественная Реальность остается сокровенной и не подавляет человека необходимой очевидностью. Этим несовершенный дух ограждается от безмерного, от того, что превышает его силы, и это сохраняет нашу свободу перед

Богом. Постигание его совершается постепенно, в строгом соответствии с готовностью человека к мистической Встрече. Бог как бы завуалирован, скрыт от непосредственного восприятия. Шаг за шагом входит Он в сознание людей через природу, через любовь, через чувство тайны и переживание Священного. С этим связано историческое многообразие религий, которое отражает фазы и уровни Богопознания». Продолжая традицию мыслителей русского религиозного ренессанса, отец Александр утверждал не только необходимость в области богопознания реальности и многозначности религиозных символов, образов и мифов. Более того, он вплотную подступал, не покушаясь на их раскрытие, к их пониманию, используя при этом новейшие достижения философии, культурологии, филологии, библейской критики и археологии. «Миф — это тот язык, на котором древний человек говорит о самом важном для себя. Древние евреи не создавали абстрактных схем, они мыслили картинками, образами, они прибегали к мифотворчеству. Миф — “недифференцированное единство религии, поэзии, науки, этики, философии”. То, что открывалось внутреннему взору человека, он выражал в пластической символике мифа. Часто случалось, что исторический факт, став легендой, превращался в Миф. Но тогда он обретал уже новое бытие не просто в качестве воспоминания о прошлом, а как образ непреходящей истины. Таким Мифом стал исход из Египта. Историческое событие было для Израиля подлинным Божоявлением. Поэтому исход превратился во вневременный символ праздника Пасхи, в знак непрекращающегося действия Промысла в жизни народа».

Философы подсказали следователям одну из центральных идей книг отца Александра. Одним из камней преткновения для современной науки является библейский рассказ о грехопадении человека. Против него восставал один из самых ярких приверженцев гуманизма Жан-Жак Руссо. Он считал, что испорченность человека — результат воздействия цивилизации. Ему казалось, что стоит человеку вернуться в лоно природы, как он вновь обретет первоначальную силу и безгреховность. В XIX веке эти идеи с новой силой пропагандировал его ученик и приверженец Лев Толстой. Его проповедь была настолько яркой и убедительной, что его последователи продолжали жить в России согласно его учению даже в XX веке, пока коммунисты не истребили коммуны толстовцев. Еще в юности отец Александр осознал необходимость изучения древних языков. Он прилежно изучал иврит, поэтому в своем шеститомнике он

дает свои переводы, опираясь на современные переводы библейских текстов на европейские языки. Для более глубокого понимания Ветхого Завета это было необходимо, особенно после кумранских находок.

Отец Александр выступал одним из наиболее последовательных и убедительных толкователей библейского Мифа о творении человека: «Если телесная природа человека есть часть биосферы и результат земной эволюции, то появление человека как “образа и подобия Божия” есть акт непосредственного божественного творчества. Природный мир дал человеку только психофизическую структуру. Дух же пришел из иных измерений бытия. В этом смысл библейского рассказа о том, как Творец вдохнул в “прах земной” дыхание жизни. Именно поэтому в ноосфере уже нет больше эволюции, а есть История. Религия, искусство, этика скорее живут в человечестве, чем развиваются в эволюционном смысле... Но в чисто духовном творчестве человек стоит вне биологической эволюции, что вполне понятно с библейской точки зрения. “Адам”, то есть целокупная душа человечества, “вышедшая из рук Творца”, должна была быть свободна от несовершенства природного мира и идти по своему собственному пути. Естественным будет предположить, что первая фаза существования человека должна была характеризоваться гармоничностью и силой его первоначального духа. Телесно человек был плодом трудного эволюционного пути, но дух его обладал потенциальной возможностью полностью преодолеть ветхие природные законы».

Отец Александр отвергал вульгарные представления о рае, привлекая внимание к важной составляющей человеческого блаженства в Эдеме: «В Библии часто говорится, что созерцание Божества смертельно для человека. Между тем первый человек непосредственно беседует с Богом в Эдеме. Следовательно, существует, как заметил католический богослов Людовик Буйе, противопоставление “между тем миром, который был до грехопадения, когда Адам и Господь Элогим беседовали лицом к лицу как два друга, и миром теперешним, где человек уже не может увидеть Бога и от этого не умереть”... Но это продолжалось недолго. Заря омрачается катастрофой, человек изгоняется из рая. Мы уже говорили, что и наука предполагает какой-то болезненный надлом, поразивший человека у истоков его истории». Смысл грехопадения в понимании отца Александра заключается в том, что человек захотел владеть силами природы самостоятельно, без Творца, с помощью магических заклинаний.

«Первоначальное человечество (представленное одним, двумя или сотней индивидов — не столь уж важно) изменило своему божественному призванию, воспротивилось Творцу и тем самым отпало от Него. Таков смысл библейского сказания, и об этом нам говорит вся история религии, которая составляет стержень духовной истории человечества...

Поддавшись искушению, Адам оказался связанным неразрывными узами со своим искусителем. Он сам допустил вторжение в свою жизнь темного начала. Вот буквальный перевод библейского текста. Ягве говорит змею: «И вражду положу Я между тобою и между женою, и между семенем твоим, и между семенем ее; оно будет поражать тебе (ишуфха) голову, а ты будешь поражать его пяту». Это — грозное пророчество, которое в высшей степени исполнилось в жизни людей. Демонический соблазн и внутренняя борьба стали неразлучными их спутниками... И не только отчуждение Мужа и Жены порождено Грехопадением, но и утрата духовной гармонии между индивидами-ипостасями. Люди — чужды и «непроницаемы» друг для друга, люди разобщены, хотя и не способны жить в абсолютной изоляции — вот трагедия павшего мира. Мы можем ощущать острое одиночество в толпе, мы убеждаемся, что так называемый массовый человек чаще всего теряет человеческий облик».

Следователи поняли, порывшись в библиотеке отца Александра, что, работая над шеститомником, он опирался на последние находки археологов и новые издания библейских текстов. Раскрывая религиозную символику народов, окружавших Израиль, отец Александр убедительно раскрывает смысл символа Древа, присутствовавшего в воззрениях шумеров и ассирийцев: «Священное Древо было распространенным на Востоке символом. На ассирийских рельефах встречается изображение небесного Древа, охраняемого ангелами. Оно означало сокровенную мощь и тайну бытия, которой владеет только Божество. Для ягвиста Древо Жизни прежде всего источник бессмертия. Бог не закрывает человеку путь к нему и тем самым продолжает Свое особое попечительство о Человеке. Он запрещает ему лишь вкушать плоды Древа Познания, предупреждая, что это грозит Человеку гибелью... Осененный божественным благословением, призванный быть владыкой мира, Человек, согласно Библии, получает предостережение от Ягве. Ему угрожает гибель, если он вкусит от Древа Познания добра и зла. Эта заповедь есть как бы пробный камень для испытания преданности Человека воле Твор-

ца. Что же означает это Древо — “Эц хадаат тов вэ-ра”?.. Прежде всего характерное ветхозаветное словосочетание “добро и зло” (“тов вэ-ра”) не имело прямого нравственного смысла. Буквально “тов” означает не абстрактное “добро”, а “полезное”, “доброе”, “доброкачественное”, и, соответственно, слово “ра” означает “худое”, “вредное”, “опасное”. А вместе они представляли собой идиоматическое выражение, означавшее “все на свете”, “все важное для человека”, “все стороны жизни”. Эта идиома свойственна как ягвисту, так и автору “Истории Давида”. Таким образом, библейское Древо можно назвать просто Древом Познания».

Отец Александр убедительно раскрывает смысл грехопадения: «...легко может возникнуть мысль, что Бог считает необходимым для человека пребывать в темноте и невежестве, мысль, которая находится в вопиющем противоречии с царственностью человека и “наречением имен” животным. Здесь следует обратить внимание на то, что библейское слово “даат”, “познание”, коренным образом отличается от соответствующего греческого слова “гнозис”. “Даат” означает не теоретическое знание, а овладение, обладание, умение. Оно употребляется для обозначения супружеских отношений и владения мастерством. Таким образом, перед нами попытка человека “стать как Элогим”, присвоить себе высшую власть над миром и его тайнами и сделать это независимо от Бога... Бог — предмет зависти, Бог — соперник, Бог как нечто чуждое — вот что рождается в помраченном грехом сознании человека и толкает его на преступление заповеди. То, что этот надлом в отношении человека к Богу произошел в самом начале существования человека, подтверждает Магизм, паразитирующий на религии уже в самые ранние эпохи прединдустриальной истории».

Следователей поражало, как отец Александр расшифровывал труднейшие проблемы богословия. Причем делал это порой как бы между прочим, в чем его поиски были родственны их профессии. Им тоже приходилось разгадывать шарады преступников. В его наследии они наткнулись на «Беседу об искуплении», которую он произнес экспромтом, отвечая на вопрос одного из прихожан, в кругу «малой группы» на московской квартире: «Проблема искупления решалась в богословии достаточно просто, потому что старое сознание находилось во власти определенных юридических представлений об отношениях между нами и Богом. Люди жили этими представлениями в своей повседневной действительности, поскольку в средние века существовали вассальные

сюзеренные отношения. Человек, который оскорбил своего сюзерена, обязан был воздать ему сатисфакцию, удовлетворение. Понятие о чести, которое потом сменили феодальные представления, также тесно было связано с представлением о сатисфакции. Оскорбленная, господствующая, сторона требовала от вассала или же от равного партнера возмещения оскорбительной акции, т. е. оскорбления действием. Эти представления были перенесены на богословские понятия и на тайну Искупления».

Упомянув книгу архиепископа Сергия (Страгородского) «Православное учение о спасении», который в конце XIX века выступал против юридического понимания догмата об искуплении, отец Александр предложил существенно новый подход к этой важной проблеме: «На самом деле в Священном Писании господствуют символы иного порядка. Символы скорее органические, биологические. Тайна Искупления ощущается как некий процесс очищения, процесс вживания, присоединения, привития человека к иной — божественной жизни. Этот процесс чем-то напоминает заботу садовника, который прививает здоровые организмы к больным, для того чтобы победить болезнь. Но юридическое понимание догмата Искупления, различных его форм в какой-то степени основывалось на букве Писания, потому что сам термин “Искупление”, если его перевести с церковнославянского, означает “выкуп”. Конечно, он звучит юридически.

Этот термин применялся обычно во времена античной работорговли, когда кто-то по каким-то соображениям освобождал человека, выкупая его из рабства и делая вольноотпущенником. Не сам освобождал, а выкупал его для себя. Но это не означает, что сначала этот человек был рабом одного, а потом стал рабом другого. Нет! Он был рабом одного, но выкупленный, стал нравственным должником другого. Он стал свободным человеком! Существует еще один очень важный аспект этого термина. В символике Ветхого Завета слово “выкуп”, “искупление” встречается в связи с проблемой и темой Исхода. Бог говорит: “Я вас выкупил и сделал Своим уделом”. Это означает, что Бог избранных людей, предназначенных для осуществления Его замыслов, избавил от зла, но не просто пустил потом в степь. Он их сделал Своим уделом. То есть тем местом, на котором Он будет совершать Свои деяния, полем битвы, творческой лабораторией, центром применения высших божественных сил, которые Он основывает на земле!»

Отец Александр напоминал слова Священного Писания, сказанные сначала Моисеем, а

затем повторенные апостолом Павлом, о том, что избранный народ призван стать «царственным священством»: «Отныне эта группа людей должна служить Богу, стать царством священников, народом святым, то есть посвященным Ему в услужение. Таким образом Бог принимает выкупленных, вырванных из рабства людей для Себя. Эта модель в дальнейшем распространяется на деяния Христа, который вырывает людей из царства зла и ведет их туда, где они могут создать Божий удел. Возникает некий организм, живущий по иным принципам. В нем воплощается Христос. Этот организм — сами верующие, Церковь. Он хочет, чтобы мы были Его телом. Что означает стать телом? Тело — это то, что живет, движется, проявляет какую-то активность. В нас должна быть осуществлена Божья активность. В этом идея апостола Павла, когда он говорит, что “Церковь есть тело Христово”. “Вы имеете ум Христов, — говорит он, — и живу не я, но живет во мне Христос”. Это значит, что мы приобретены, искуплены Им из рабства, освобождены. Первое: тайна искупления прежде всего тайна освобождения. Второе: это тайна присоединения к уделу Божьему, где действует Бог. И третье: это тайна несения на себе бремени».

Он прекрасно знал поиски философов как прошлого, так и современности, их попытки объяснить природу зла: «Возникает вопрос — откуда возникло стремление бежать от Бога, побег в ничто? Описать его в рациональных терминах — значит его осмыслить. Осмыслить бессмысленное невозможно. Осмыслить его можно только условно. Только поэзия дает нам картину иррационального порыва в ничто. Только образы художественных произведений, те картины зла, которые рисует Достоевский или Бодлер, показывают нам, что есть воля к злу. Но объяснить ее логически невозможно. Интересную попытку объяснить этот побег во тьму предпринимал Бердяев, основываясь на учении Шеллинга и Якоба Бёме. Его точка зрения заключалась в том, что свобода как абсолютная потенция, абсолютная возможность идти куда угодно, в том числе в бездну небытия, не зависит от Бога, потому что она является сущностью как бы внеположной Богу. Поэтому когда Бог создает мир, этот полюс остается. И он все время как бы отравляет бытие. Бердяев также прибегал к мифологемам, как Шеллинг. Он явно говорит мифологическим языком. Якоб Бёме говорит, что Ungrund является первоначальной, необъяснимой, неопишуемой бездной, в которой пребывает Божество, из которой рождается Бог как Личность. В ней находится в смешанном виде и

зло, и добро. Это миф. Это интуиция, прозрение, это поэзия. Это не то, что возможно рационально описать».

Важно другое. И отец Александр блистательно объясняет, почему Христос выкупает падших и грешных людей ценой своей смерти: «Но остается фактом, что в творении Божьем есть противоборствующая стихия. Столь же тварная, как и все остальное, но сопротивляющаяся Богу и почему-то Богом допускаемая. Мы можем, конечно, догадаться, почему. Потому что тварь — это есть единое целое. Чтобы преодолеть этот антибожественный вектор, этот импульс, идущий во тьму, она сама должна быть свободной. Но у твари нет свободы. Ею должен обладать тот, кто ее олицетворяет. Олицетворяет ее человек. Он возникает после столкновения между Хаосом и Логосом, при рождении, организации структуры, элементарных законов для элементарных частиц. Жизнь разрушается, но передает эстафету дальше своим потомкам. При создании человека жизнь уже передает информацию дальше без генетического кода.

Я очень люблю слова немецкого поэта Новалиса: “Человек — это мессия природы”. Человек вводится в природу, человеческий дух в сочетании с плотью, чтобы нести в каждой своей клетке море животных и растений. Человек — это микрокосм. Мы все в себе несем, в нас живут все существа. Мы призваны участвовать в борьбе Хаоса и Логоса, включаясь в Логос, просветление мира. Человек не выполнил эту миссию. Тогда начинает действовать Бог Сам через человека. Не только божественной информацией, не только Логосом творящим, а наконец-то Логос, воплощающийся в человеке, начинает действовать в мире. “В начале был Логос и Логос был у Бога, и Логос стал плотью”, — читаем мы у апостола Иоанна. Стал плотью — значит стал человеком. На библейском языке слово “плоть” означает “человек”. Таким образом мировую эволюцию, если можно так сказать, все время стимулирует Бог. И, наконец, особым образом стимулирует при создании духовного существа — человека. И когда же Он Сам входит в мировой процесс, то берет на Себя зло мира как крест. Он двигает дальше этот мир, возглавляя шествие царства Божьего. Христос берет на себя страдания мира. Бог впервые включается в эту борьбу, но включается по божественному принципу. Божественный принцип заключается в постоянном умалении, как бы сокращении божественной силы перед лицом твари, чтобы дать ей свободу проявления, свободу самоосуществления. Человек приходит в мир, в котором ему надо

бороться с искушениями и окружающей природой, в которой царит зло».

В одном из писем Владимиру Леви, написанном незадолго до гибели, когда в его расписании из-за наплыва людей и приглашений в самые различные аудитории, казалось бы, не оставалось ни одной свободной минуты, отец Александр признавался: «Я, в общем, всегда был одним и тем же. Всегда таким же образом общался с людьми. Изменилось лишь количественное отношение. Бывало человек тридцать, а теперь триста и более. Но суть одна. Цели одни. Формы — тоже. В моей практике это было давней системой. И на уединение, “тет-а-тет” с Богом и с собой пока хватало времени. Я не готовлюсь специально, а говорю, что Бог на душу положит. И, конечно, людям я не могу открывать сразу все, что хочу. Нужны этапы. Но таблица умножения не упраздняет высшей математики. Всему свой час и свой черед. На публике же я, повторяю, не чаще, чем в годы застоя, лишь число слушателей больше». И это не было рисовкой. На самом деле и в годы застоя, и когда перед ним открылась возможность общаться с самыми разными аудиториями, он не задумывался над тем, что и как говорить. Этому предшествовали десятилетия чтения, размышлений и постоянного труда. Многие его беседы звучали как пророческая проповедь. Именно поэтому они не утратили своей актуальности и по сей день.

Чего стоит хотя бы экспромт отца Александра «Урод», произнесенный им во время посещения одной из московских «малых групп» в 1987 году. Уже после его гибели он был издан под названием «Сказка о происхождении человека» с чудесными рисунками иллюстратора Чукавиной. На самом деле это не сказка, а поэма в прозе об Адаме и Еве. Отец Александр описывает юного Адама с точки зрения его сородичей: «А вообще он был страшно безобразен: во-первых, у него была кожа светлее, во-вторых, она не была покрыта красивым благородным мехом; и кроме того, он был голый, длинный и достаточно нелепый. Таких стоило изгонять из пещеры. Но старый отец рода, седой Уг, когда он появился на свет, сказал: “Это выродок, его надо сбросить со скалы, он не может жить”. Но мать его прорычала: “Я его не отдам, это мой первенец”... Впрочем, беленьким он был недолго, потому что солнце его почернило, но уродом он оставался всегда. Когда все шли в пещеру спать, Урод выходил, садился у обрыва и смотрел на звезды, смотрел на луну, о чем-то думал. Думал о многом, ему хотелось охватить мыслями весь мир. Это была часть его уродства, потому что никто так не делал. Нормальные люди

охотились, ели, пили, спали, размножались. Им больше ничего не было нужно. Дрались. Дрались они часто. Урод не любил драться. Он не любил это делать, потому что все его волосатые братья дрались между собой, и, конечно, попадало и ему. Но он был одинок. Он был совершенно одинок среди них, и даже мохнатая мать, которая очень его любила, не могла его понять. Мать говорила короткими простыми словами, так, как говорили все в пещере, покрикивая, ухая, похрапывая. Все было ясно — ешь, пей, иди сюда, иди отсюда. А у него в голове шевелились мысли, у него было столько слов, что о нем говорили: “Это урод, да еще вдобавок болтун!”» В этой поэме, написанной с «ласковым озорством», которое было присуще отцу Александру, он вплотную приблизился как богослов и биолог к тайне первого человека.

Впрочем, на вопрос о происхождении женщины он как-то вполне серьезно ответил: «Силы, которые тормозили процесс миротворения, силы распада. Бог действовал как объединяющий Логос, как Премудрость, созидающая гармонию. Эта гармония есть принцип Единомножественности, который восходит к тайне природы Самого Божества, к тайне Троичности. В целях этого единомножества возник и организм и пол. Для человека это драгоценный дар. Он включает биологические механизмы в дело единения душ. Уже в животном мире половое размножение рождает любовь (на животном уровне, конечно). Человек в поле обретает возможность естественной любви, которая есть школа любви высшей. Библейский же рассказ о Еве подчеркивает единоприродность мужчины и женщины — в противовес взглядам на нее как на низшее существо. Цель брака, по Библии, — любовь, единение двух, а размножение вторично. Может быть любовь бездетная и могут быть дети без любви и брака».

В «Беседе об искуплении» отец Александр вполне серьезно напоминает о самом сильном искушении для человека: «Что соблазняет человека? Прежде всего его соблазняет воля к власти. Воля к власти — самый серьезный импульс и самый тяжелый грех человека. Социальные, политические и культурные битвы объясняются одним — за всем стоит воля к власти. Фрейд напрасно думал, что причина зла — либидо, секс. Ничего подобного! Миллионы людей отказывались от секса, от брака, но от власти никто никогда не отказывался! Это всегда нужно помнить! Человеческая цивилизация построена на грехопадении, на первородном грехе, и она сохранила в себе импульс власти.

Поэтому и магия была построена на стремлении властвовать над природой, как, впрочем, и сегодняшняя наша цивилизация. Исследуя волю человека к власти, можно описать всю мировую историю. На досуге проанализируйте любое потрясающее событие, и вы увидите, какую колоссальную роль играла жажда власти и воля к власти. Дело в том, что этот импульс не оставляет человека до старости. Человек может не интересоваться пищей, всевозможными удовольствиями жизни, он может еле двигаться. Но власть остается последним и единственным наслаждением, которое мило и радостно. Грехопадение — это и был первоначальный момент, когда в человеке восторжествовала воля к власти... И когда Бог включается в поток человеческого рода, Он находит себе людей, которые отказываются от искушения властью. Они говорят: “Да будет воля Твоя!” Кто это? Это Авраам, это Моисей, который не по своему желанию все делает, он только повинуется. Пророки! Наконец, это происходит в лице Христа — с полной совершенной отдачей. “Я не творю волю Мою, но волю пославшего Меня Отца”».

Вопросы, которые задавали следователи философов, звучали и раньше. Отца Александра в начале 80-х спросил один из прихожан: «Что качественно нового, на ваш взгляд, было привнесено в богословие русским религиозным ренессансом?» Он ответил: «Здесь настоящее соцветие религиозной мысли. Флоренский блестяще показал роль антиномии в теологии, Н. О. Лосский — интуиции в познании (кроме того, и учение о падении), Бердяев — свободы и творчества и призвания человека (красота его духовного и интеллектуального благородства несравненна). Все “идеологическое” в нем мне бесконечно близко (“мое”), кроме идеи о премирном творении. Чужд же подход к проблемам веры “извне”. Он никогда не мог сказать о христианстве — “мы”. Здесь сыграл роль его индивидуализм. Г. П. Федотов раскрыл основы подлинно христианской социологии, как и С. Л. Франк, который нашел кристально-ясный философский подход к вере. Франк дорог тем, что был истинным мыслителем — философом без гностических фантазий (которые есть и у Соловьева, и у Флоренского). А. В. Карташев пробил брешь в библейской и церковно-исторической науке. Е. Н. Трубецкой — то же самое. Е. Н. Трубецкой дал много глубинных идей, касающихся христианской метафизики и иконы. Меньше всего мне импонирует Лев Шестов, хотя его стиль мышления и писания великолепны. Меня отталкивает его воинствующий антиинтеллектуализм. Зачем тогда Бог

дал нам разум? Но его диалектика — противоядие от рационализма».

Оказалось, что особое влияние на формирование мировоззрения отца Александра оказал Н. О. Лосский: «Он привел меня к мысли о возникновении несовершенства космоса на уровне его элементарных составляющих (монад). Только так можно понять падшество всей структуры мироздания. Согласно учению Н. О. Лосского, реальная действительность слагается из энергетических центров (субстанциальных деятелей), природа которых нематериальна. Это было еще у Лейбница (монады) и у В. Соловьева. Лосский считает, что эти трансфизические единицы обладают неким подобием свободной воли и от ее направления зависит тот или иной строй природы. Таким образом, к субстанциальным деятелям восходит то царство необходимости и детерминированности, которое является падшим миром. Его несовершенство коренится в самых «началах» мироздания, твари (см. его книгу «Мир как органическое целое», 1917). Царство необходимости есть царство вражды и «непроницаемости». Высший же мир духовной свободы предполагает открытость («все имманентно всему»). Взгляды Лосского подтверждаются данными науки. Она рассматривает энергию как основу материи. Иногда даже говорят о «свободе воли электрона». Несовершенство мира есть результат данного устройства его основ, которое предопределяет детерминизм, распад и, в конечном счете, смерть. В этом ключ к пониманию тайны падшего мироздания (но не только человека). Основная мысль наиболее ценна: зло как природное несовершенство предшествует человеческому греху».

Ему приходилось служить и трудиться в сложнейших условиях. Постепенно КГБ подбирался к новодеревенскому приходу. Но отец Александр не снижал интенсивности ни пастырской, ни богословской работы. Немалое время он уделял Московской духовной академии (МДА). Часто бывал там, дружил с инспектором Академии, архимандритом Александром (Тимофеевым). С ректором МДА — епископом Дмитровским Владимиром (Сабоданом) — он, безусловно, был знаком, но особой близости не было. Владыка Владимир слыл консервативным человеком. Он не хотел ничего менять в устоявшейся жизни духовных школ. Когда в 1982 году его освободили от должности ректора МДС (Московской духовной семинарии) и МДА и ректором стал епископ Александр (Тимофеев), ситуация изменилась.

Новый ректор, несмотря на андроповские гонения, в корне решил изменить сложившуюся

ситуацию в духовных школах. До этого студенты изучали богословские дисциплины по конспектам, которые были составлены преподавателями еще в послевоенный период. В конце 40-х годов, когда после долгого перерыва в СССР вновь открыли духовные школы, к преподаванию привлекли уцелевших после сталинских чисток педагогов старой, дореволюционной богословской школы. Среди них встречались настоящие ученые. Но уже в 70-е годы старые педагоги начали уходить из жизни. Кто-то оставил лекции и конспекты, кто-то не успел. Но многое устаревало, уровень преподавания неизменно падал. Общество оставалось закрытым: в СССР с трудом проникала новейшая богословская литература, в духовных школах ничего не менялось. Молодежь задыхалась в душном мирке гетто, жестко контролируемом КГБ и партаппаратом. Владыка Александр сумел договориться с местным уполномоченным и привел в МДА ряд молодых преподавателей с высшим образованием. Не все они оправдали его надежды, но все же приток свежих сил дал Академии новый импульс. Поэтому когда новый ректор предложил отцу Александру (конечно же, приватно и конспиративно) создать новые учебники для духовных школ, он с радостью согласился. Более того, об-

суждался вопрос о том, чтобы отец Александр защитил магистерскую, а потом и докторскую диссертацию в МДА. Это предложение не было случайным. Еще в 1967 году, когда отец Александр служил в Тарасовке, он вдохновлял своих прихожан на переводы лучших христианских произведений, в том числе и богословских, на русский язык. Они не только переводились, но и активно распространялись.

Священное Писание каждодневно изучалось отцом Александром. Он неоднократно напоминал, что, к примеру, митрополит Сергей (Старгородский) ежедневно посвящал час изучению Священного Писания. Несмотря на большую загруженность, отец Александр всегда находил время для каждодневного изучения Библии. Завершив к началу 80-х годов работу над шеститомником «В поисках Пути, Истины и Жизни», он обнаружил, что накопилось множество материалов самого различного характера, которые по тем или иным причинам не вошли ни в один из томов. Из этих материалов родились сначала «Исагогика», а затем семитомный «Словарь по библиологии». К работе по написанию новых учебников он стремился привлечь и своих прихожан. С некоторыми из преподавателей МДА его связывали дружеские отношения. Но отношение к его книгам всегда было настороженным. Не секрет, что многие из профессоров были заражены масонобоязнью (еще одна опасная черта православного гетто).

Следователи выяснили, что уже к 1983 году отец Александр завершил работу над «Исагогикой». Столь быстрые темпы объяснились и тем, что за десять лет до этого по предложению издательства «Жизнь с Богом» он создал комментарии к Пятикнижию и книгам больших пророков в так называемой Брюссельской Библии. Тогда же, критически оценив комментарии к Новому Завету в Брюссельской Библии, создал новые комментарии, они вышли отдельным изданием — «Ключ к пониманию Священного Писания» — в Брюсселе. Осознав, что в МДА ему не дадут защитить диссертацию, отец Александр решил защищать ее в Ленинградской духовной академии (ЛДА). Туда накануне 1000-летия Крещения Руси он представил «Словарь по библиологии», надеясь, что этот фундаментальный труд будет расценен Ученым советом как полноценная докторская диссертация. Однако, несмотря на заверения митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, обещавшего поддержать соискателя, и эта работа была отвергнута. Тогдашний ректор ЛДА протоиерей Владимир Сорокин аргументировал отказ тем, что в истории Академии не было прецедента, что-

бы в качестве докторской диссертации был представлен богословский словарь.

По просьбе одного из прихожан отец Александр написал предисловие к классическому труду Г. П. Федотова «Святые Древней Руси», который подготовили весной 1990 года к изданию в издательстве «Московский рабочий». Это было первое религиозное издание, которое не просто светское, а партийное издательство решило выпустить в свет. Книга Федотова была подписана к печати 22 марта 1990 года, за месяц до смерти патриарха Пимена. Преодолев многие препоны, книга все же вышла летом 1990 года сотысячным тиражом. Так была пробита первая брешь в советской цензуре. Тогдашний митрополит Ленинградский и Ладужский Алексей (Ридигер), будущий патриарх, еще до выхода книги в свет заказал для епархии пятьдесят тысяч экземпляров. Тридцать тысяч заказал митрополит Воронежский и Липецкий Мефодий (Немцов). Эта книга — религиозная по сути — первая за всю историю существования советской власти была отдана на рецензию профессору Московской духовной академии Алексею Осипову. Тот не рекомендовал читать ее, поскольку в предисловии, написанном отцом Александром, как пояснил он, якобы содержатся масонские утверждения: «Федотов всегда подчеркивал, что, как культурный феномен, христианство стоит в одном ряду с язычеством. Его уникальность — во Христе и Евангелии. И именно в этом ключе следует оценивать каждую цивилизацию, основанную на христианстве, в том числе и русскую». Составитель расстроился и, приехав к отцу Александру, рассказал ему об отзыве маститого профессора. Он горевал, что не заметил места, которое вызвало соблазн у «вождя» православных консерваторов. Отец Александр горько усмехнулся и сказал: «Убрали бы это место — нашли бы другое!»

Следователей поразило, что, несмотря на гонения и непонимание, он всегда был оптимистом. В его понимании христианство было радостным и светлым. Как-то его спросили, как он относится к богословской проблеме апокатастасиса — прощения всех в конце миротворения. Он ответил: «Отрицающие полную победу над злом ссылаются на слова Христа о муке “вечной”. На этом основании Данте начертал на воротах ада слова: “И с вечностью пребуду наравне”. Но мне кажется, что слово “вечность” не должно пониматься как бесконечность во времени. Ведь сказано, что времени уже не будет. И сказано, что “Бог будет всем во всех”. Разумеется, теоретически свобода абсолютного богопротивления сохраняется,

но она уводит такие души к “смерти второй”, к небытию. Слова Христовы о “вечных” муках следует скорее понимать как слова о муках “потусторонних”. Ибо вечное в данном случае синоним неземного, так же как и “жизнь вечная” есть не просто существование без конца (такое ведь может быть и в аду), а с истинной Жизнью в ином бытии. Средневековое же понятие о бесконечных муках ада было, вероятно, скорее педагогическим приемом. Что смущает меня в теории апокатастасиса в его обычной форме — это вера в “прощение дьявола”. Это слишком материалистично, чувственно, конкретно. Получается, что сатана был виноват, а потом прощен. Дело здесь глубже. Он — тварное начало Небытия и Отрицания. Поэтому это начало просто должно исчезнуть в новом бытии. Впрочем, это тайны, о которых у нас нет права судить слишком смело». И это благоговейное отношение к тайнам бытия он сохранял всегда.

Отец Александр умел охватывать взором всю историю Вселенной. И она не казалась ему обреченной: «Пламя Логоса горит “во тьме”, постепенно пронизывая мироздание. Царству вражды и разложения Бог несет животворную силу единства, гармонии и любви. И, подобно растению, которое тянется к солнцу, природа внемлет этому призыву и повинуется Слову. Чем больше узнаем мы сегодня о процессе миротворения, тем яснее обрисовывается картина Вселенной, восходящей по ступеням ввысь. Сначала — упорядоченность структур, потом — жизнь и наконец — человек. Борьба не стихает ни на миг. С каждым шагом Змей отступает во тьму, с каждым шагом все шире разливается сияние. Когда же человек не выполнил своего предназначения, Само Слово явило Себя миру, воплотившись в “новом Адаме”. “Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Единородного...” Но самоотдача Иисуса не могла не стать трагедией. Кто соединяется с падшим миром, неизбежно становится причастным его страданию. Отныне боль любого существа — Его боль. Его Голгофа. Среди людей Иисуса ждет не торжество, а муки и смерть. Безгрешный, Он берет на Себя все последствия греха. Поэтому и призывает Церковь всех идущих за Ним: “Будем с терпением проходить предлежащее нам поприще, взирая на Начальника и Свершителя веры Иисуса, Который вместо предлежащей Ему радости претерпел крест».

В самые тяжелые времена, когда казалось, что все, с таким трудом выстроенное им в жизни прихода, рушится, он не терял уверенности в победе Христа: «Я верю, что история имеет смысл. Если она сейчас прервется, то будет скорее похоже, что она не удалась. И тогда многое теряет смысл.

Евангелие не реализовано и не понято. Его осуществление может быть только впереди, но верю (по Библии) также, что и царство зла будет возрастать. Так что это не просто оптимизм. Я не в состоянии поверить в эсхатологию В. Соловьева. Мне кажется, что Евангелие только начало давать первые всходы, что впереди еще долгая история. Какие-то цивилизации могут погибнуть, но “дело Христово” не может полностью потерпеть поражение на земле. Угрозы Апокалипсиса — это альтернатива, как пророчество Ионы о гибели Ниневии (Бог ее пощадил вопреки желанию пророка). Эта мысль развита Н. Федоровым, и мне она ближе, чем эсхатологизм “Трех разговоров”. К тому же мысль В. Соловьева, что зло и Антихрист идут в добром обличье в наш век, не может быть разделяема полностью. Многие выступают почти без маски. Но в каком-то будущем такая маска возможна, как временный камуфляж. В этом прав и В. Соловьев». Порой перед ним открывались перспективы будущего, и он не считал возможным скрывать их: «У людей, которые обрели для себя христианство впервые, иногда возникает иллюзия, будто крутизна кончилась и все преграды остались позади. Их приводит в ужас необходимость новых усилий и нового преодоления. Они искали тихой гавани, а нашли поле боя. Нечто подобное мы видим в истории. Казалось бы, Царство Божие возведено, врата спасения открыты, искупительная жертва соединила Небо с землей, но постепенно выясняется, что предстоит еще немало бурь и испытаний».

По словам Т. С. Элиота, чем выше религия, тем труднее она для человека. К христианству это относится в полной мере. Для многих окажется непосильным бременем свобода Христова. Она будет страшить, словно выход в открытое море. Отсюда желание спрятаться под сень авторитаризма, избавляющего от ответственности. Камнем преткновения станет и сама тайна Богочеловечества, что видно на примере главных церковных ересей. Одни сочтут Христа только тварным Существом, другие — только Богом. Успехи ислама лишней раз подтвердят, насколько сильным осталось искушение вернуться к более простой религии, где Бог — все, а человек — ничто...»

ГЛАВА VII. ДРУЗЬЯ-СВЯЩЕННИКИ

Следствие пыталось обозначить круг друзей-священников отца Александра. Он оказался довольно широким. Среди них следователи с изумлением обнаружили униатского священника Всеволода Рошко, который, последние годы живя в Иеруса-

лиме, служил по греческому обряду. Он дважды приезжал в Россию, встречался с отцом Александром. Сохранилась и опубликована их переписка. Среди священников были те, с которыми он начинал свое священническое служение, а также молодые священники, которые многим были ему обязаны. Священник Владимир Рожков начинал в Алабине, но потом прельстился карьерными возможностями, ушел в один из московских храмов, а затем в отдел внешних церковных сношений. Был откомандирован в Рим, а после служения за рубежом стал настоятелем нескольких московских храмов. Но всегда сохранял с отцом Александром добрые дружеские отношения. После смерти архиепископа Ермогена (Голубева) отец Александр почитал архиепископа Вологодского Михаила (Мудьюгина) и в разгар андроповских гонений приезжал в Вологду, встречался с владыкой, внимательно прислушиваясь к его мнению. Часто бывал у него в гостях архимандрит Иосиф (Пустоутов), сотрудник отдела внешних церковных сношений, купивший дом неподалеку от него. Во многом они были единомышленниками, и архимандрит поддерживал отношения с отцом Александром даже в те времена, когда он был гоним.

Отец Глеб Якунин был совершенно другим человеком. В юности увлекался оккультизмом. Но отец Александр всегда относился к нему с любовью. Позже он вспоминал: «Мы с ним познакомились как соученики, потом вместе жили в Сибири. Он тогда занимался оккультизмом, теософией. Как-то незаметно христианизировался. Он человек темпераментный и страстный, которого в основном интересовала борьба. Больше ничего. Если когда-то можно было противника сокрушить, для него не было больше радости. Хотя человек он вообще ленивый, чистый в душе. В нем что-то детское осталось до сих пор». Когда в середине 70-х годов отец Глеб принял активное участие в демократическом движении, отец Александр с уважением отнесся к его поступку. Если в его присутствии кто-либо из московской интеллигенции начинал обвинять РПЦ в конформизме, отец Александр всегда напоминал, что два православных священника — Глеб Якунин и Сергей Желудков — активно отстаивают в тоталитарном государстве права человека. Но были среди священников и те, которые завидовали ему и писали доносы, среди них — давний знакомый еще по Алабину Василий Фонченков. В период гонений в начале 80-х годов только один из молодых священников публично обличал его в жанре доносов. Хотя отец Александр в конце 70-х годов поддержал его и даже взял в храм алтарником.

Отец Александр прекрасно понимал, что священник один в поле не воин. Как самое счастливое время он вспоминал второе место своего служения — Алабино. Особенно тот период, когда в 1961 году был назначен настоятелем и сумел подобрать священников, близких ему по духу. «Пришел Сережа Хохлов, и это было самое счастливое время жизни, потому что служил он ревностно. У него прекрасный голос. Он любил службу, именно само богослужение, так сказать, культ на светском языке. Старался говорить проповеди. Я выбирал ему хорошие тексты. Мы сделали деревянную кафедру, он восходил туда и *ex cathedra* зычным голосом, подражая владыке Антонию (Блюму), начинал говорить, и все было прекрасно. Так мы с ним служили вместе, и он был хорошим помощником. Правда, частенько опаздывал на службу, он любил спать, поскольку у него был диабет. Но всегда ревностно служил. Я ему поручал беседовать с людьми. Он помогал мне в украшении храма, и не только во внешнем украшении, а написал все молитвы большими красивыми буквами. Это все в рамки вставили и повесили в притворе храма: как себя вести в храме, как стоять, как войти». Его супруга, Вера, получила музыкальное образование, пела на клиросе и занималась воспитанием троих детей. Они казались противоположными людьми — хмурый, внешне суровый отец Сергей и восторженная, всегда увлекающаяся какими-либо веяниями Вера. Но внешняя суровость отца Сергея была напускной. На самом деле он был добрым, внимательным человеком. Быть может, так защищал свой внутренний мир. Жизнь их семьи сложилась не просто, но отец Сергей никогда не жаловался. Любовь и преданность отцу Александру он сохранил до последних дней.

После того, как в августе 1964 года алабинский приход был разгромлен, отец Александр продолжал поддерживать отношения с Хохловым и иногда направлял к нему своих прихожан. Сохранились живые воспоминания о нем одной из прихожанок отца Александра: «С отцом Сергием Хохловым мы познакомились в декабре. Я только что переехала тогда в Староконюшенный переулок. Надо было крестить одну девочку. Ее отец попросил меня найти священника и, если можно, сделать все в той квартире, где я тогда жила — то есть в Староконюшенном. Звать отца Александра из Новой Деревни было немисливо. Я спросила совета у Алика Меня. Да, был еще один Александр Мень, мой ровесник, духовный сын отца Александра. Это был болезненный молодой человек, с очень бледным лицом, у него было что-то серьезное с сердцем,

и он спокойно и почти буднично говорил о своей возможной скорой смерти. Алик был очень религиозен, писал хорошие стихи и прислуживал какому-то батюшке в загородном храме. Алик сказал: "Я попрошу отца Сергия. Он не откажет. Он никогда никому не отказывает". Вот и договорились.

Я ждала их на Гоголевском бульваре у памятника Гоголю. Они запаздывали, я волновалась. Сгущались сумерки... Наконец, увидела Алика, невысокого, щуплого, и рядом — степенно вышагивающего хмурого бородатого мужчину средних лет, в низко нахлобученной шапке-ушанке и тяжелом зимнем пальто, из-под которого выглядывал край черной рясы. Его вид был такой неприветливый, что, пока они шли ко мне, я вся трепетала и думала со страхом, как жеотреагирует на такого сурового батюшка девочка, которую мы собирались крестить...

— Это та самая Маша, — сказал Алик, знакомя нас. — А это обещанный отец Сергий.

Отец Сергий протянул мне руку, его пожатие было крепким и теплым. Лицо его в ту минуту прояснилось, я увидела удивительно добрые голубые глаза и поняла, что вовсе он не хмурый и не суровый, а просто очень усталый.

— Извини, что опоздали, — сказал Алик. — Весь день по требам: крестины, соборования... Ну, веди!

И мы пошли арбатскими переулками в Староконюшенный. И всю дорогу отец Сергий говорил! Он оказался большим знатоком Старой Москвы и, казалось, знает историю каждого староарбатского особняка. Он с любовью говорил о каждом доме, мимо которого мы проходили, как о добром и старом друге. Это была настоящая экскурсия! А в Староконюшенном нас ждал друг со своей шестилетней дочкой Леночкой. Крестных у нее не было, и отец Сергий тут же предложил мне быть Леночкиной крестной, а сам захотел стать ее крестным.

Крещение было удивительно светлым, особенно тот момент, когда я вынимала из купели Леночку, свою первую крестницу... (Купелью служил большой таз, стоящий на табурете.) Золотились свечи, Алик с отцом Сергием пели молитвы, у батюшки был очень красивый мягкий баритон.

Потом, когда уже прощались, отец Сергий сказал, что все мы теперь — через Леночку — родственники: кумовья. И очень приветливо приглашал нас всех в свой храм в Ухтомской, где он служит.

После бессонной ночи, в пять утра, я выходила из дому под морозные зимние звезды... И шла

безлюдными, припорошенными ночным, младенчески чистым снегом переулками к "Арбатской". Еще к той — старой, любимой "Абратской", перед которой в этот ранний час белела, как полная луна, круглая, такая уютная, такая московская площадь... С первым поездом метро я уезжала на "Ждановскую" (теперь "Выхино"), там садилась в настуженную, еще пустую электричку, и вскоре уже выходила в Ухтомской. Еще ночь, темно, ключие в высоком небе звезды... На станции — с замороженными, запущенными окнами сказочно освещенный изнутри автобус... Пока он ласково везет меня по снежным закоулкам еще спящей Ухтомской, спешу процарапать "глазок": чтобы не проехать, не прозевать храм.

В настуженном притворе — уже знакомые нищенки, подаю им, обмениваемся двумя-тремя приветливыми словами. Слышу, как читают утренние часы... Я — дома. Здесь — моя настоящая жизнь. Я не ощущаю ни усталости после бессонной ночи, ни голода (ведь я приезжаю сюда, не бросив в рот даже маковой росинки. Не могу себе представить монашенку, с аппетитом завтракающую перед утренним богослужением). Ни усталости, ни голода — только радость... Радость, что я опять здесь.

Во время обедни народу в храме так много, что становится нечем дышать — и распахивают боковые двери. Прямо в березы — которые обступили храм со всех сторон... Дивный хор. Может, и в Москве такого не услышишь. Отец Сергий большой знаток и ценитель духовной музыки и церковного пения: в его хоре такие чистые, такие устремленные к небу голоса, что и слепой прозреет, и глухой услышит... Это неземное пение вырывается из распахнутых дверей храма вместе с белыми клубами пара — и звенящие на морозе березы стоят, объятые этим белым, густым дыханием, этим звездным, полным печали и надежды пением...

А после всех служб Сергий выходит на крыльцо и выносит мне просфорку и два красных, освященных яблока.

— Не устала?

— Нет, — говорю я.

Усталости я не ощущаю. Только радость...

Голубые глаза отца Сергия улыбаются, он доволен мной.

Он благословляет меня в обратный путь — в Староконюшенный, где меня ждет ежевечернее, еженощное испытание. "Ну, держись, — говорит он. — Бог с тобой"».

Продолжение следует.

Мэри Элеонор УИЛКИНС-ФРИМЕН

Мэри Элеонор Уилкинс-Фримен (1852—1930) — американская писательница и поэтесса. Автор двенадцати романов и более ста пятидесяти рассказов, лауреат медали Хоуэллса Американской академии литературы и искусства. Книги Уилкинс посвящены жизни Новой Англии; в ее творчестве сверхъестественное зачастую сталкивается с обыденной реальностью.

Рубрику ведет
Евгений Никитин

Евгений Никитин родился в 1992 году. Заведует отделом зарубежной литературы журнала. Как переводчик публикуется в «Юности» с 2010 года. Лауреат премии зеленого листка в номинации «Начинающему автору» журнала за 2013 год. Выпускник Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета по специальности «перевод и переводоведение», в настоящее время учится в магистратуре Российского государственного гуманитарного университета по специальности «история».

ПРИЗРАК СЕМИПАЛА

Хватит тратить время впустую на уговоры, Бенджамин; забирай щенка и проваливай. Делай с ним что хочешь; отнеси, где взял, отдай кому-нибудь, обменяй... Если через полчаса он все еще будет здесь, я позову Джимми с сенокоса, чтоб тот его пристрелил. Пса в доме не потерплю. Семипал не выдержит и минуты, он страшно боится собак.

— Но, дедушка...

— Сколько раз повторять, уноси щенка. Хватит спорить.

Маленький, тощий, рыжеволосый и голубоглазый Бенджамин Уиллмэн переминался с ноги на ногу, глядя на развалившегося в кресле дедушку. В ладони мальчик сжимал потрепанную веревку, привязанную к ремешку вокруг шеи щенка. Щенок все время дергался, натягивая веревку, и пронзи-

тельно скулил. Ему не нравилось быть на привязи. Он выглядел не слишком симпатичным — бледно-желтого окраса, очень неуклюжий — но не в глазах Бенджамина. Мальчик тщетно уверял дедушку, что когда щенок вырастет, во всей округе не будет собак великолепней: старик стоял на своем.

В голубых глазах Бенджамина заблестели слезы, но он упрямо вздернул квадратный подбородок и снова попытался завести разговор:

— Дедушка...

— Ни слова больше, — оборвал его Уиллмэн-старший.

Мальчик перевел взгляд с дедушки в сторону кухни, где его мать перебирала смородину. Он открыл дверь и подошел к ней, волоча щенка за собой.

— Мам, можно я его оставлю? — шепотом спросил Бенджамин.

Оставшийся сидеть в кресле дедушка заозирался с подозрением, но ничего не услышал. Он был туговат на ухо.

— Если дедушка не согласен, то нет, — ответила мать. — Ты же знаешь, я не могу разрешить.

Щенок горестно поскуливал — почти в такт Бенджамину.

— Я не понимаю, ну почему он против? Цезарь же не обычный дворовый пес. Мам, попроси его, пожалуйста.

— Нет. Ничего хорошего из этого не выйдет. Ты же знаешь, как он обожает Семипала. А когда пес подрастет, он может его загрызть.

— Подумаешь, велика потеря, — буркнул мальчик. — Цезарь стоит десятка таких дурацких вороватых старых котов.

— Хватит, Бенджамин, — отрезала мать. — Дедушка и так очень много делает для нас. Не будем ссориться из-за пустяков. Слушайся дедушку: заведи собаку и уведи прочь.

Между тем подозрения старика переросли в уверенность.

— Бенджамин, поторопись, — крикнул из комнаты дедушка. — Хватит докучать матери.

Мальчику пришлось взять щенка на руки — тот решительно отказывался следовать за поводком — и вынести из дома. Бенджамин, всхлипнув, ускорил шаг. Он вспотел от жары и пал духом. Ему пришлось проделать больше трех миль до деревни и обратно ради Цезаря, а теперь — еще больше миль, чтобы отдать его в чужие руки. Очевидно, его новым хозяином станет Сэмми Такер — тот будет очень рад собаке. Когда три недели назад мистер Дайер, хозяин бакалейной лавки, предложил Бену щенка, мальчик было заколебался, как отнесется к этому дедушка, но не смог устоять. Зашедший купить несколько пачек мыла Сэмми смотрел на него с завистью. А когда Бенджамин поделился с ним сомнениями насчет дедушки, тот немедленно наострил уши.

— Слушай, Бен, если дед не позволит, отдай его мне. — Он подтолкнул приятеля локтем. — Отец разрешил мне завести собаку, а мистер Дайер, конечно, не потребует его вернуть. Он уже всех раздал, кроме одного, последнего. К тому же это простые дворняги — он сам так говорил.

Бенджамин посмотрел на приятеля с недовольством:

— Уверен, дед не будет против; этот щеночек такой умница.

— Ну, спроси. Если не разрешит, я его заберу.

Однако Бенджамин не стал спрашивать разрешения дедушки, боясь услышать ответ. Он выждал три недели — ровно столько, по словам ла-

вочника, щенков нельзя отрывать от матери — а потом, никому не сказав ни слова, сходил в деревню и вернулся уже с псом, рассчитывая, что его игривая жизнерадостность завоюет сердца родных. Казалось, никто не сможет устоять перед его очарованием. Однако дедушка Уиллмэн, всю жизнь предпочитавший кошек собакам и впадший в детство, невероятно обожал своего кота Семипала. Мать Бена часто повторяла, что не представляет, как отреагирует дедушка, если с котом что-то случится.

Пересекая двор со щенком под мышкой, мальчик заметил Семипала на покато́й крыше — одном из излюбленных мест отдыха наряду с краем старого колодца, что стоял за амбаром. Уиллмэн-старший полагал, что такая привычка связана со страхом кота перед собаками. Бен пожалел, что Цезарь слишком мал, чтобы напугать рыжего. Цезарем щенка он решил назвать по пути домой, в честь живущего неподалеку огромного мастифа — тоже Цезаря, который ему очень нравился. Точно так же когда-то самого Бена назвали в честь Бенджамина Франклина.

Он устало тащился по сельской дороге, поднимая клубы пыли. Ему много раз говорили не пинать пыль, и, пребывая в скверном настроении, мальчик решил заняться именно этим. Солнце нещадно припекало рыжеволосую голову в истрепанной соломенной шляпе и плечи под хлопчатобумажной рубашкой. Руки начинали болеть от веса щенка, крупного и толстого для своих трех недель. За каменной оградой вдоль дороги скрывались кусты роз и таволги. На полях работало много народу; время от времени проезжал очередной фургон с сеном. Многим мальчикам одного с Беном возраста приходилось трудиться в поле не покладая рук, но не ему: дедушка Уиллмэн присматривал за ним и не разрешал много работать на каникулах. Впрочем, Бен сейчас об этом не думал: одна обида перевешивает сотню радостей. Он крепко сжимал трепыхающегося щенка и плелся по пыли, размышляя о своих невзгодах.

— Я, можно сказать, с рождения хотел завести собаку. У других есть собаки, а у меня один старый кот. Такого щенка мне уже никогда не заполучить. Хоть бы что-нибудь стряслось с этим чертовым котом, — бормотал Бен.

Он взбивал пыль все яростнее, та в ответ вздымалась все выше. Перебежавшую дорогу белку он встретил безразличным фырканьем.

Сэмми оказался на своем поле, где они с отцом сгребали сено.

— Здорово! — радостно воскликнул приятель, бросил охапку сена и выбежал навстречу. Его

черные глаза лучились восторгом. — Значит, он не разрешил завести собаку, Бен?

— Да. Он никого не разрешил заводить.

— Значит, я могу его забирать.

— Выходит, так.

Сэмми вытянул вперед дрожащие от нетерпения руки; Бен неохотно отдал брыкающегося щенка.

— Хороший мальчик, хороший...

— Я назвал его Цезарем.

— Неплохое имя. Ну, здравствуй, Цезарь, здравствуй!

Рядом появился улыбающийся отец Сэмми: он обожал собак. Мужчина охотно взял щенка на руки и тоже начал с ним говорить. Бен мрачно уставился в землю, жалея, что его дедушка не походит на папу Сэмми...

— Трудно расставаться, да, Бен? — дружелюбно поинтересовался мистер Такер.

— Мне никогда больше не выпадет такой шанс.

— Выпадет, не сомневайся. Рано или поздно дедушка передумает и смягчится.

— Нет. Он никогда не позволит мне никого завести.

— Ох, не торопись сдаваться, Бен.

Мальчик покачал головой и повернулся уходить.

— Сэмми будет кормить его и следить за ним. Приходи навещать, будем рады, — проводил его мистер Такер.

Руки мальчика освободились от ноши, но на сердце лежал камень. По дороге обратно пара знакомых мальчишек окликнула его, но он лишь мрачно кивнул в ответ.

— У. Них. Есть. Собака, — пробормотал Бен. И действительно, за ними шла овчарка.

Уже подходя к дому, он решил срезать путь через сад, намереваясь незаметно прокрасться в комнату и остаться там до вечера. Он не чувствовал голода. Бен брел по пояс в некошеной траве через сад и, наконец, дошел до сарая. И замер. На краю колодца растянулся большущий рыжий кот, подставляя солнцу удивительные лапы с семью пальцами. Не самое подходящее место для кошки, но Семипалу оно нравилось; тут он проводил почти все свое время, если, конечно, не лежал на крыше.

Бенджамин подошел к колодцу. Он запыхался, лицо покраснело, голубые глаза сверкали злостью:

— Ах ты, старый ленивый котяра!

Мальчик замер на миг; потом выбросил руку вперед и столкнул Семипала. Раздался жалобный вопль, скрежещущий звук — и кот исчез. Напуганный Бен бросился прочь. Он читал Библию и невольно вспомнил Каина. Что он натворил? Что же с ним теперь будет? Можно ли сбежать от своей совести?

Окончание следует.

Перевод с английского Евгения Никитина.

МНОГОПАРАМЕТРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕЧАТИ

В этом году наш гость отмечает шестидесятилетний юбилей. Журнал «Юность» от души поздравляет своего ровесника и желает ему здоровья и успехов! Валерий Святославович Туманов родился в 1955 году. Окончил Ленинградский электротехнический институт имени В. И. Ульянова (Ленина). Кандидат технических наук. Многие годы руководил петербургской типографией «МДМ-печать». Сегодня Валерий Святославович возглавляет крупнейшее государственное полиграфическое предприятие в Петербурге ОАО «Санкт-Петербургский газетный комплекс». Мы побеседовали с нашим гостем о трудных временах для газет и журналов, культуре чтения и о будущем рынка периодических печатных изданий.

Валерий Туманов: «Я не понимаю, что значит “помочь отрасли”...»

— Валерий Святославович, на рынке издания и продаж печатной продукции существует целый ряд серьезных проблем, которые усугубляются на фоне экономической нестабильности. Как Вы считаете, можно ли сегодня чем-то помочь отрасли?

— Вы знаете, я не понимаю, что значит «помочь отрасли». Типографии, как правило, предприятия частные, нацеленные на получение прибыли, и их руководство должно реагировать на те вызовы, которые возникают на рынке. Другой вопрос — каковы эти проблемы, как целесообразно их решать или, если это объективные трудности, как надо менять свою производственную стратегию, чтобы соответствовать изменяющимся рыночным условиям.

Я не пессимист, я реалист. В печатном бизнесе я почти пятнадцать лет. Проблемы печати сейчас многопараметрические — это я вам как математик в прошлом говорю. С одной стороны, падение тиражей, которое, с моей точки зрения, в основном связано просто с нежеланием людей читать. Пропадает культура чтения. На конференции издателей и распространителей три года назад много говорили об этом, потому что культура чтения — это, во-первых, традиции, а во-вторых, — тиражи.

Ежедневная газета — это прежде всего оперативная, горячая, свежая информация, а вот эту-то свою составляющую газеты уступили Интернету. В мире что-то произошло — в Интернете эта новость уже через пять минут, а может, и еще раньше, а газета все равно выходит только на следующий день.

С другой стороны, почта поздно доставляет газету читателю, и этот факт еще более усугубляет временное отставание.

— Как Вы считаете, если поддержать почту материально, ситуация с подпиской может измениться?

— Этот вопрос, по-моему, очень похож на первый — как помочь отрасли (почте)? Сегодня технически (в смысле инфраструктуры почтового бизнеса) почта вполне современно оборудована, работает сортировочный центр, организована оперативная доставка газет. Каждое утро к нам в типографию приезжают почтовые машины, забирают тиражи газет и развозят по направлениям городским и областным почтовым отделениям.

Дело-то в другом: чем меньше тиражи газет, тем дороже их логистика, чем дороже доставка, тем еще меньше тиражи. Ведь несмотря на дотации почте со стороны государства тарифы растут. Неслучайно же цена экземпляра газеты при подписке на год может быть больше, чем если просто купить ее в ларьке.

И несмотря на все усилия издательств (всяческие скидки читателю при подписке — до пяти различных подписных тарифов на одно издание) подписные тиражи не растут.

Но, как вы упомянули ранее, при продаже газет в «ларьках» тоже есть серьезные трудности.

Распространители газет отмечают коммерческую непривлекательность (низкую доходность)

при продаже СМИ. Для выживания торговых точек им требуется продавать и сопутствующие товары. Да и само существование стационарных торговых точек в последние годы стало проблематично из-за позиции администраций городов России, взявших курс на ликвидацию (переориентирование) этих точек с газет на другой товар.

— С чем, на Ваш взгляд, связаны проблемы на рынке печатных услуг?

— Сегодня издатели находятся в «ножницах»: с одной стороны, сокращение объема размещаемой в прессе рекламы и уменьшение продаваемых тиражей сокращает их доходную часть. С другой стороны, удорожание стоимости полиграфических услуг (типографские затраты) увеличивает их расходы на издание газет.

— Может ли замена импортных материалов отечественными снизить цену на печатную продукцию?

— Конечно, да, но только где их взять? Единственным производителем полиграфических машин в России был Рыбинский завод. Машины называются ПОГи. Они прекрасные, надежные, сносу им нет, но могут печатать только 4+2, то есть одна полоса газеты полноцветная, другая — в два цвета. Современный рынок требует полностью цветную газету, черно-белых газет практически не осталось.

Чем же прикажете загрузить это оборудование? Поэтому мы свои ПОГи демонтировали, заменили полноцветными машинами.

Теперь о газетной бумаге. Она вся наших отечественных производителей, из российского леса. Нормальное качество, дефицита нет, но цена на нее постоянно растет. Почему?

— Газетчики утверждают, что типографии подняли цены и им не выжить в таких условиях.

— А как в нынешних условиях быть типографиям? Россия не производит ни офсетные пластины, ни офсетные резины, ни полиграфическое оборудование. Все импортное, все ввозится из-за рубежа и, по моим расчетам, например, при курсе в семьдесят пять рублей за евро доля только расходных материалов в структуре сегодняшней типографской цены на газету составит 104 процента. А зарплату из чего людям платить?

А ведь есть еще такая статья затрат, как «поддержание работоспособности оборудования». Все, что крутится, — все может сломаться. Ремонтировать надо? А запасные части тоже импортные, и тут тоже курсовая разница имеется между ценой в евро и ценой за газету в рублях.

Я прекрасно понимаю, что издатели и типографы — это две стороны одной медали, поэтому мы даем клиентам всю калькуляцию себестоимости производства газеты. Наша прибыль, как правило, не достигает и 5 процентов. Совсем без прибыли нельзя — надо поддерживать предприятие на плаву.

С другой стороны, мы всегда находимся в контакте с издателями и консультируем их, как можно сократить производственные издержки — поменять формат газеты на более экономичный и т.д.

Мы не пилим сук, на котором сидим. Можно, конечно, так поднять цену, что никто и вовсе не будет покупать газеты. Кто будет это делать при цене, к примеру, сто рублей за экземпляр?

— Журнал-то гляцевый еще подумают, покупать ли за сто рублей...

— Вот именно, а газету и подавно. Итак, проблемы: с одной стороны, падение читательского интереса, с другой — дороговизна по объективным причинам, с третьей — затрудненность доставки газет до читателей.

Самый главный вопрос, который, конечно, требует и поддержки власти, — это попытка вернуть людей к чтению. Потому что это будущее нации. Сегодня, с моей точки зрения, общий культурный уровень постоянно падает. Я воспринимаю это как деградацию следующих поколений. Я не знаю, как сейчас преподают литературу в стране, но думаю, без слез на это смотреть нельзя, учитывая резкое падение культуры чтения. А ведь мы были самой читающей нацией, неважно, покупали ли некоторые книги, чтоб просто ставить их корешок к корешку для красоты, но у них были дети. Если книги есть дома, не ты, так ребенок их прочтет, а когда дома ничего нет, нечего и читать. Библиотеки влчат жалкое существование. Так вот, конечно, надо организовать какие-то мероприятия, чтобы вернуть, постараться вернуть тягу к чтению! Я считаю, это как обороноспособность, если уж так говорить, тоже очень важное мероприятие! Серость — это плохо. Те, кто читал Стругацких, поймут.

— Какие, на Ваш взгляд, мероприятия могут организовать газеты, чтобы вернуть себе любовь читателей и восстановить культуру чтения?

— Это вопрос не ко мне, конечно. Я знаю, что некоторые газеты, например «Комсомолка», «Аргументы и факты», сделали наборы: купи газету и вместе с ней книгу, коллекционные издания «Великие художники», «Великие писатели». Есть мероприятия, направленные на то, чтобы, с одной

стороны, поддержать интерес к газетам, с другой стороны, — к книгам. Но вы же понимаете, что сознание формировать надо с детства, со школы. Если ты в детстве не читал, то в зрелом возрасте приобщиться к этому сложнее, так как уже и ленишься, да и некогда. Посмотрите на тиражи книг, молодежь не застала, а мы-то еще помним всплеск начала 90-х! Что хочешь можно купить и почитать, мама дорогая, чего в жизни и не думал! Очереди, ажиотаж, а кому сегодня книги нужны? Зайдешь в старую книгу, сердце кровью обливается: детская мечта — Джек Лондон, полное собрание сочинений — копейки стоит! В жизни не купить было никогда, а тут бери — не хочу! То есть никому не надо, вообще. Книжки-то хорошие, то, за что люди «убивались» в очередях: «Всемирная библиотека» — никому не нужна, Библиотека поэтов — Манделштам, Цветаева — валютный товар, только у спекулянтов по высокой цене это было, сегодня никому не надо! Поэтому я и говорю, что проблема все-таки газетная, да и журнальная, именно в отсутствии культуры чтения. Сегодня книги доступны, они сегодня есть, в любом исполнении, в дорогом и дешевом, в твердом и мягком.

Если ребенка с детства не приучили читать и пересказывать, какая тут культура?

И потом, я уверен, что ежедневная газета — это исторический документ, по которому потом, через «надцать» лет, люди будут узнавать, чем мы жили, о чем горевали, чему радовались. Думаю, что это такой же носитель истории, как какой-нибудь черепок из археологических раскопок.

Мы не должны допустить, чтобы наш культурный слой обеднел.

— *Чем сейчас можно помочь полиграфистам, производственникам?*

— Полиграфистам ничем, с моей точки зрения, помогать не надо, я абсолютно уверен, если у газет будет тираж больше, то и для типографий это будет хорошо. Начинать не с типографий надо. Сейчас оборудования хорошего полиграфического в России много и печатники хорошие, оборудование работает, но его сегодня столько, что невозможно все рабочие мощности обеспечить нужным объемом нагрузки. Поэтому, на мой взгляд, полиграфии сегодня помогать не нужно. Полиграфия обеспечивает нужные рынку объемы производства, но новых-то газет не появляется. Старые помирают. Сегодня большим тиражом для газеты в Петербурге считается пять тысяч экземпляров! Газеты если умрут, типографии тоже помрут или перейдут на печать рекламных буклетов. Оборудование есть, люди есть, а что печатать? Книги благодаря колебаниям курса в большинстве своем стали возвращаться печататься на Родину.

— *Что будет с издательским рынком дальше, каковы Ваши прогнозы?*

— Когда появилось кино, все говорили, что театр умрет, потом появилось видео, сказали, кино умрет, сегодня расцвет театра, в хороший театр с трудом попадешь, однако и кино, и видео, и театр живы.

Следуя этой логике, я считаю, что газеты должны жить. Как они видоизменяются — а они должны видоизмениться, — я не знаю, здесь я не журналист, не директор газеты, но телевидение меняется. Двадцать лет было Первому каналу, но он изменился за двадцать лет со времен Листьева. Можно спорить, хорошо или плохо, но он стал другим. Я считаю, что газета, как элемент культуры, должна жить, и будет так приятно взять утром в руки газету, просто открыть и почитать.

Беседу вела Кристина Финогенова.

Анна СЕВЕРИНЕЦ

Окончание. Начало в № 5, 6 за 2015 год

ПОВЕСТЬ ПРО БЕЛКИНА

Внезапно: сегодня меня вызывали к директору. Мама Фомченко звонила в школу и возмущалась тем, что на уроках русской литературы дети обсуждают мертвецов. Дескать, чему можно научить ребенка, если обсуждать с ним гробы и похороны. Порадовалась: впечатления от Пушкина Фомченко умудрился, не расплескав, донести до дому. Отбилась от директрисы программой по литературе, ткнув пальцем в строчку «по выбору учителя», но все же выслушала пятиминутную лекцию на тему «чему мы учим наших детей». Я понимаю директрису: должна же она отреагировать. «А вы бы что давали из “Повестей”? — догадываюсь спросить у нее совета. Она словесник, так что я не издеваюсь.

— Я бы? Конечно, «Барышню-Крестьянку». Я и даю ее всегда. И никаких «на выбор». Зачем провоцировать детей? Вы что, не знаете, что они всегда выбирают не то? Вы бы еще предложили им выбор между чипсами и отварным горошком. Интересно, кто бы у вас в классе выбрал отварной горошек. «Барышня-крестьянка» — чудесная повесть, никаких подводных камней. Ну а хотите

поиграться с ними во взрослых — разберите «Метель». Ну что вы как маленькая?

Честно говоря, мне сложно понять, где тут скрывается подвох. Дети — они ведь и правда никогда не выбирают отварной горошек. Но мне так не нравится мысль о том, чтобы отнять у них право выбора.

А что «Метель»... Изящное доказательство бытия божия, изложенное в безукоризненно воспроизведенной стилистике любовного романа. «Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и, следственно, была влюблена» — ирония такая тонкая, такая изящная, упрятанная во вводные слова и запятые. «Само по себе разумеется, что молодой человек пылал равною страстию» — вот опять. Кстати, потом в «Дубровском» вся эта чудесная стилистика, весь этот добродушный юмор объявится вместе с именами главных героев — Машей и Владимиром. Ничего такого особенного и не было бы в «Метели», если бы не эта великолепная стилизация, эта утонченная ирония, эта удивительная игра света в стеклышках: драматический рассказ девицы К. И. Т., пересказанный просто-

душным Белкиным и напечатанный снисходительным Издателем, — уж не он ли добавил вводные слова и расставил запятые?

Ну а насчет доказательства... Две фразы, оброненные Бурминым: «Как вдруг поднялась ужасная метель, и зрители, и ямщики советовали мне переждать, я их послушался, но непонятное беспокойство овладело мною; казалось, кто-то меня так и толкал...» и «Непонятная, непростительная ветреность... Я стал подле нее», — это ли не доказательство, что пути Господни на самом деле исповедимы, известны и закольцованы давным-давно кем-то настолько могущественным, что он может и метель организовать, и Владимира запутать, и Бурмина в спину подтолкнуть, и даже объяснить его внезапную ветреность...

Кстати, хорошо бы перечитать повести на предмет вот этих вот «зрителей», которые «советовали подождать». Ведь это запросто мог бы быть и Самсон Вырин. А служить Бурмин мог бы и Сильвио. А то письмо, которое Марья Гавриловна перед побегом из дома писала подруге, — ведь оно могло быть адресовано Лизе Муромской, тем более что наша заводная барышня-крестьянка

по характеру своему и вправду была бы надежной наперсницей в таком непростом деле, как дружба с отвергнутой беглянкой. Ну а уж на празднике у Адриана Прохорова оказаться и вовсе мог каждый, к сожалению — каждый из героев. Кроме, наверное, Сильвио, ибо тот погиб в бою под Скулянами и собран в последний путь был каким-то другим гробовщиком. Не может быть, чтобы между повестями не было бы других связей, кроме Ивана Петровича Белкина.

* * *

Надо сказать, директриса в чем-то права. «Барышню-крестьянку» мы разбирали очень вдохновенно и уже втроем: я, Лиза и Белкин. Первым делом засели над именами: ну надо же было, чтобы отца героя нашего, красавца Алексея, звали Иван Петрович Белк... тьфу ты, Берестов. Иван Петрович Берестов. Не многовато ли Иванов Петровичей на квадратный сантиметр текста? И Белкин, и Липранди, и вот тебе пожалуйста... Сережа предположил, что Пушкин просто не заметил, как показывал половину героев одним и тем же именем.

— Нет, Пушкин не мог не заметить — он же гений, — резонно возразила Калитина, неодобрительно качая головой.

— Что, гений не человек, что ли? Он же даже, как все люди, в туалет ходил, а значит, и ошибаться мог.

С этим туалетом у Белкина какой-то пунктик. Как-то раз он едва не сорвал урок, пытаясь выяснить, как люди в девятнадцатом веке ходили в туалет. Мы с ними как раз вернулись с экскурсии в музей очередного поэта, и Белкин никак не мог успокоиться: спальня в доме есть, детская — есть, гостиная есть, мыться в баню, к примеру, ходили, а в туалет? Честно говоря,

мне этот вопрос никогда в голову не приходил, а тут и самой стало интересно: а и правда, как? Хорошо, Интернет под рукой, пару запросов в поисковик, ты уже владеешь тайной, которую тщательнее скрывали русские классики от любопытных потомков.

В общем, мог ли Пушкин ошибаться — некорректный вопрос. Ошибаться — значит, делать неправильно по отношению к кому-то более или менее эфемерному идеалу. А кто писателю указ? Раз написал трех иванпетровичей — значит, так было нужно. Значит, сидело имя это занозой в душе.

Мы, конечно, все проверили — и значения имен, и именины, и исторические параллели, — и ничего особенного, разумеется, не нашли. Стало быть, нужно копать не вне, а внутри. Например, посмотреть на имя с точки зрения Белкина — того, пушкинского. Не мог не отдавать себе отчет в том, что нарекает героя собственным именем-отчеством. Посмотрим, как он рекомендует нам своего двойника: «Он был женат на бедной дворянке, которая умерла в родах, в то время как он находился в отъезде по полю. Хозяйственные упражнения скоро его утешили. Он выстроил дом по собственному плану, завел у себя суконную фабрику, утроил доходы и стал почитать себя умнейшим человеком во всем околотке, в чем и не прекословили ему соседи, приезжавшие к нему гостить с своими семействами и собаками». Хорош. Завидный хозяин этот отставной гвардеец. Прямая противоположность первому Ивану Петровичу — тот ведь тоже вышел в отставку и поселился в деревне, но как разительно отличается Горюхино от берестовского Тугилова!

— Знаю! — подпрыгивает вдруг мой Белкин. — Это он как бы себя написал — каким хотел быть.

Жены ему не хотелось, поэтому он ее в первых же строчках убил, а сына — хотелось, красавца и молодца, и порядка в имении тоже хотелось, помните, его отец был хорошим помещиком, держал усадьбу в порядке, и сосед еще ездил все время, на мозги капал, мол, давай-давай, Иван Петрович, возьми за дело!

— Очень похоже на то, — задумываюсь я. — Впервой ли писателю изображать себя желаемого вместо себя действительного? Ишь, каким строгим дяденькой хотел видеть себя наш тишайший Иван Петрович, отравленный писательским ядом и оттого не способный управлять именами...

— Да, и помните! — Белкин прямо подпрыгивает, ему нравятся, что он первооткрывает истины. — Его сосед в предисловии писал, мол, «и моя деревенька там упоминается» — может, этот самый Григорий Муромский и есть тот самый сосед?

— Ну это вряд ли, — скептически морщусь, к неудовольствию Белкина. — Муромский — англоман, барин на широкую ногу, а наш сосед из предисловия — скромный помещик без особых примет.

— А что, — ворчит Белкин, — он должен был про себя так и написать, я, мол, англоман, будем знакомы?

Прав наш Сережка или не прав, но мы с Лизой никак не можем отвязаться от мысли, что читаем не историю барышни-крестьянки, обычную легонькую повестушку с переодеваниями и узнаваниями, а вишлист Ивана Петровича Белкина, мечты его про будущую жизнь, которая, как мы знаем от жестокосердного Издателя, никогда не сложится. И будет в этой жизни симпатичная и нестрашная вражда двух соседей, будет молодец сын, будет умница невестка, будут сытые и довольные крестьяне, которые ходят друг к другу в гости да угощаются

«пирожными бланманже синими, красными и полосатыми...». Хорошая будет жизнь, сказочная. Жаль только, простудную лихорадку, обернувшуюся горячкой, в России осенью 1828 года так плохо и безуспешно лечили доктора в окрестностях села Горюхина.

* * *

Конечно же, не вышло у нас с Белкиным никакого доклада. Нельзя сказать, чтобы я сильно разочаровалась: в моем возрасте от людей не ожидаешь свыше их возможностей. Но надежду лелеять всегда приятно. Так что когда мой сероглазый собеседник принес мне черновик, первые наброски будущего шедевра на два мятых листа в клеточку, и я прочитала на первой строчке «В чем смысл повестей Белкина», то поняла: участники и жюри городской конференции пока не готовы к такому полету мысли. Это мы с Калитиной понимаем, что «смысл» — он гораздо глубже и полновеснее, чем какой-то там быстрый и стыдливый «смысл», но остальные — вряд ли.

Да и, собственно, как его сформулировать, смысл? Разве что по методу Льва Толстого, пересказать от первого слова до последнего, включая подстрочные комментарии Издателя.

Может быть, сами по себе «Повести Белкина» — всего лишь ответ Пушкина на острую нужду молодой русской литературы в собственной беллетристике, легкой увлекательной прозе, которой на тот момент на Руси попросту не было: литература, рожденная в монастырях, была небогата на анекдот. Тогдашние читатели развлекались французской, немецкой, английской

беллетристикой, нужна была своя — и Пушкин ее создал. Но масштабам гения было мало такой незамысловатой задачи. И он — скорее для себя, чем на публику, — начал на практике изучать влияние личности рассказчика на создаваемый текст. Как расскажет одну и ту же историю девица К. И. Т., провинциальный литератор Белкин и сам Пушкин? Что увидит первая, второй и третий? Будут ли пересекаться их голоса? Где они разойдутся? И где будешь ты среди этих бесконечных слов?

А может быть, это исследование вечных бытийных вопросов о смысле жизни и судьбе маленького человека, исследование столь виртуозное и многослойное, что когда ни читай — все обнаружишь что-то новенькое? Сережке и Лизе сегодня может открыться, что смысл жизни — в разгадывании чужих загадок вроде романтических хитросплетений Сильвио, завтра им покажется, что смысл жизни — в любви, а дорастут они до годов Самсона Вырина — то ли прочтут между строк, а там и до правды жизни Адриана Прохорова недалеко.

А может быть, это просто свойство пушкинской прозы: смотри в ее зеркальную океанскую глубину и открывай все что захочешь — возможностей предостаточно.

Так что с докладом у нас не получилось. Но, разумеется, мы не расстроились. Ну что такое конференция? Кладбище идей. Высказанные и опубликованные, они уже вроде как и живут — но какой-то ненастоящей, печальной жизнью. Живут и дрожат — а вдруг какая ключница начнет искать бумагу окна оклеить?

Чем еще оклеивать, чем печку на даче растапливать, как не сборником материалов конференции?

Поэтому нет. Мы с Белкиным повесть задумали написать. Так оно надежнее. У Ивана Петровича вышло — а Сережка чем хуже?

Ничем — ответственно заявляю я вам.

Тем более что у Белкина моего материала для повести сейчас прибавится. Шла вчера из школы, смотрю, Сережка мой с Лизой прогуливаются под фонарями. За руки, конечно, не взялись, но Лиза, смотрю, идет чуть быстрее обычного, а Белкин, как стрелоченный, вроде и побежал бы вперед, но сдерживается. Вечная история: двоечник и отличница, банально, как в книжке. Я иногда думаю: это в жизни хеппи-энды выглядят банально, потому что в книжках ими злоупотребили, или в книжках злоупотребляют, потому что счастливые развязки не так уж и редки? Да и вообще очень часто какая-то жизненная коллизия выглядит порой ну такой придуманной, такой пошлой, кажется, какой такой графоман-неудачник ее придумал? В книжке — нелепо, а в жизни — пожалуйста. В общем, могла бы я придумать чего-то позизячнее, но правда есть правда: идет мой двоечник под фонарями, и отличница рядом с ним. Мы хеппи-эндов не боимся, как не боялся их Иван Петрович Белкин. Даром, что ли, шалопаи Берестов и умница Муромская у него друг другу в объятия падают?

В общем, Калитиной я, конечно, позавидовала. Если бы не приличная разница в возрасте, не было бы у нее шансов.

г. Минск

Инна АЛЕКСАНДРОВА

Инна Александрова — автор двенадцати книжек, а также публикаций в журналах «Огонек», «Знамя», «Континент», «Диалог», нью-йоркских «Слово/Word» и «Острова».

Некоторые тексты переведены на немецкий и татарский языки.

Филолог (окончила Казанский университет). Преподавала, около тридцати лет работала редактором.

«ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ»¹

Анечка! Родная моя девочка! Три дня прошло, как мы встретились. Три часа, всего три часа свидания... И то благодаря Маше. Ведь это она позвонила в Зеренду, где я был в командировке. Сказала: как хочешь, на чем сможешь — добирайся. Ты должен быть в городе. Аня приехала. Приехала на могилу к отцу.

Анечка! Родная! Мы не виделись семнадцать лет! Семнадцать долгих, долгих лет... Летом сорок девятого ты уехала на учебу в Казань, а сейчас — сегодня — июль шестьдесят шестого. Это ли не срок? Я не могу писать тебе письма в Москву: там твои муж, сын, свекровь. Нарушать их покой — бесчинство. Но писать в эту тоненькую тетрадку ведь могу? Имею право? Хотя так выплеснуть то, что на душе, в сердце. Семнадцать лет каждый день разговаривал с тобой. Не было дня, чтобы

не вспоминал. Дня не было. Ты была всегда со мной. Это не слова. Это правда.

Когда, родная, мы с тобой познакомились? Помнишь? Было это в ноябре сорок четвертого. Еще шла война. Отец мой, учитель русского и литературы, ввел тебя в класс и сказал: «Вот вам новая ученица». Ты почему-то прямоком направилась к моей парте, хотя были еще свободные места, и спросила: «Мальчик, можно мне с вами сесть?» На «вы» спросила. Я был поражен. Глаза твои сияли и блестели, как две звездочки, а платье было серенькое с красными кантиками. Ты была очень красивой.

Я подвинулся на самый край, чтобы дать тебе побольше места, но ты тоже как-то поджалась. Начался урок. Я не выдержал и шепнул, что учитель — мой отец. Ты с уважением взглянула на меня.

Домой шли вместе. Дома-то стояли рядом: казахская школа их

разделяла. Вам дали комнату в бараке. Крыша была дырявой: небо светилось...

Вы приехали из Айдабула, где отец твой работал на спиртзаводе, а мама — в больнице. Молва о том, что мать твоя — прекрасный врач, дошла до города, ее перевели в областной центр. Вечером, за чаем, уже моя мать об этом объявила. Она ведь была зампредела облысполкома и все знала.

Ах, Анюта, Анюта! Что сделали с нами люди... Или мы сами во всем виноваты? Если бы я не отстал на год в восьмом классе, может, всего бы и не случилось? Хотя вряд ли...

В восьмом классе нашу школу разделили на мужскую и женскую. Девчонок перевели на край города. Топала ты по грязи далеко. Только хуже стало. Девчонки все-таки нас сдерживали. А ты была храброй кошечкой. Бросалась на жлобов-переростков, когда они орали: «Бить Каштанку! Бить!» Это

¹ Небольшая любовно-эротическая поэма, включенная в Ветхий Завет.

Нинку Денисенко. Девка, и верно, всем давала, но тебе ее жалко было. Ты жлобов царапала, а они тебя не трогали — уважали. Ты ведь всегда была отличницей.

Простыл я тогда в восьмом сильно: снял телогрейку, когда лед на озере под шайбу расчищали. Остался в одной рубашке. Итог: воспаление легких, а потом абсцесс в легком. Тогда, в сорок пятом, не было у нас еще никаких антибиотиков. Твоя мать, Евгения Яковлевна, лечила меня всеми доступными средствами. Температура держалась под сорок. И даже ночевала у нас. Если бы не ее старания — отправился бы, наверно, к праотцам. Она отстояла. Не отдала. Вот так, как истинный врач, боролась за больного. А потом отослала на два месяца в Боровое, в санаторий. Я понял: год пропал. Не догнать. Но что было делать? Потому ты школу окончила в сорок девятом, я — в пятидесятом. И все из-за своей глупости.

Аня, твоя мать была действительно прекрасным врачом, и эмвэдэшники и эмгэбэшники это прекрасно понимали. Потому и забрали в свою поликлинику, а ведь была она подневольной — сосланной. Их с Александром Ивановичем сослали в сентябре сорок первого — как война началась. Причина — немецкая фамилия, хотя мать твоя была еврейкой, а отец — поляком. Но кто-то по ошибке или по злобе впаял ему в паспорт «немец». И все пошло-поехало... Тебя до девятнадцати лет не трогали, а после первого курса, на каникулах, тоже схватили. Также подписала ты типографскую бумагу: если перейдешь границу города — каторга сроком тридцать лет.

Аня! Аня! Какой же сволочизм творил усатый вместе со своими приспешниками! Какой сволочизм... Потому и прокляли его и проклинают до сих пор.

А меня, Анечка, тоже ведь таскали тогда в наш «белый дом». Спрашивали, о чем толкуют у вас за столом. Я тогда Александра Ивановича предупредил, чтобы при мне молчал, молчал... Господи! Какое же это было страшное время!

Моя мать была хитрой и коварной. Из казачьей атаманской семьи. Город наш был когда-то казачьей станицей. Как она смогла просунуться в партию и стать зампреда облизполкома — в ум не возьму. В войну, когда все голодали, ей по полтуши мяса в мешке приволакивали. Отец возмущался, а что мог поделывать? Она орала, отбирала у него все деньги и прятала. Он не был в доме хозяином.

Мать была из местных. У них был очень хороший дом, в котором я и сейчас сижу, а отец — гол как сокол. Вот она его и терроризировала. Дети уже народились. Не мог он плюнуть и уйти. Интеллигент...

Отец питерский. В город попал в семнадцатом, когда голод и разруха начались. Он из дворянской семьи. Окончил питерский университет по курсу филологии. Очень много читал и был прекрасным рассказчиком. Оттого и подался в учителя. До войны на всех конференциях выступал.

Да ты сама, наверно, помнишь, как прекрасно он вел уроки. И пел хорошо. У меня эта способность от него. Отца я всегда очень любил.

В пятидесятом, когда окончил школу, мать увезла меня из города на другой же день. Билеты уже были припасены. Отец только грустно на меня смотрел. Она открыто, при нем, заявила, что не позволит своему сыну жениться на еврейке, да еще дочери сосланных. Мать была яркой антисемиткой. Почему? А черт ее знает... Нам с отцом это было мерзко.

Я уже сказал, что все деньги она у отца отбирала. Тете Люше, отцовой сестре, выдавала на хозяйство копейки. У меня, конечно, не было ни гроша. А куда без денег сунешься?

Увезла в Свердловск. Там жила ее двоюродная сестра. Мне, Аня, в тот момент было все безразлично. Знаю, это плохо. Но это было так. Сдал приемные с одной тройкой по физике, но... приняла. Парни, наверно, им были нужны. Дали общежитие. И потянулись дни «без божества, без вдохновения». Одно жизнь скрашивало: стал ходить в кружок профессора Портнягина — по хирургии. Читал много. Но вот случился стресс...

На майские праздники девчонки из соседней комнаты позвали к себе. Среди них была и Ирина. Девка — здоровая, видная. Все обхаживала меня. А мне, Анка, совсем нельзя пить. Отключаюсь. Когда проснулся, пришел в себя, смотрю — лежу на Иркиной кровати и брюки расстегнуты. В ужасе сразу же убежал в свою комнату. А через полтора месяца она зажала меня в углу и говорит: «Я беременна. И это от тебя. Если не женишься, пойду в комитет комсомола и ректорат. Тебя вышибут. Скажу — изнасиловал». Это было в пятьдесят пятом. Я на пятом курсе учился. Что было делать? Знал, что она так и поступит, хотя никаких отношений не было.

Двадцать седьмого июля, проклиная всю свою жизнь, повел ее в загс. Она даже взяла мою фамилию. Все остальное осталось по-прежнему. Только пузо ее росло. Перед тем, как отвезти в роддом, щеткой с мылом оттирал пятки. Черные были. Смотришь было противно.

Из роддома привез в общагу, а через три дня приехали ее родители и забрали девочку. Ребенок родился нормальный, но никаких чувств к нему у меня не было. Потом подсчитал: не могла

девочка быть моей. Не могла. Она все подстроила. Никаких алиментов они с меня не потребовали. Видно, понимали... А девочку регистрировал я. Записал Анной. Никогда больше не видел.

Скажешь — идиот и сволочь. Может быть... Но что должен был делать? Заноза эта проклятая сидит до сих пор. Где они — не знаю. Родители жили под Свердловском. Когда в пятьдесят шестом, после окончания, уехал в Ивдель — был назначен, — знакомые писали, что она, Ирка, совсем стала разгульной.

Вот так, Анечка, я повторил путь своего отца, хотя развелся с Ириной через год после регистрации. Она не противилась.

В шестидесятом Юра, старший брат, написал, что, поскольку отца и тети Люши уже нет и мать живет одна, я должен ехать в наш город и «дохаживать» матушку. У девок — сестер — свои семьи, он — человек военный, подневольный. А я могу своих пациентов резать в любом месте. Так я оказался снова в городе.

Но отец все-таки вырвался. За год до смерти уехал в Ленинград к дяде Антону, старшему брату. Тот после смерти жены в блокаду жил один в огромной двадцатипятиметровой комнате и с удовольствием принял брата. Только отец в первую же ленинградскую зиму сильно простудился. Слег. Больше не встал.

Тетя Люша, которую он должен был забрать, осталась с матерью, и та ее быстренько извела. Теперь я должен был выхаживать эту... Да простит меня Господь... Не было у меня к ней никакой жалости.

Умирала она тяжело: рак желудка. В больницу не захотела. Я разрывался между дежурствами, операциями и уходом за нею. Стала помогать Маша. Так мы и снюхались...

Маша — очень хороший человек. Очень. Преданный. Прекрасная хозяйка. Пацанов наших, Вовку и Антошку, близнецов, очень правильно воспитывает. Благодарен ей по гроб, но... Но люблю я тебя. Дня не бывает, чтобы с тобой не разговаривал.

Спросишь, почему не писал? А о чем было писать, когда «поезд ушел». Я знал, что ты вышла замуж. Что у тебя хорошие муж и сын. Что переехала в Москву. Защитила диссертацию. Преподаешь. Как мог своей непутевой жизнью тревожить твою устроенную? Разве имел право? Потому и сейчас не письма пишу, а в эту тетрадку. Должен же как-то освободиться от того, что жжет, теснит душу. А потому

Под шум и звон однообразный,
Под городскую суету
Я ухожу, душою праздный,
В метель, во мрак и в пустоту...

Анечка! Ни на какие подвиги и изменения я уже не способен. Только бы поднять пацанов. Их очень люблю. У нас с тобой было прекрасное начало. Мы очень любили друг друга. Если бы это начало могло стать эпилогом моего невыдуманного, истинного, скорбного романа, который я позволил себе назвать «Песнь песней»...

Р. С. 10 ноября 1966 года

Здравствуйте, Аня!

Всего несколько слов. Нет больше Сережи, Сергея Дмитриевича. Нет... Умер. Умер девятого сентября сего года на охоте. Мужики разбрелись, как это бывает, а когда собрались, он лежал тут же, в камышах. Вскрытие показало — инсульт.

Он очень страдал, Аня. Очень любил Вас и помнил. Я узнала о Вас, когда еще только с ним познакомилась. Мы работали вместе: я операционная сестра. Был он прекрасным специалистом, и народ к нему валом валил. Когда хоронили — море людей и море цветов. Нет его больше. Нет... Как жить одной с пацанами — не знаю. Им по пять лет.

Ваш адрес был на обложке тетради, которую нашла в его столе. Все. Прощайте... Маша.

г. Москва

Татьяна МЕДИЕВСКАЯ

Татьяна Медиевская — член Союза писателей России, москвичка. Окончила МХТИ имени Д. И. Менделеева по специальности «инженер-химик» и патентный институт. Работала тренером по фигурному катанию, инженером на строительстве Токтогульской ГЭС, патентоведом в научно-исследовательских институтах и на часовом заводе «Слава». В 2011 году окончила Высшие литературные курсы Литературного института имени А. М. Горького. Пишет стихи, рассказы, пьесы. Публиковалась в журнале «Юность», в сборнике поэзии и прозы «Путь мастерства», в сборнике современного рассказа «Точки соприкосновения». Автор книги повестей и рассказов «В поисках Цацы», сборника стихов «Надежда».

АНДАЛУСИЯ С ИСТОРИКОМ МОДЫ

Какой же русский не любит путешествовать?!

Уже четверть века, благодаря очередной русской революции 1991 года, мы, россияне, имеем возможность посмотреть весь белый свет, а не только страны соцлагеря с группой соотечественников, проверенных парткомом и райкомом. Вот мы и навещаем!

У меня есть друзья, которых можно назвать настоящими следопытами. С интересом слушаю их рассказы о поездках в разные страны. Они объездили почти весь свет: летали над таинственными надписями пустыни Наска, в Африке были раз шесть! А вы бывали в Африке? Нет, не в Египте, а в саванне.

Хотя в Египте есть природное чудо — Красное море. Если поплавать в маске даже вблизи

пляжа, вам откроется подводный мир — невообразимо прекрасный — то самое царство Нептуна, про которое мы в детстве читали в книжках, а потом видели по телевизору.

Всякий раз, когда я медленно проплывала вдоль разноцветного кораллового рифа, напоминающего райский сад, то восторгалась красотой подводных обитателей, забывала про мир людей и даже чувствовала себя почти той полосатой желто-синей рыбкой, за которой плыла. Оказывается, существует не только мир людей, и божий мир — это не только города, леса и горы. Насколько подводный мир отличается от привычного нам земного! Вот какое открытие я сделала в Красном море!

Но я, кажется, отвлеклась. А вы видели жирафов на

воле? Если да, то согласитесь со мной, что вереница жирафов, грациозно бегущих по желто-зеленой саванне, — захватывающее зрелище!

Но я хочу рассказать не об Африке, а об Андалусии. Это мое последнее путешествие. Я его не планировала. Все произошло почти случайно, стихийно.

Все началось с того, что историк моды Александр Васильев проводил выездные семинары в разных странах.

Какое я имею отношение к моде? Никакого, если не сказать, что я модница или даже франтиха. Согласитесь, что многие дамы подвержены этой слабости. Иногда я с интересом смотрю выступления Александра Васильева по телевизору (кроме передачи «Модный приговор»), покупаю его книжки, посещаю выставки, но что

бы поехать с ним куда-то — и в мыслях не было.

Инициатором поездки стала моя сестра, которая живет в Испании и учится на дизайнера одежды в Мадридском университете. Она давно следит за Васильевым на «Фейсбуке». Сестра и попросила меня составить ей компанию. Мол, одной ей страшно, да и муж ревнивый, сказал, что отпустит только со мной, серьезной старшей сестрой. К тому же поездка не на край света, а по Испании — почти ей родной. Она там с семьей живет и работает на благо Евросоюза, поскольку бизнес в России пришлось оставить из-за «непомерной заботы правительства о среднем и мелком предпринимательстве».

Видели в супермаркетах оливковое масло и маслины «Маэстро де олива» и «Иберика»? Рекомендую. Это марки моей сестры. Она настоящая бизнесвумен. Пашет как вол, спит по четыре часа в сутки, трое детей, муж головастый, но капризный. Сестра всегда великолепно шила и рисовала. И вот она для души взяла и поступила в университет. Восхищаюсь ей!

Надоело про сестру, ждете, когда я про Андалусию начну? Начинаю.

Итак, в середине ноября, когда мы с сестрой прилетели из Мадрида в Гранаду, выяснилось, что ее чемодан пропал. В таком же положении оказалась и еще одна дама — Лена. Она тоже прилетела на семинар Васильева транзитом из Женевы. Битых два часа мне пришлось провести в аэропорту, где они объяснялись со службой багажа. Я с тоской смотрела, как проходит ясный золотой денек. Сестру жалко и Лену. Мы еле успели на встречу с маэстро Александром Васильевым в холле отеля, где уже расположилась вся группа.

Маэстро приветствовал нас очаровательной улыбкой и пред-

ложил всем представиться по кругу. Дамы (группа состояла исключительно из дам) прилетели не только из Москвы, но и из Берлина, Монако, Калининграда, Риги, Казахстана, Питера, Иркутска.

Наряд Александра выделялся яркостью и величественностью: что-то и от петуха, и от кардинала. Красный плюшевый пиджак с крупной брошкой на лацкане, цветной шарфик на шее, брюки красные на тон ниже, и как завершение — большая кепка из серого твида.

Должна отметить, что одежда некоторых дам тоже отличалась экстравагантностью. Мне это очень понравилось, ведь где как не в такой компании любителей моды можно продемонстрировать свои неординарные наряды. В первый же вечер меня удивила одна дама. Маэстро называл ее графиня. Статная, лет за тридцать казашка родом из Астаны, замужем за английским графом, выделялась платьем-пальто из ярко-желтой тафты с рукавами буф до локтя, на ногах — высоченные шпильки на босу ногу, а прическа — а-ля бабетта — воронье гнездо. Это несмотря на то, что нас просили утеплиться для ночной экскурсии. Закаленная графиня выглядела райской птицей среди общей массы туристов в вечных брюках и куртках.

Альгамбра — архитектурное сокровище Испании и один из лучших в мире образцов исламской архитектуры. В нем на протяжении 250 лет жили Насриды — мусульманские правители Испании. Здесь расположены изысканные дворцы и сады арабских правителей, попадая в которые оказываешься в мире гармонии и грез.

Вот как об Альгамбре писал известный американский писатель Ирвинг Вашингтон в 1829 году: «Для путешественника, наделенного чувством истории и чутьем к поэзии — а история и поэзия

неразрывно сплетены в анналах романтической Испании, — Альгамбра может служить местом поклонения, как Кааба для правоверного мусульманина. Сколько сказаний и обычаев, исконных и позднейших, сколько песен и баллад — арабских и испанских — о любви, войне и рыцарских подвигах связано с этим монументом Востока!» Считается, что Пушкин сюжет «Золотого петушка» взял из легенды о восточном мудреце. Мне в это не верится. По датам не сходится!

В Альгамбре обитали мавританские цари: окруженные изысканной пышностью азиатской роскоши, они полагали себя владетелями рая земного и стали последним оплотом мусульманского владычества в Испании. Царский дворец образует лишь часть крепости, стены которой, усеянные башнями, вкривь и вкось охватывают всю вершину горы — отрога Сиерры-Невады, снежной цепи, и нависают над городом; снаружи крепость кажется беспорядочным скоплением башен и зубчатых стен, воздвигнутых наобум и без всякого архитектурного плана; стройность и красота, которые царят внутри, извне невидимы.

Во времена мавров крепость легко вмещала сорокатысячное войско и служила, помимо всего прочего, оплотом властителей против взбунтовавшихся подданных. Когда христиане покорили царство, Альгамбра осталась королевским владением — непостоянным обиталищем кастильских государей. Император Карл V начал было строить в стенах Альгамбры пышный дворец, но не довершил его из-за частых землетрясений. Напоследок Альгамбру почтили своим посещением король Филипп V и его прелестная супруга Елизавета Пармская в начале XVIII столетия. К их прибытию готовились не на шутку. Дво-

рец и сады принялись обновлять, привезенные из Италии художники помогли оборудовать новые апартаменты. Королевская чета прогостила недолго, и после них дворец снова пришел в запустение».

А сейчас, в XXI веке, 15 ноября 2014 года, в девять вечера, что я увидела?

Прожекторами подсвечены потолки и стены. Мне показалось, что я оказалась в «Сказке 1001 ночи». Легкие рельефы и причудливые арабески украшают стены. Поражает их неистощимое разнообразие и гармоническое единообразие, особенно своды и купола, то ли сотовидные, то ли разрисованные изморозью — сталактиты и всяческие орнаменты, ошеломляющие затейливостью узора. Оказывается, что все это — лепнина из алебаstra, щедро позолоченная, а зазоры растушеваны япислазурью и киноварью.

Снизу стены покоев на несколько футов выложены глазурными сине-голубыми плитами. Понятно, откуда пошла голландская плитка?

Очарованная, высоко задрав голову, я переходила из чертога в чертог, слушая в наушниках голос маэстро. Он рассказывал о легендах Альгамбры. Мы переносились в иные времена и в иное царство: мы попали в Аравию. Редкий контраст — между невзрачной наружностью дворца и сценой, нам открывшейся. Мы оказались в просторном патио, или дворике, вымощенном белым мрамором, с легкой колоннадой по концам, с одной стороны над нею была изящная узорчатая галерея. На лепнине карнизов и всюду по стенам — щиты и надписи: выпуклая арабская или кувфическая вязь, благочестивые девизы мусульманских государей, строителей Альгамбры, и хвалы их благородству и щедрости. Посреди дворика — большой

бассейн с золотыми рыбками. Мавританский сводчатый проход вывел нас оттуда в знаменитый Львиный дворик... В центре двора — воспетый и прославленный фонтан. Алебастровые водостоки по-прежнему точат бриллиантовые капли; двенадцать львов, которые их поддерживают и дают имя двору, источают хрустальные струи. Пышный портал ведет со двора в Чертог Абенсеррахов. По легенде, именно здесь были вероломно умерщвлены потомки блистательного рода, тут у белого мраморного фонтана им рубили головы, а большие ржавые пятна на каменных плитах — следы крови.

В Чертоге правосудия, по ту сторону дворика, в присутствии Фердинанда и Изабеллы и их ликующего двора совершалась пышная месса в честь взятия Альгамбры. Даже крест еще виден на стене, за воздвигнутым алтарем, на котором совершали жертвоприношение великий кардинал испанский и другие высокопоставленные прелаты. Можно представить, как все это пространство заполнили победоносное войско, епископы в митрах и бритые монахи, закованные в латы рыцари и разодетые придворные, кресты, посохи и статуи святых вперемешку с гордыми воинскими знаками и знаменами надменных военачальников. Триумфальное шествие по мусульманским чертогам. Можно представить и Колумба, будущего открывателя мира, как он скромно стоит в дальнем углу, смиренный и незаметный наблюдатель этого хоровода. Воображение мое рисует католических государей, простирающихся перед алтарем и возносящих благодарения за свою победу; а своды гудят от церковного пения, от басовитого *Te Deum!*

И тут... вдруг ко мне подбегает сестра с криком: «Я тебя потеряла! Идем, Васильев рас-

сказывает о гастролях балета Дягилева в Альгамбре!» Видение растаяло.

На другой день мы поехали в Севилью по живописной дороге среди оливковых рощ. Чтобы мы не скучали в пути и погрузились в испанский колорит, нам показывали старые музыкальные фильмы с несравненной Сарой Монтьель. 1959–60 гг. — «Кармен», «Королева Шантеклера», а ее исполнение песни *Besame mucho* непередаваемо!

Первое, что меня поразило в Севилье, — это здание табачной фабрики, где работала настоящая Кармен из Проспера Мериме. Это, оказывается, — дворец!

А павильоны выставки всемирной 1929 года очень похожи на нашу ВДНХ расцвета социализма.

У Кафедрального собора со мной случилось маленькое происшествие. Перед входом крутились цыганки, но, увы, на Кармен не похожие. Они тучей налетали на новую группу туристов и предлагали зеленые миртовые веточки. Я невольно протянула руку, и... тут черные глаза впелись в меня. Почти уже загнипнотизированную, сестра увела меня под недовольные выкрики цыганки.

В соборе — пышность, богатство. Гроб Колумба висит на цепях, которые держат четыре рыцаря. Колумб обиделся на королеву Изабеллу за то, что она лишила его всех титулов, приказала заковать в кандалы, как преступника, и привезти на корабле из открытого им для христианства Нового Света в Испанию. Так католические короли отблагодарили его за открытие Америки! Колумб завещал не хоронить его в земле Испании. Вот как потомки выкрутились с гробом Колумба! Известно, что короли всегда обманывают! Деньги для экспедиции брали в долг у банкиров, награбленное золото Америки отдавать не хотелось, поэтому решили

изгнать из Испании всех евреев и мусульман без имущества или гуманно заставляли принять крещение. Кровь арабов, слезы евреев, огни аутодафе — инквизиция свирепствовала. Вот Испания XVI века.

Современная Севилья вся утопает в зелени. Вдоль улиц благоухают цветущие кусты жасмина и апельсиновые деревья с золотистыми плодами. Можно отдохнуть в чудных маленьких апельсиновых двориках с фонтанами, выпить чашечку кофе, отведать *tortillia de samarones* — что-то вроде чипсов из морепродуктов. Вкуснятина! В воздухе стоит терпкий свежий аромат от раздавленных упавших и перезревших плодов.

Алькасар — великолепный, роскошный дворец с садами, где в течение почти семисот лет жили и правили испанские короли. Верхние покои Алькасара и сейчас используются королевской семьей в качестве официальной резиденции в Севилье. Поразило разнообразие и великолепие садов с диковинными деревьями.

Как-то утром в Севилье нам сказали, что в своем дворце умирает восьмидесятывосьмилетняя герцогиня Альба. Да, та самая — потомок Альбы, которую писал Гойя! После посещения дворца Сан Тельмо мы, проходя мимо дворца Альбы, увидели скопление народа, журналистов и катафалк. Когда позже мы втроем — я, моя сестра, живущая в Испании восемнадцать лет, Лена, живущая во Франции пятнадцать лет, — проходили по улице, то увидели длинную очередь. Сестра моя спросила по-испански у юного официанта уличного кафе: «Куда стоят эти люди?» Он ответил: «Это очередь в капеллу. Как вы хоронили своего Сталина, так мы желаем проститься с нашей любимой Альбой!» Как, интересно, он узнал, что мы русские?

Герцогиня Альба была самым титулованным и богатым человеком планеты — знатнее английской королевы. Говорят, что можно объехать земной шар, не выходя за владения герцогини Альбы. Она была доброй и простой. Два раза овдовела, шесть детей. Последний раз вышла замуж по любви в восемьдесят пять лет. Ее дети дали разрешение на брак только после того, как ее возлюбленный, на двадцать лет моложе ее, совсем отказался от наследства Альбы. В день похорон в Севилье сияло солнце, температура была двадцать шесть градусов.

Пропавшие чемоданы нашлись после того, как моя сестра и Лена купили себе вещей. Потом им пришлось их сдавать, а мне томиться с ними в торговом центре.

Ездили мы и в Кордову, где меня поразила мечеть: огромные пространства с бесконечными рядами колонн, перекрытых полосатыми оранжево-белыми арками. Внутри мечети испанцы после завоевания построили роскошный собор. Алькасар христианских королей, казалось, собрал все колониальное золото.

В Севилье мы посетили блошиный рынок. Чего там только не было! Какие колоритные продавцы и в основном безликие туристы-покупатели. Я купила две старинные брошки, а Александр Васильев — картину пушкинских времен: без рамы, холст весь в мелких дырочках, изображена влюбленная парочка в саду на скамейке. Кавалер — вылитый Грибоедов, дама, как Натали Гончарова, в розовом воздушном одеянии. Позы амурные, цилиндр и шляпка валяются на траве. Мне показалось странным, что дама обута в грубые зеленые ботинки. Я спросила об этом Александра. Он ответил, что именно так одевались тогда, и эта деталь и есть доказательство

подлинности картины неизвестного художника, что это ширпотреб того времени, как лебеди или серые волки с Алenuшкой над кроватью у нас в 50-е годы.

Вечером мы ходили на фламенко. В зале народу было мало: наша группа заняла четыре столика, в партере расположились десять китайцев с термосами. За столиком нас обслуживала русская официантка. Маэстро кричал «браво!» громче всех. Так хороши были танцоры: молодые, красивы. Пели и танцевали профессионально — настоящие артисты! Но до великого Антонио Гадеса, которого я видела на гастролях в Москве, им, конечно, далеко! От его фламенко по огромному залу Дворца съездов носился мощный архаичный дух — дуэнде. Настоящий исполнитель фламенко испытывает особое, невыразимое упоение (*duende*), которое передается зрителю. Гете говорил об этом состоянии так: «Таинственная сила, что каждый чувствует, и ни один философ не может объяснить». Дуэнде выходит за рамки техники и вдохновения, это загадка фламенко, говоря словами Федерико Гарсиа Лорки: «Чтобы найти дуэнде, нет ни карты, ни инструкции».

Или вот у Иосифа Бродского про фламенко:

И черный туфель
на гладь паркета
ступает; это
как ветер в профиль...

Ну какая же Андалусия без Дон Жуана! Обыкновенный бронзовый памятник первому распутнику, незаконнику, мечтателю, обожающему любовь, насмешнику, лицемеру и богоборцу украшает маленькую площадь Севильи.

Каждый народ и эпоха выражают в поэзии и музыке свой образ Дон Жуана от Тирсо де Молино и Мольера до Моцарта, и Пушкина, и Блока.

Александр рассказал нам легенду, что у настоящего, не литературного Дон Жуана — Дона Хуана Тенория, графа, жившего при Педре Жестоком в эпоху «плаща и шпаги», была коллекция из тысячи женских подвязок. Маэстро сокрушался, что у него нет ни одной старинной подвязки.

Александр Васильев как-то гармонично вписался во все это испанско-мавританское окружение. Он интеллигентный и высокообразованный человек — знает семь языков, тактичен, внимателен со всеми, прекрасный, умный собеседник, настоящий трудоголик — стремится без усталости донести до всех культуру — мотается по России и другим странам с лекциями о моде. Мода — это не только бантики и длина юбки. Мода — это целая вселенная, философия. Она пронизывает все на свете: платья, мебель, машины, здания, сады, увлечения, разговоры, политику. Никто не свободен от моды, даже тот, кто считает себя вне моды. Мода определяет философию своего времени и отдельного человека. Вот вам провокационный вопрос: «Что носили накануне войн?»

Сам маэстро каждое утро выходил к завтраку свежий, как майская роза, улыбающийся, приветливый, в новом для нас наряде и головном уборе. Все подобрано по гамме цветов, стилю, и неизменное завершение наряда — большая брошь или кулон и шарфик.

Для нас, дам, маэстро всегда находил добрые, особенные слова — не пустые комплименты, а внимательно замечал достоинства каждой.

Он рассказывал о предметах искусства не занудно, как обыкновенно это делают даже самые образованные экскурсоводы, а легко, с шутками, анекдотами, находя исторические и географические параллели и переклички, указывал на интересные детали на полотнах известных мастеров: как можно по малейшим деталям костюма и убранства шедевра живописи определить эпоху и художника.

В Мадриде, кроме музея «Грандо», мы посетили музей частных коллекций баронов Тиссена-Борнемица. Маэстро обратил наше внимание на то, что коллекцию начали собирать в Швейцарии в 1942 году, и все работы небольшого формата можно унести в чемодане. Почему? В Швейцарию бежали от нацистов евреи, у них и скупались шедевры. Есть сведения, что жена начальника продовольствия в блокадном Ленинграде собрала уникальную коллекцию старинных курительных трубок. Бог им судия! А то бы просто все пропало, а они сохранили!

Посетили изумительную выставку Cubert de Givenchy. Костюмы Жаклин Кеннеди, Одри Хепберн, Софи Лорен. Совершенство линий, качества тканей, богатство украшений! Красота!

В последний день посетили мадридский блошиный рынок. Я стала свидетелем, как в одном антикварном магазине Александр выторговывал себе для коллекции веер XVII века у хозяйки магазина, которая здесь уже семьдесят лет... Virtuозно торгуясь, Александр очаровывал эту почтенную даму, похожую на покойную герцогиню Альбу, комплиментами и шутками. Он даже исполнил для нее модную нынче испанскую песню Quizas, quizas, quizas, за что получил изрядную скидку.

Я ночным рейсом улетала домой, и меня провожала сестра, а Александр, несмотря на усталость и легкую простуду, заглушенную таблетками и каплями, летел транзитом через Москву в Казань читать очередную лекцию о моде, о стилях или об иконах. Для него нелегко подвести ожидания поклонниц!

Александр Васильев — знаток искусства и самоотверженный его пропагандист!

А Испания?

Испания — это волшебство,
Блок, донна Анна:

Что изменнику блаженства звуки?
Миги жизни сочтены.

Донна Анна спит, скрестив
на сердце руки,
Донна Анна видит сны...

Все мы немножечко испанцы!

г. Москва

Сергей ШУВАЛОВ

Сергей Шувалов, 40 лет. Родился в Москве. Поступил в технический вуз. Через несколько лет получил финансовое образование. В настоящее время занимается бизнесом. Увлекается рисованием, спортом.

МАЛЬЧИКИ

Мальчики, их было трое, ходили вдоль песчаного обрыва над рекой и как будто что-то искали. Я знал одного из них: он учился в классе годом старше. Его звали Геной. Рослый, худощавый, атлетически сложен, ему было четырнадцать лет. Он никогда не был один. Я видел, что в своей компании он пользуется большим авторитетом. Даже возвращаясь из магазина, сумки он не носил. Можете теперь представить, как его все уважали. Я мечтал, что когда-нибудь и я буду с ними, что мои одноклассники увидят меня с таким значительным чело-веком и тогда я тоже приобрету авторитет.

Как-то стоял я метрах в двухстах от них в поле, которое начиналось сразу же от дороги, идущей вдоль обрыва. Стоял полусогнувшись, опираясь руками о колени и смотрел сквозь листья полыни. Иногда они мешали и маячили перед глазами, поэтому мне было сложно наблюдать, но зато я-то уж точно был незаметен. Гена высокий, его отовсюду было видно, а двое других — маленькие, прижались к земле и ползали

вокруг него, как червячки. Вдруг он остановился, присел на корточки и вытянул одну руку вперед, указывая на что-то. Остальные как по команде усталились в землю и стали по ней шаркать ногами.

Я подошел на такое близкое расстояние, что уже боялся быть замеченным, но так их голоса были слышнее.

— Сколько? — говорил один из них, похоже, не Генка.

— По пятаку.

— Согласен, — отрывисто ответил первый.

— Бросай давай... Вот отсюда.

— Пусть теперь он.

«Наверное, это Генка говорит, — подумал я. — И голос у него авторитетный, как и должно быть. Вот если бы оказаться чем-нибудь полезным Генке...»

Я все больше убеждал себя в том, что хочу быть рядом с ним.

— Перекурим? — предложил Гена через некоторое время.

Как хорошо было бы сейчас посидеть с ними на корточках прямо над обрывом, пуская кольца дыма по ветру, представил я себе. Но уже пора было домой. И есть

очень хотелось. Я тихонько, пригибаясь, повернулся и пополз на коленях обратно к городу. Аккуратненько так, чтобы никто не заметил.

Дома съел целую кастрюлю супа — потом даже со стула встать не мог. Мама радовалась. Куда же после такого переедания уроки сразу делать! Пошел полежать и заснул. А снился мне Генка, я это точно запомнил, и играли мы с ним в его игру, а нас окружали друзья, как мои, так и его. За меня весь класс болел. И играли не на пятак, а на целых десять рублей! Тогда, во сне, я успел только подумать, что если выиграю, все маме отдам — мне не жалко: пусть знает, какой у нее щедрый сын. Деньги, они всегда нужны, особенно нам. Уважать меня будет и относиться совсем по-другому. Советоваться. Во сне проиграть не страшно. И я проиграл. Это не страшно, если кому-то рассказываешь, что проиграл во сне, а вот пока не проснулся — страшно. И я этот страх испытал. И как обрадовался, когда понял, что это сон! Просто счастье, что ничего плохого на

самом деле не произошло! И понял, что на большие деньги точно играть не буду, даже если Гена меня принуждать станет. Проиграю ему немножечко — все. Зато он меня в свои друзья, может, запишет.

На следующий день на первой перемене я уже искал его в толпе, даже не побежал в буфет. Гена высокий, его легко найти. Но я его так и не увидел. Интересно, где он? Я подошел поближе к его классу и, стоя у подоконника, сделал вид, что наблюдаю за первоклашками во дворе. Но в классе его не было. Может, он заболел? Хотя сложно было представить, что такие люди болеют. Сильные, выносливые, большие.

Дни проходили, а Генки все не было. Но я был очень любопытный и упрямый. И вот однажды, как обычно, уже на первой перемене осторожно заглянул в Генкин класс. И уже собрался было уйти, когда почувствовал, что кто-то сзади положил мне руку на плечо.

— Постой-ка... Кого ты тут ищешь?

Я обернулся, немного испугавшись, и увидел старшеклассника: рыжий такой, весь в веснушках. Он, прищурившись, смотрел мне прямо в глаза.

— Я?... — испуганно начал я. — Гену ищу...

Сам не знаю, почему я признался. И мне еще страшнее стало.

— Гену? — повторил старшеклассник, и на его лице появилась испуганная гримаса. — Ты что, с головой не дружишь, дурак? — чуть заикаясь, произнес он.

Я не ответил, потому что прозвенел звонок, и я кинулся в свой класс.

Страх преследовал меня всю неделю. Мне казалось, теперь уже кто-то знает мою тайну, и это не пройдет для меня даром. Так и получилось. Я вышел гулять во двор и там заметил какого-то

парня. Лицо у него было круглое, а глаза как у хомяка. Вид — суровый. Я страшно испугался, но все же направился к нему. Увидев это, он уверенным шагом тоже пошел в мою сторону. «Если не я сейчас, то потом он сам ко мне подойдет», — подумал я тогда. Коленки у меня задрожали, но я шел и пытался виду не подавать. Он приблизился ко мне и, прищурившись так же, как рыжий старшеклассник, спросил:

— Ты зачем Гену искал?

— Хочу сыграть с вами.

Сам не знаю, почему я так ответил. Видно, осмелел в тот момент.

— А-ха-ха-ха! — рассмеялся он.

Смех его был мне неприятен.

Очень неприятен.

— А чего ты смеешься? Хочу играть, вот и возьмите меня как-нибудь!

— Кто ж тебя возьмет? — ответил он и опять неприятно рассмеялся. — Забудь, понял? И больше не ищи никого!

Я отшатнулся.

— А еще раз возникнешь — получишь по башке. Привет от Качана!

Я обрадовался.

«Слава богу! — подумал я про себя. — Пронесло. И не буду больше возникать!» Сразу стало как-то спокойнее.

В тот день я сидел у окна и смотрел вдаль. Хотелось что-нибудь увидеть. Однажды, очень давно, случайно услышал рассказ моего отца о каком-то фильме. Он смеялся, говоря о том, что фильм сам по себе — ерунда, но случайно в камеру во время съемок попал НЛО — вот и прославился. Я и подумал: если все время смотреть на небо, то обязательно увидишь НЛО. Из окна всегда открывался один и тот же вид: недалеко от моего дома, по поляне, за дорогой, шла одна тропинка, еле заметная, но я точно знал, что она там есть и что можно по ней пройти к оврагу, срезав путь.

По тропинке особо никто и не ходил. И вдруг взгляд упал на четырех мальчиков, которые быстро шли по этой самой тропинке. В одном я сразу признал Генку.

«Почему они не хотят со мной играть?» — подумал я опять и принялся за уроки.

За окном уже почти ничего не было видно, но я себе представлял, что они, мальчишки, во главе с Генкой все еще играют, а кто-то из них — да что тут гадать кто, конечно, Гена, — выиграл все деньги. А я вот тут сижу, делаю уроки. И всю ночь не мог заснуть: представлял, что выиграю у всех, и меня зауважают, да и денег будет куча.

На следующий день, когда мы с ребятами во дворе играли в футбол, ко мне незаметно подошел Качан. Я и просто так его уже боялся, а тогда совсем испугался.

— Хочешь сыграть, значит? — начал он.

— Не знаю... — растерянно произнес я. — Ты же сказал, чтобы я забыл, вот я и забыл.

— Завтра приходи! Знаешь куда?

— Знаю, — ответил я честно.

— Откуда? — подозрительно спросил он. — Кто рассказал?

— Да никто не рассказывал, успокойся. Я сам вас видел однажды.

— Ты что врешь? — оскалился Качан и схватил меня своей сильной рукой за воротник. А потом еще сплюнул вбок, да так, что мне стало уже совсем неприятно.

Я схватил его кисть и сказал:

— Отпусти меня!

— А-а-а, испугался? — Он мерзко засмеялся, рванул меня, демонстрируя силу, и только потом отпустил.

Я растерянно стоял перед ним и смотрел в землю.

— Деньги есть?

Я уже понял, что придется отдать все, что есть.

— Сколько?

— Сорок копеек.

— Давай.

Я залез в маленький карман своей новенькой куртки и вытащил оттуда две монеты по двадцать копеек.

— Завтра еще рубль принесешь! Понял? — И он опять схватил меня рукой за воротник, на этот раз так, что чуть не поднял.

— Понял, понял... — совсем испугавшись, промямлил я. — Отпусти меня.

— То-то! — произнес он и снова сплюнул.

Потом я спрятался за кустами и заплакал. Плакал долго, пока все не выплакал. Вытер слезы и пошел домой.

Но тяжесть на душе осталась. Я тогда еще подумал, что всегда всего боюсь, но хочу казаться храбрым. Помню, еще зимой мы играли в снежки, я нагнал одного парня, а он на гараж залез, я — за ним. Ему бы перепрыгнуть на другой гараж, потому что иначе я со всей силы кину снежок ему в голову. А он остановился, оглянулся, загородил рукой лицо и взглядом просил не кидать. Я зачем-то крикнул ему: «Ну что, прыгай, трус, иначе получишь у меня!» И рассмеялся. А он так неуклюже сел на корточки и аккуратно, боясь оступиться, стал слезать с гаража. И вдруг показался мне таким жалким, таким беспомощным, что я выбросил снежок и крикнул ему вслед: «Эй, ты! Беги к своим — в следующий раз не пожалею!» — сам ведь я не боюсь прыгнуть. Ну-ка, позову всех, пусть все видят, какой я. Ребята собрались, затихли. Ждут. Мне это было приятно. Я подошел к краю гаража и посмотрел вниз. Высоко. Смогу ли перепрыгнуть? И разгона нет. Тут вдруг почувствовал, что не смогу. Стало страшно. А все ждут, смотря... Я разогнался, зажмурился, но прыгнуть не получилось. Поскользнулся в последний мо-

мент и кубарем скатился в сугроб. Все смеялись до упаду. И я тоже вместе с ними, весь в снегу, радостный. Хорошо, что поскользнулся.

Вот и сейчас страшно. Сыграл бы сейчас, и все. А так еще целые сутки ждать.

Следующий день не задался уже с утра. Я получил тройку по математике. Это было очень обидно. А на перемене побежал в буфет за эклером, а там толпа. Я давай толкаться, стараясь пролезть вглубь. И тут, неизвестно почему, раскрыл ладонь, и все деньги просыпалась. Ну что там соберешь! Я выбрался и заплакал. Сколько можно? Тройку получил, голодный, да еще и двадцать копеек потерял.

Уроки кончились. Настроение было плохое. И погода казалась плохой. Я зашагал к пустыре у обрыва.

Когда я пришел, Качан и Кулач стояли поодаль, и был еще кто-то, кого я не знал. Гена сидел боком и глядел в сторону реки.

— Пришел? Деньги принес?

— Да, — ответил я.

— Молодец! — Гена посмотрел на меня и улыбнулся. — Качан, возьми у него деньги и распредели на пять конов.

Качан подошел ко мне и, злобно прищурившись, взял все, что было, и отнес Гене.

Калач стоял недалеко, сложив руки на груди, будто бы охранял нас.

Я играл с Генкой и Качаном. Проиграл все очень быстро. Даже не заметил как. Азарт захватил меня. На последнем коне мне показалось, что я могу их обыграть. Жаль, денег больше нет, а то бы уже начал выигрывать! Денег было не жалко совсем, не знаю, почему (вообще-то я всегда был прижимистым). Авторитет, может, у Генки такой, что вроде как если я ему эти деньги отдаю,

то это важнее, чем сохранить их у себя.

— Эх, черт! Жаль, все слил! — сказал я Генке с волнением. Будто хотел от него услышать, что он жалеет меня хоть чуть-чуть, ну и раз все мое уже у него, может, заметит меня теперь и будет лучше относиться.

Но он вдруг неожиданно сказал:

— Еще хочешь сыграть?

— Да нет, — ответил я. — Денег нет, да и домой пора. Мама ждет.

— Ну ладно, спешить некуда, давай!

— Гена, не на что играть...

Тогда он наклонился ко мне и сказал очень загадочно:

— У меня к тебе предложение есть. — Он вынул из кармана... не знаю, сколько.

Я такие пачки видел только по телевизору, знаете, в шпионских фильмах.

— Вот тут триста рублей. Выиграешь — твои. А проиграешь...

Откуда же у него такие деньги? Да и не важно, в общем. Что я могу купить на такую сумму?! И сколько бы не думал, больше, чем на пятьдесят рублей, моей фантазии не хватало. А куда же девать еще двести пятьдесят? Тут я вдруг представил, что остальные деньги отдам маме и очень помогу ей. Возможно, она будет гордиться мной после такого поступка.

— И что тогда? — спросил я.

— Тогда... — Гена задумчиво прошелся, не глядя на меня. А потом внезапно остановился и сказал весело: — Тогда мы тебя повесим!

— А как это? — улыбнулся я, ничего не понимая. — За руки, что ли?

— Не-ет! — перебил меня Гена. — Вот за что! — Он резко взял себя за шею и так сильно сжал руки, что его лицо посинело, вдобавок он еще язык высунул, чтобы изобразить мертвого.

Мне понравилось, как он это продемонстрировал: правдопо-

добно, но при этом смешно. И я тоже залился смехом вместе со всеми.

— Согласен! — не задумываясь, ответил я.

Играли мы не спеша, и я метил очень тщательно. Гена сделал свой последний бросок и сравнял очки. От меня зависела игра. Я посмотрел на камешек, лежащий в круге, плохо прорисованном палкой на земле, и даже как будто попытался взглядом приблизить его к себе, чтобы можно было дотянуться рукой. Зажмурил один глаз и плавно, не спеша, отвел правую руку. Мой камень оторвался от руки и полетел. Он летел очень точно, и мне казалось, что я подправлял его взглядом. Угодил он прямо в камешек, лежащий в круге, но немножко сбоку, так что тот завертелся, закрутился и пошел плясать внутри круга — того и гляди выбежит из него. Вот он и остановился. Все подбежали так близко, что не видно было, вышел он из круга или остался внутри.

— Дайте и мне посмотреть! — крикнул я и налег сверху.

— А-а-а, не вышел, не вышел! — закричал Качан. — Быть тебе повешенным! — радостно объявил он.

Я оторопел. И вдруг почувствовал, что все мигом перевернулось с ног на голову. Будто бы перешел какую-то черту. Рванулся, хотел было бежать, но сильные руки Генки остановили меня.

— Куда? — любопытствовал он. — Ну-ка, хватай его! — закричал Генка своим ребятам.

Я только успел увидеть небо. Оно было каким-то странным, расколотым на рваные куски, с белыми пятнами. Там, за ними или где-то рядом, было солнце. Оно пробивалось сквозь эти куски, стараясь изо всех сил, но увидеть его было невозможно. А так хотелось.

Гена сильно надавил мне рукой на шею, придушив меня, а Кулач с Кулачом взяли за руки сзади.

— Держи его, держи! — кричал Кулач. — Брыкалестый какой! — слышал я, и с каждой секундой сопротивление мое слабело. Глаза закрылись от летевшей в них пыли, и я думал о том, что, когда они откроются, все встанет на свои места.

— Найди табуретку там, на свалке, и тащи ее сюда, времени мало! — быстро распорядился Генка, посмотрев на Калача. — Ну что, успокоился? — спросил он меня.

— Да... — ответил я чуть слышно. — Гена, дай подышать, пожалуйста, ослабь руку.

Гена, не отвечая, убрал руку с моей шеи. У меня уже совсем не было сил. Приоткрыл глаза и увидел, как будто бы в окне за стеной дождя, тот самый камешек, который я так и не выбил. Я понял, что ничего не изменилось и это не сон. И тогда мне стало все равно.

Наверное, в тот момент я сказал самую главную фразу в своей жизни — слова самоотверженного человека:

— Гена, если решили что-то делать, то делайте. Только, пожалуйста, не медлите. Я хочу, чтобы все было быстро. Не хочу мучиться.

И даже пощады не попросил. А Гена удивился. Я это почувствовал.

Обычно после таких порывов у людей обязательно возникает малосенькая надежда. Вот и у меня было так же. Но я решил молчать. Мне мама как-то совсем недавно рассказывала, что душа у человека живая. А тело — всего лишь оболочка. И когда человек умирает, душа покидает эту самую оболочку и вселяется в новую. Вот я и думал о том, что если со мной, то есть с моей оболочкой,

что-то произойдет, то я ведь совсем не умру, я только покину свое тело, взлечу вверх, метров так на десять, а может, на пятнадцать, и посмотрю на ребят сверху... А потом рассмеюсь и крикну им, что вот он я и что они со мной уже никогда ничего не смогут сделать. И полечу к себе домой прямо в окно. А что будет дальше, не придумал. Эти мысли немного меня успокоили. Я так быстро и так правильно приготовился к самому страшному для человека, что это совсем перестало быть страшным...

Кулач притащил старый стул с помойки и посадил меня на него. Гена отошел от меня на несколько метров, посмотрел в сторону и сказал:

— Мы хотим вынести справедливый приговор за твое поведение. Я насквозь тебя вижу и понимаю, что ты не достоин жить — в этом заключается справедливость.

— Почему? — спросил я.

— Потому, что ты трус. Но все время лезешь на рожон.

— Это как?

— Если ты не трус, то докажи это, а иначе сиди дома. А ты мало того что трус, так еще и выскочка. Решил в одночасье меня обыграть. А зачем ты вообще согласился играть со мной на таких условиях? Соображал, что делал? Ты думаешь, мы все тут шутим?

— Ну и что ты можешь сказать в свое оправдание? — обратился ко мне Гена.

Я что-то захлюпал, уже почти заплакал... И жалобным голосом пробормотал:

— Гена, прости меня, ты прав! Отпустите меня. Пожалуйста!

— И тут я заревел навзрыд.

— Он еще плачет, — бросил в мою сторону Качан.

— Да-да, — прибавил Гена, — тебе сейчас легко прощение просить. А нам нужно суд вершить. Чтобы все было справедливо.

— Я уже достаточно натерпелся, отпусти меня! — просил я.

— Ну что же... Как большинство решит... — ответил Гена и, улыбувшись, посмотрел на Качана, Кулача и третьего парнишку, сидевшего поодаль.

— Итак, голосуем, отпустить его или нет.

Кулач с Качаном подняли руки за то, чтобы не отпускать. А мальчишка руки не поднял. Видно, растрогал я его. И тогда мне опять показалось, что появилась надежда... Я посмотрел на Гену так жалобно, как только мог, думал, что он будет все-таки на моей стороне. Но Гена был непреклонен и поднял руку.

— Ага, значит, не отпускаем! Вот видишь? Все справедливо. Большинство решило так. Слышали, что он признал свою вину и сказал, что я прав? — пренебрежительно показывая на меня пальцем, продолжил Гена.

— Да! — в один голос отозвались Качан с Кулачом.

— В таком случае суд должен проявить снисхождение, учитывая чистосердечное признание. Какое в данном случае может быть снисхождение? Ну... отпустить мы тебя уже не можем — сам понимаешь, все зашло слишком далеко. Поэтому я предлагаю не тянуть с приговором и привести его в исполнение как можно быстрее, чтобы подсудимый не мучился. В этом-то и состоит наше милосердие, — закончил Гена и залился страшным хохотом.

Качан и Кулач тоже рассмеялись, очень довольные тем, что их предводитель вынес справедливый, обоснованный, да еще и гуманный приговор.

Вдруг Гена перестал смеяться. Произошло это как-то совсем быстро, в одно мгновение. Он вытянулся, поднял руку вверх, лицо стало очень серьезным, и громкогласно объявил:

— Повелеваю привести приговор в исполнение в течение пяти минут. Место казни — вон у того дерева. — И он показал на одинокую сосну, стоявшую посреди поля метрах в пятидесяти от нас.

Когда я был еще совсем маленьким, мы с мамой часто гуляли зимой в этих местах, и я тогда не понимал, почему эта сосна выросла одна посреди поля. Разве так бывает? Судьба у нее действительно была незавидная. Она стояло одна, обдуваемая холодными ветрами, запорошенная снегом и покрытая ледяной коркой. Да и люди наверняка никогда не оставляли ее в покое. Подойдет кто-нибудь к ней да и чиркнет ножичком «здесь были Коля и Петя»... А ведь это для нее рана. И пустит сосна слезу из раны, и засохнет та на стволе. Так и стоит она вся в слезах, качаясь из стороны в сторону много-много лет.

Меня подвели к дереву. Поставили стул. Он шатался: одна ножка была надломлена. Кто-то быстро закинул веревку на один из толстых сучьев, отходивших от дерева почти параллельно земле, метрах в двух от нее.

В тот момент сознание мое включилось. Я чувствовал, что веревка сильно сдавливает шею, и долго я так простоять не смогу. Тело била дрожь, подбородок прижался к ключице, чтобы хоть как-то ослабить удушье, рот тем временем жадно ловил последние глотки воздуха.

Кто-то выкрикнул:

— Ну все, хватит, снимай его, а то совсем задавим!

Стул подо мной закачался и я оступился... Сильные руки схватили меня за колени, обвив спасательным кругом.

— Держи его! Черт, у меня сил нет! — кричал кто-то.

— Калач, режь веревку, режь быстрее!

Я с размаху упал на землю. От удара меня подбросило вверх,

только голова безжизненно болталась на обрезанной веревке, не отрываясь от земли.

— Режь быстрее, вот тут, где узел!

— Да освободи ты его!

Несколько секунд, и я, почти уже бездыханный, вздохнул полной грудью, наполнив каждую чуть живую клетку спасительным кислородом.

Дождь омыл меня. Я лежал у этого одинокого дерева еще долго. Не было сил плакать. Лежал и смотрел куда-то вдаль, туда, где мог оказаться уже сейчас, но вот лежу на холодной сырой земле, меня тошнит, страшно болит плечо, на которое я упал, и шея, стертая веревкой до кровавых ссадин. И я живой. «Живой!» — думал я и улыбался.

Мама спросила вечером, что у меня с шеей, почему у меня такой вид и дрожат руки. А я сказал, что мы играли в «застенки гестапо», а я был заключенным, но военной тайны не выдал даже под пытками. Сказал и пошел спать.

Я ненавидел Гену. Какие только планы не строил! Все перемешалось в моей голове. Мечь, злоба, желание наказать его. Все эти мысли мешали мне жить. Я думал только об этом, но ни на что не мог решиться. И вот однажды, когда страсти во мне поутихли, я встретился с Геной лицом к лицу у школьной раздевалки. Он неожиданно улыбнулся мне и сказал:

— А ты вовсе не трус, как я думал. Ошибался. Молодец. Никому не сказал. — И похлопал меня по плечу.

— А я никому и не собирался говорить.

— Если тебя кто тронет в школе — скажи, — велел Гена.

Мой заклятый враг в одночасье стал моим защитником и покровителем? Такое бывает... Сразу

полегчало. На душе стало спокойно и хорошо. Но вопреки своему внутреннему желанию и неожиданно для себя, как будто это и не я вовсе, ответил ему:

— Не надо мне ничего. Сыграть хочу еще раз.

Гена отшатнулся. Впервые я увидел его испуганные глаза. Маленькие бегающие глаза, округлившиеся, как у ребенка. А я поймал этот момент и смотрел прямо на него. Мне было совсем не страшно.

— Сыграть... Хе-хе. Хе-хе. Можно и сыграть. Как в прошлый раз хочешь, хе-хе?

— На деньги сыграем. Большие. А еще друзей с собой приведу, чтобы ты все отдал, когда проиграешь.

— Никого ты не приведешь, понял? — озлобленно произнес Гена.

Я схватил его за воротник что есть силы, дернул к себе и произнес:

— Я тебе теперь всю жизнь сниться буду. — А потом еще сжал, как мог, его воротник и добавил: — Вот так сниться, что ты когда-нибудь не проснешься. Умрешь от удушья...

Гена отпрянул от меня к окну. Лицо его перекошилось от стра-

ха, а тело как-то неестественно согнулось. А я еще ближе подошел и сказал:

— Мне тебя жаль.

Эта была моя последняя в жизни встреча с Геной. Больше я его не видел.

Много лет прошло с тех пор. Гена, по слухам, спился. Кулач и Качан работают где-то на стройках. О себе говорить не буду. Живу, помню, стараюсь быть другим.

г. Москва

Тамара АЛЕКСЕЕВА

Продолжение. Начало в № 11, 12 за 2014 год, в № 1, 2, 3, 5, 6 за 2015 год

ИГРОВАЯ ЗАВИСИМОСТЬ, ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

Рисунок автора

Ао сына долетали мои мысли и образы — но так ли это было удивительно? В самом начале пути, когда я возвращалась из Москвы обратно и, как обычно, долго не могла заснуть в поезде, образы Бориса, Ашота, Якова кружились у меня в голове. Сочно звякали в воздухе монеты,

хрустели и трещали кнопки, они нажимались сами по себе будто невидимой рукой. Один пассажир, пожилой мужчина, сладко спал на противоположной полке, подложив жирную ладонь под щеку, как это делают дети. Неожиданно он забеспокоился, застонал, выпростав вторую руку из-под одея-

ла, отчаянно попытался кого-то отогнать от себя и вдруг громко закричал, разбудив и перепугав весь вагон:

— Нет! Нет! Боже мой, я проигрался! Верните мне мои деньги!

Он вскочил и, стоя на железном полу босой, в белой майке и полосатых трусах, со страхом затрав-

ленно озирался по сторонам. Я тогда подумала, что он тоже игрок, но сейчас понимала другое — мои мысли просочились в его сон.

Алеша повсюду искал меня, бродя по ночному городу, он впервые задумался о своем будущем, о возможности вырваться...

Если мой сын вылечился от игровой зависимости, значит, выкуп не нужен? Не нужно больше напрягаться, тяготиться и мучиться... Я задумчиво смотрела в окно. Было чего-то жаль, но вместе с тем я испытывала огромное облегчение. Ну какой из меня писатель? У меня нет ни природных способностей, ни отчетливого желания.

Теперь я свободна.

Жизнь сладко убаюкивала меня. Сын был рядом, в покер он играл дома, на компьютере. Режим дня у него сместился, играл (или работал) он ночами, ведь у американцев в это время день. Днем он спал, играл в компьютерные игрушки, гулял со своей девушкой Женей. Видела я ее всего однажды, она избегала меня вовсе не из робости — это была современная, ухоженная девушка, с прямыми светлыми волосами, серыми холодными глазами. Что-то в ней мне неуловимо напоминало Олю: нагловатый прищур глаз, полная свобода во всем — в движениях, одежде, манере отстраненно общаться. Я отчетливо увидела в ней одно желание брать, брать, ничего не давая взамен. Похоже, сын был у нее на крючке, но я изменилась. То, что раньше вызвало бы во мне бурный протест, негодование, сменилось философской мудростью — жизнь знает, когда всему наступит предел, не раньше и не позже.

Но что же такое покер?

Пока я мало знала о нем, всего две вещи — он дает деньги и эмоции. Правда ли это?

Просыпаясь ночью, я иногда заглядывала к сыну и видела

его склоненное у компьютера лицо. Оно выражало всю гамму знакомых мне чувств: ярость, гнев, внезапную радость, восторг. Я пыталась убедить себя, что все хорошо.

Сын играет дома, не ходит в эти притоны, где может случиться все что угодно. Не занимает деньги, не вытаскивает из дома последнее. У него на счету определенная сумма, он на нее играет, когда она увеличивается — деньги снимает с карточки. У него девушка, он собран, и видно, что новая работа приносит неплохой доход. По отрывочным сведениям, что я почерпнула из фильмов, следовало одно: покер подвластен лишь людям с математическими способностями. Алеша был мастер спорта по шахматам, до гроссмейстера ему оставалось совсем чуть-чуть. Еще в пять лет он мог быстро сосчитать, сколько денег можно выручить за все молочные бутылки, которые скапливались у нас на балконе, и что на них купить...

— Представляешь, мама, — возбужденно говорил он мне, — скоро мы с ребятами-покеристами будем путешествовать по всему миру. Ведь нам нечего бояться — работа с собой, главное — прихватить компьютер. Приедем, например, в Индию, на Гоа, снимем домик, будем купаться в море, есть манго. Я тебе обязательно куплю путевку, ты у меня всегда будешь отдыхать!

Я верила ему и не верила, как когда-то отцу Владимиру. Слишком я боялась сладких сказок, но пока не могла упрекнуть сына в неискренности или лжи. Было приятно, что Алеша проявлял обо мне заботу, правда, у меня самой дела были в полном порядке. Я скоро должна была приступить к работе в богатом доме, куда меня рекомендовал Владимир Сергеевич. Это были его друзья, с которыми

они путешествовали. У них был здоровый ребенок, который этой осенью поступал в первый класс. Было пока неясно, где я буду жить, дома или в особняке. Но мальчик был очень жизнерадостен, зарплата высокая, о чем еще можно мечтать? Я подыскивала себе новую квартиру...

Ах этот Владимир Сергеевич! Он не только расписал яркими красками мою педагогическую деятельность, но и отчетливо намекнул на некие удивительные способности, врожденный дар или уникальную энергетику, которые буквально воскресили их мальчика. Надо ли говорить о том, что родители Саши (так звали моего нового ученика) относились ко мне чуть ли не с благоговением, опасаясь, как бы их «бесценную учительницу» рано или поздно не переманили другие.

Часто звонил Артур, он, как жаворонок, наполнял комнату таким звонким и разноцветным щебетом, что даже Алеша улыбался, когда я с ним разговаривала. Я ощущала впереди целую жизнь — такое возможно лишь в юности.

Чем глубже я уходила в себя, тем больше рвались связи с моим старым миром. Обольщаясь ложной надеждой, я возвращалась в старый мир, к своим подругам. Это было жалкое зрелище — встречи лишь увеличивали разрыв, ничего нельзя было вернуть из прошлого. Мне не хотелось склеивать чужие жизни, тратить бесценное время на беспросветный, затягивающий с головой омут. Я впервые почувствовала, что, находясь в жизненном пространстве несчастных людей, волей-неволей, как зараженным воздухом, пропитываешься их судьбой.

Однажды зачем-то забежал бывший муж Коля и оторопел, увидев меня. Глядя на него, я впервые подумала: господи, а ведь

перешагнув порог своей квартиры, я ни разу не вспомнила о человеке, с которым прожила много лет! Я от него родила сына и так убивалась! Коля смотрел на меня во все глаза, топтался в коридоре, зачем-то пошел на кухню, налил воды из-под крана, медленно выпил. Я смотрела на его руки с толстыми пальцами, румяное лицо с большим ртом, испытывая лишь настойчивое желание как можно быстрее от него отделаться.

— Да иди уж, — торопила я его.

И в моих словах было такое искреннее желание быстрее распрощаться, которое, я видела, было ему неприятно. Он отчетливо увидел, что стал мне совершенно чужим, я в нем не нуждалась. Лишь бы ему не пришло в голову возобновить отношения!

Но, как я и предполагала, под видом заботы о сыне он стал чаще появляться в нашем доме, вынудив меня на жесткий разговор, в котором я, нисколько не церемонясь, ясно выразила все свои чувства. Он слушал внимательно, но я видела, как он побледнел, как играли на лице желваки.

— Вера, прости меня. Я понимаю, что принес тебе столько боли, предал тебя. Я знаю, я слышал, как ты страдала. Но я постараюсь сделать все...

Господи, я слушала его и не могла понять — о чем он? О каких страданиях ведет речь? Было ли это?

— Мама, ты стала такая красивая, — однажды сказал мне Алеша.

Никогда он не говорил мне таких слов. Его доверие ко мне возросло. Видя, что я не лезу в его жизнь с расспросами, не осуждаю его увлечение покером, он успокоился. Меня всецело увлекали только своя жизнь, мои интересы.

В один из дней, когда я поздно вечером возвращалась с прогулки, у подъезда меня встретил

сын. Видимо, он ждал меня давно: он озяб и подпрыгивал на месте, чтобы согреться.

— Алеша? — удивилась я. — Что с тобой? Что случилось?

— Мама, у нас женщина. И она давно тебя дожидается, — тихо, со скрытым беспокойством сказал мне Алеша.

— Женщина? — удивилась я. — А почему ты на улице?

— Я хотел тебя дождаться здесь. Мама, ты знаешь, я за тебя очень волнуюсь.

Странно... Я давно не видела сына таким. И кто это так долго меня дожидался? Я молча вошла в подъезд, Алеша — следом за мной. Я открыла дверь и вошла. В зале, закинув ногу на ногу, сидела Ольга. Она была необычайно эффектна — в черном кружевном костюме, лакированных туфлях на высоком каблучке. Она курила длинную сигару, дым виртуозно закручивался в колечки. Я села напротив. Алешка стоял в дверях, испуганно глядя на нас обеих.

— Туфли принято снимать в коридоре, — со скрытой угрозой произнесла я.

— Ничего, перебьешься, — быстро парировала Ольга.

— И что привело в наш дом эту сударыню? — дрожащим от злобы голосом, раздувая ноздри, продолжила я.

— Мой муж, разумеется. Ты вообразила себе, что можешь забрать у меня Володю. Глядя на тебя, я даже в мыслях не решилась бы на подобное.

— Я гораздо красивее и умнее тебя, — гневно произнесла я, глядя в упор на ее гладко зачесанные, искусно уложенные волосы. Костюм блестел перламутром, туфли василькового цвета были в тон глазам. — Неужели ты это не видишь? Володя не любит тебя. Это является для тебя откровением?

— Ты посмела ворваться в наш дом, решив, что можешь делать

все, что заблагорассудится. Я читала ваши письма. Но Володя — священник, надеюсь, ты об этом не забыла?

— Я помню, что он не повар. Но лучшее подтверждение тому, что он не любит тебя, — это твой приезд.

— У тебя ничего не получится. Я не дам разрешение на развод. Володя слишком дорожит своей работой, чтобы ради тебя пожертвовать всем. Он просил меня это передать.

— Мне откровенно жаль тебя — раз уж ты решились на такую наглую ложь. Но иногда приходится признать свое поражение — не так ли? — Я усмехнулась ей в лицо.

— У тебя все равно ничего не получится. Я не отдам его, — прошипела она.

— Он мой. Мой — и больше ничей. Пошла вон! — не помня себя, вскричала я.

Я встала и пошла на нее, ненависть сжала мою грудь — не вздохнуть, не охнуть. По дороге к своей сопернице я прихватила со стола керамическую вазу. Ольга встала и испуганно попятилась к двери. Она не ожидала такой реакции: глаза ее округлились от ужаса, рот открылся в немом крике.

— Я убью тебя, — угрожающе приближаясь к ней с вазой, шипела я. — Я убью тебя. Вспорю твоё горло. — Тело мое напряжилось и изогнулось, как у дикой кошки перед прыжком.

Ольга испуганно бросилась в коридор, Алеша едва успел отскочить в сторону. Она выскользнула на лестницу и быстро, стуча каблуками, полетела вниз. И только выбежав на улицу, она оглушительно, как милицейский свисток, завизжала.

— Мама, — ошарашено произнес сын. — Мама...

— Да-да. Вот так. И только так. Приехала, мужа ей подавай! Видел? Я ей такого мужа устрою, до

конца жизни будет вспоминать, — повторяла я, грозно передвигаясь по комнате.

Что-то стучало, хрустело под ногами. Руки немного саднило, я взглянула на ладони и ахнула — я так сжала тонкое горлышко вазы, что оно превратилось в кровавое крошево. Желтые черепки валялись по комнате. Алеша смотрел на меня с нескрываемым восхищением и гордостью. Неужели именно этих качеств ему так во мне не доставало?

Ах, если бы она задержалась, я вонзилась бы зубами ей в горло. Я никому его не отдам. И то, что приехала Ольга, лишний раз подтверждает то, что он — мой...

Я долго думала, написать ли об этом визите Володе. То я представляла себя благородной и возвышенной, то гордой и сильной, но коварство и хитрость одержали вверх.

«Приезжала твоя жена, Ольга. Она пыталась мне угрожать и требовала оставить тебя в покое. Володя, это случится только тогда, когда я умру...» — написала я.

Я не хотела быть ни гордой, ни правильной, ни возвышенной — я хотела быть самой собой. «Володя, — приписала я в самом конце письма, — я всю ночь плакала».

Довольная собой, я выпила несколько чашек лимонада, съела огромный кусок пирога, доела сыр, потом долго разбивала и поела лесные орехи.

Почти не краснея, я перелистывала страницы нашего времени с Костей: легкие, воздушно-порочные, ребячливо-бесноватые, забавные и шальные...

Мы выпили весь сок наших отблеставших дней — так неосторожный любитель, когда наступит весна, резким и глубоким надрезом губит и иссушает молодые березы. На память о нем осталось колечко с камнем.

Костя восстановил мои поврежденные инстинкты, Володя вернул мою душу.

Почему же я плакала по ночам, обхватив руками подушку? То иное, ни с чем не сравнимое, которое случается раз в миллион лет — или никогда, которое даже невозможно облечь в земную форму слова «поцелуй», — этого воспоминания мне хватило бы до конца жизни. Эта крепкая или хрупкая дверь в потайное пространство, заглянуть в которое было невозможно, не захлебнувшись слезами. Я могла лишь дозированными порциями, осыпанными нежностью, ловить прикосновения и наполняться горделивым светом.

«Ты не поверишь, Вера, — писал он мне, — как я скучаю вдаль от тебя. Чем дольше идут дни, тем я более убеждаюсь, что все без тебя — дым. А ведь совсем недавно я и помыслить не мог, что смогу так полюбить...»

Писал мне Володя часто. В своих письмах он рассказал мне о своем браке с Ольгой, о том, как ревновал меня к Косте.

«Когда я кричал на тебя там, на горе, я уже знал, что люблю тебя. Это кричала моя любовь, она уже раздирала мне сердце и душу, я был к ней не готов, я растерялся, как мальчишка.

Дав тебе отчаянный совет влюбиться, разве я мог предположить, что все обернется таким образом? Вера, если бы ты на одну секунду заглянула тогда в мое сердце, ты простила бы мне все безжалостные слова.

Когда я видел твои глаза, опаленные чувством к другому, разум мой совершенно мутился. Помнишь, тогда, в лесу, когда ты объезжала меня с Артуром, для меня это было концом света. Все потонуло в сплошной крошечной тьме. Как же я жил без тебя раньше?

Ты избегала меня, я был сполна наказан. Одна суматошная

круговерть дней и отчаянные мысли — как тебя увидеть? Боже! Как я завидовал Косте и как его ненавидел! Самая жгучая ревность, я познал все ее муки... Когда все стало очевидным — твое равнодушное лицо, безжалостно рассеянный взгляд — это было тяжелым испытанием. До сих пор запах дождя (при наших редких встречах почему-то всегда шел дождь) вызывает у меня тревогу...»

«Вера, ты спрашиваешь, как распознать приближение Светлого Бога, как догадаться, что он совсем близко?

Тебе, как никогда, будет шептать внутренний голос, что все, что ты делаешь, — полная чушь, нелепица, и голос будет настойчив и достаточно силен».

«Я часто возвращался в город, где когда-то жил, я надеялся, что мама туда вернется. Я бродил по площадям, долго простаивал на рынке, расспрашивал людей — никто ее не видел. В один из дней я увидел Олю — она шла по улице, держа за руку маленького мальчика. Что-то толкнуло меня в сердце — я подошел к ней. Она была неузнаваема — болезненно худа, даже выражение лица резко изменилось — стало озлобленным и недобрим. Она бесконечно жаловалась мне, что не удастся устроиться на работу, ребенок болеет, кормить его почти нечем. Мальчик действительно производил впечатление полной заброшенности: волосики были тусклы и давно не стрижены, ручки с черными ногтями, старые сандалики. Перехватив мой взгляд, Оля уверенно подтвердила: твой. Что мне оставалось делать? Испытывая одну лишь жалость, я предложил ей поехать со мной, она, не думая, согласилась. Я не сразу сообразил, что, опрометчиво поселив ее с ребенком в своем доме, я таким образом утвердил ее как свою

жену. Я был церковнослужителем и должен был являть для людей образец. Но я не любил ее, сердце мое было сухо. Первое время Оля не понимала этого, ее разум отказывался воспринимать новое положение вещей — я не любил ее. Прожив несколько дней, освоившись и успокоившись, она решительно пошла в атаку. Приходила ко мне в спальню (я поселил их в отдельной комнате), всеми силами пытаюсь вернуть утраченную страсть — сначала боязливо и осторожно, потом все более ожесточаясь. Она была по-прежнему хороша и потому была уверена в победе. Но ничто не прельщало мое отныне холодное сердце — ни ее обнаженная грудь, ни роскошные плечи и слезы, ни шаловливый голос. Я давал ей деньги, кров, пищу, но она все больше приходила в состояние ярости и озлобления, в эти минуты она была даже страшна: бледная, с горящими от бешенства глазами, закушенными губами. Даже то, что я привязался к ребенку, выводило ее из себя. С каким-то злобным свистом, выпуская из ноздрей воздух, она выхватывала его из моих рук и, кричащего, отводила к себе. В нее будто бес

вселился — в один из дней я увидел свою комнату перевернутой вверх дном, все было перебито и разорвано. Но мое одичалое сердце не выжало даже капли чувства — я испытывал одно равнодушие и отвращение. Она бежала от меня, не оставив даже ребенка, бежала, когда я был на службе.

Бродя по разрушенному дому, я наткнулся на детские игрушки, рассеянно поднимал — их было много. Потом вышел на улицу, вошел в пустую церковь, опустился на колени и сказал: «Господи, я разуверился в себе. Пошли мне силы и терпения».

Они вернулись через два месяца. Ольга была притихшей и жалкой — она вся дрожала, в глазах были страх и боль. Она смиренно попросила есть и разрешение переночевать. Я отлично понимал всю безнадежность нашей общей жизни, даже сын нас не объединял. Но она была определенной породы — не хотела и не умела работать, быстро уставала, была отстраненно-холодна со всем, с чем соприкасалась. Мрачной и дикой виделась мне ее жизнь, она легко встала бы на преступную дорогу продажных женщин. Судьба сына ужасала

меня, я вновь оставил их в доме, строго напугав выгнать, если повторится ее дикий приступ. Но отныне наша общая жизнь как-то упорядочилась, напуганная Ольга, поборов свою гордость, остепенилась и стала тихой, как мышь. Я предполагаю, что в своем бегстве из моего дома ей пришлось столкнуться с чем-то ужасным, изменившим ее в лучшую сторону. Она больше не пускалась в крайности — не заискивала и не кидалась на меня с кулаками. Скрепленные узами брака, мы жили в одном доме, но почти не пересекались — у каждого была своя жизнь. Я стал больше заниматься Сашей — сын внешне перенял все черты своей матери, внутренне походил на меня — мне с ним было легко. Оля занимала много подруг и, вероятно, находила в своей жизни какие-то удовольствия — хотя всегда сокрушалась, что в такой глуши, когда со всех сторон глаза и уши, жизнь ее текла весьма уныло.

Для себя лично я больше ни на что не надеялся и думал только о надвигающейся старости. Сын рос, он окончил школу, уехал в Москву и поступил в медицинский институт. Ольга часто ездит к нему, надолго там останавливаясь. Я давно привык к одиночеству...

Я была не богиней, не призраком, а земной женщиной. «Он вернется, обязательно вернется», — глядя на пустое небо, шептала я. Разве может Бог отнять то, без чего невозможно прожить? Я отметала слова «развод», «брак», но иногда они настойчиво лезли мне в голову. Но ничего невозможно было придумать. Володя был священником, развод был невозможен. А жить «в грехе» было неприемлемым. Подушка моя была мокрой от слез. Зарывшись в нее лицом, я каждую ночь молилась: если нам не суждено быть вместе здесь, на земле, то

пусть там, на небесах, когда Бог призовет меня, рядом будет только Володя, только он один...

Я получала любовные письма, будто жила в девятнадцатом веке, перечитывала несколько раз, прикасалась щекой, губами, складывала в стопочку. Ночью вставала, доставала из-под подушки и снова читала. Я буду ждать его всю жизнь.

Я бесконечно рисовала окно и дорогой моему сердцу профиль: высокий породистый лоб, тонкий античный нос, губы, бархатистые русые волосы, зачесанные назад... Я жаждала только его и не стремилась к освобождению от этой любви. Он опутал меня столькими веревками, что я покоилась в них, как звезда во вселенной.

Это было мое единственное прибежище, я буду ждать его всю жизнь.

Я получила единственное письмо от Кости.

«Вера, я все понимаю. Но как же описать тебе то невозможное, совсем нездешнее, которое я никак не ожидал. Я всегда знал и твердо верил в то, что самый фантастический сексуальный контакт не в силах породить любовь, что это извечная людская иллюзия, бред. Я пытался заполнить твое отсутствие. Что только я не делал от отчаяния!

Сначала я, полный дурак, пытался отделаться от тебя, как от наваждения, ну зачем мне эта боль?! Я не понимал, хотя, признаться, не понимаю и до сих пор. Но ты была и есть повсюду, то исчезаешь, то вновь заполняешь, туго забиваешь собой весь воздух — хоть плачь! Физическая одержимость тобой схватилась с душевной, порой я готов стянуть с себя живьем кожу, чтобы хоть на время заглушить тоску по тебе.

Я злился на тебя, на себя, на весь белый свет, я метался, нигде

не находя себе места, и рычал, как зверь, — так нестерпимо, до болезненности, до полного помешательства ты нужна мне...

Разве я мог представить, предположить тогда, когда ты упала мне на руки, что все так обернется? Вера, неужели это то самое, над чем я всегда смеялся, от чего мне не будет избавления до конца моих дней?

Вера, я прошу тебя об одном — не покидай меня. Я не в том, земном смысле прошу, не о возврате того, что было, нет, я все понимаю — ты любишь его... все равно — не покидай меня. Я не приеду, не буду надоедать тебе, надеюсь, это письмо будет единственным, хотя вот этого обещания я могу не выполнить. Если когда-нибудь, я даже не смею об этом мечтать, я понадобится тебе или просто ты будешь нуждаться в помощи — Вера, позволь мне стать самым лучшим в мире другом».

Я читала Костино письмо, трогала бумагу, удивлялась. Молодой мужчина в расцвете лет просит не бросать его.

Когда-то в юности я так мечтала, чтобы кто-нибудь мне прислал хоть одно в жизни любовное письмо! И вот я получала их — от двух мужчин одновременно. Я так и не научилась пользоваться Интернетом — возможно, это прекрасно и удивительно, но вскрывать конверт, доставать листок, исписанный живой рукой, вдыхать запах, видеть строчки и уходить сквозь их сладкую мучительность, ликовать и плакать от награды, невиданного дара Богов — любить...

ГЛАВА 15. ВЫКУП

Мне не хватало Кали. Я тосковала по ее страшным, горящим глазам, она бы, не жалея сил, беспощадно хлестнула меня, болезненно прорвав кожу, растормошила бы меня, заставила взять ручку, ка-

рандаш — ведь что-то беспокоило мою душу...

Но ее не было. «Кали, — шептала я, — мне так тебя не хватает. У меня все хорошо. Но почему-то болит душа. Ты не знаешь, почему она болит?»

По ночам мне снилась прекрасная женщина. Она предлагала мне полетать, но я вежливо отказывалась, во-первых, для этого надо было прыгнуть с высокого обрыва, а во-вторых, я была слишком занята, у меня было столько дел...

Я сидела в огромной горе шевелящихся дел, они были сладкие, скользкие и липкие — не выбраться.

И лишь однажды я ненароком заметила, что у нее голубое тело, лицо и руки, тогда я внимательно пригляделась и воскликнула: «Кали!»

Неужели это была она?!

— Я, — тихо подтвердила она.

Но почему так печален был ее голос, так непривычно тих и негрозен? Почему она так выглядела?

— Для тебя. Лишь для тебя, — ответила она. — Это моя обратная сторона. Но странно, что ты вообще меня увидела и даже в состоянии слышать. Я не перестаю этому удивляться. Может, ты звала меня? В этом акте жизни меня не зовет никто.

— В каком акте? — удивилась я. — Ты говоришь так, будто находишься в театре. Почему ты исчезла из моей жизни, Кали? Что-то не так?

— Парадоксально, что ты испытываешь потребность во мне! Кто позволил тебе видеть и чувствовать меня? Это так редко случается, раз в тысячу лет, когда человеческое существо удивляет меня.

Ты спросила об этапах человеческой жизни? Разве ваша жизнь — не пьеса в нескольких действиях?

Первая, для большинства и единственная, — сон. Всепоглощающий сладостный сон, начав-

шійсь с первого появления на свет и не прерываемый ничем. Ни страдания, ни беды не нарушают покой водной глади, ведь многие привыкли и даже любят засыпать под ужасы. Вы лучше зверей и насекомых приспособиваетесь ко всему. Человечество давно заморожено, и когда я смотрю на вас, то вижу лишь снежную долину, над которой редкие порывы ветра ненадолго поднимают снежную пыль. Я не люблю это созерцание — мои ноздри покрываются инеем, даже я временно перестаю слышать звуки и запахи.

— Кали... — Я хотела что-то сказать или спросить.

— Нет! — Она резко взмахнула рукой, и только тогда я узнала прежнюю Кали. — Нет, — гораздо мягче повторила она. — Ты отыграла первый акт — отправилась в путь. Но не обольщайся, не считай себя мужественной. Ты обычный человек, не совершивший ничего особенного. Многие отправляются в путь, миллионы людей снимаются с насиженных мест и встают на путь борьбы, всех что-то влечет или мучит, тебе помогла лишь природная эмоциональность, излишняя тревожность.

Но не все доходят до встречи со мной, не многим я являюсь и помогаю идти дальше — любимыми способами.

Мой акт — третий. В нем я — госпожа всего, мне многое позволено: внедряться в материальный мир и действовать в нем по своему усмотрению. У меня свой набор приемов, позволяющих возбуждать в вас боль и страх. Поверь мне, если кто доползет до меня — я не упущу свой шанс.

Но наступает и моя пора сойти со сцены, как это произошло с тобой. Все должно подчиняться вселенской гармонии, все без исключения, и в этом есть своя прекрасная и светлая печаль.

Не думай и не обольщайся, что я скучаю по тебе. Ты обыч-

ный человек. Стучалась — и тебе открылось. Получила свою цель, открыла свою тайну. Но для большинства это опасно и даже губительно. Поэтому вполне уместно нам проститься с тобой — здесь, в этом сне, на перекрестке двух миров.

— Кали! — заливаясь слезами, крикнула я. — Что ты говоришь? У меня все хорошо, а если ты о выкупе, то я... лишь временно отдыхала, я скоро возьму себя в руки.

Неужели ты хочешь сказать мне о предназначении? Но я не испытываю ни малейшего желания... Я, конечно, постараюсь, если ты хочешь. Но неужели это так и бывает? Я имею в виду невозможность найти ручку и написать хоть строчку...

Кали печально смотрела на меня. Так смотрят на безнадежных, на умирающих, на гибнущих навсегда. Но я не погибала, даже более того...

Будто не слыша меня, она продолжала:

— Пока ты не знала, многое прощалось, на многое Творец смотрел сквозь пальцы. Но теперь все изменилось — ты узнала свое предназначение. Теперь тебе не спрятаться — тебе понятен замысел, весь хитроумный узор твоих несчастий легко расплетается.

— Как? — поразилась я. — Неужели вся моя жизнь, утраты, несчастье сына — все это было предопределено? Давно известно, задумано лишь с одной целью — привести меня к написанию этой книги? Не может быть!

— Времени мало, — будто не слыша меня, продолжала Кали.

Она нервничала и озиралась по сторонам, и так вела себя великая, бессмертная богиня?

— То, что я прорвалась в твой сон, — равносильно чуду. В этом акте время принадлежит демону. Он никому не позволит просо-

читься в твой мир, он закроет все каналы и клапаны. И здесь погибает все...

— Зачем ты мне это говоришь, Кали? Зачем ты мне лжешь, ты хочешь напугать меня словами?

— Демон получает право прорываться в человеческий мир. Он ломает все твои устремления, высушивает всю твою веру. Теперь ты открыта ему, он видит тебя, будто ты стоишь у него на ладони. Все, во что ты веришь, он покрывает толстым слоем пыли, убедит и уже убедил, что твоё неповторимое творение будет бессмысленно и глупо. Ты не заметила, как он уже начал властвовать над тобой, и первый тревожный признак — ты поверила, что не годна для творчества.

Предназначение — это не манящий стол, заставленный яствами, единицы осознают его, избранные, посланные на землю с особой подстраховкой миссии. Еще в раннем детстве они твердо знают, ради чего родились на земле. Не про них речь. Она об обычных людях — таких, как ты, для которых открыть свой путь сопряжено с мукой.

Ты что, в самом деле не понимаешь? Само Непостижимое страдало с тобой, именно через тебя оно пытается выразить свою муку и свою боль. Стать сосудом Творца, идеально тонким проводником его воли — нужна лишь твоя полная прозрачность, особая чистота и готовность — хотя бы по частям уловить тончайшее дитя, чтобы, едва дыша, не повредив бессмертной красоты, взять его на руки и передать мне.

В твоём творении не воплотился обмен между стихиями, все против него: вода и ветер задувают огонь, он воздушен — не сгустился цвет, запах не излил свои золотые лучи...

Великая тайна не доступна вам — ни твой ум, ни особые способности здесь ни при чем.

Вот на этом камне большинство и спотыкаются.

Стать настолько невидимым и неуловимым, чтобы пропустить сквозь себя само пространство, возможно лишь на грани смерти, когда время прекращает течение свое.

— А ты, Кали? Неужели покинешь меня?

— Посуди сама — природа не расточает силы зря. Я не пройду за тебя испытания, не сделаю тебя прозрачной и жидкой, как горячее стекло. Ты должна выстоять сама. Тогда все будет на твоей стороне — вся сила огня и вся сила жизни.

В каждой семье есть свой демон. Он бьет по самым болезненным точкам, чаще всего по детям. Любая беда уходит корнями в неведомое, непостижимое. В том, что известно, — прока нет.

Доброта, благородство, величие души — ничего не спасет. Небеса не хранят людей, уклонившихся от своей миссии. Демону дано свыше сопровождать часть пути и в исключительных случаях уничтожать.

За сегодняшнюю встречу я буду наказана — мое время отодвинется. Чтобы вспомнить сон, надо резко проснуться. Ты в квартире одна. Но даже если ты вспомнишь, то не пройдет и трех секунд, демон захлопнет клапан...

Ты никогда не вспомнишь меня, никогда.

— Кали! Не покидай меня!

Я проснулась от резкого звонка. Хватая трубку, вслушиваясь в разговор, я одновременно пыталась вспомнить что-то очень важное и слушала знакомый радостный голос. Звонил отец Артура:

— Вера Николаевна, извините, что так поздно, но мне только что позвонили из Америки, а там сейчас день. Артур говорил, что ваш сын мечтал сняться в кино у Квентина Тарантино. Мы ведь перед вами в неоплатном долгу: сын

ходит, а вчера пытался бегать. Мы созвонились со многими друзьями, и представьте себе, нашли того, кто был с ним накоротке. Тарантино примерно понял, о чем основная суть вашего романа (я так понял, он об игровой зависимости), но выразил особое пожелание (вы понимаете, какой это необычный человек), так вот, он хочет, побольше жестоких сцен, крови.

— Крови?! — воскликнула я. — Да я залью кровью все пространство, все страницы своей книги, лишь бы он взял моего сына! — Я кричала что-то еще, но связь внезапно оборвалась, вероятно, я уже кричала впустую.

Мой сын мечтал сняться в фильме Тарантино? Странно, что я об этом так быстро забыла, а вот Артур помнит, его родители хлопчут. Мне непременно надо напрячься и дописать роман. Я спасала чужого ребенка, искала, как бы совершить для него чудо, чтобы он встал на ноги, а здесь был мой сын. Неужели ради его мечты я не осилию эту книгу?

Что-то еще очень важно ускользало из моей головы... необходимость волшебства или горящее действие, убогая гибельность чего-то... Я пыталась уловить странный смысл слов, но они превращались в серые клочья ветра, щекотали щеки, смешили, но не более.

Да и к чему теперь думать о глупостях! Я взяла ручку, бумагу и села за стол. У меня до сей поры нестерпимо жжет в груди, ах, как было все хорошо и спокойно, не иначе черт тебя дернул искать Тарантино, неугомонный путешественник!

Слова, как сахаристое печенье, рассыпались в неосторожных пальцах. Я смотрела на стол, усеянный бесполезными прозрачными крупинками, — что с ними делать? Только снова брать тряпку и досуха вытирать стол.

Снова и снова. Когда же слова превратятся в рассыпанные, пленяющие душу драгоценности? Все. На сегодня довольно...

И так каждый день. То рассыпаются, то желтым медом прилипают к рукам — легче из пластилина лепить буквы. Иногда страницы моего романа снились мне, как снежно-хрупкие стены, покрытые причудливой лепниной из оборотней и странного вида ангелов. Все было зыбким: ощущение времени и пространства, все крушилось и рушилось, дымилось и чернело от одного мимолетного взгляда или прямого дыхания.

В другом иссиня-черном сне я стояла на коленях на мраморном полу и молила упрямого и бесчувственного старца-мастера по изготовлению форм для отливки и чеканки слов. Он поддавался моим увещаниям, вытирая медные руки о фартук, сурово заверял, что заказ на миллион слов истинно прекрасен и будет выполнен немедленно... но слова тихо таяли в воздухе, а правдивое старческое тело выдавало его — голова качалась из стороны в сторону — нет, нет, нет...

Эта тема — «игровая зависимость» — почему-то досталась мне, значит, никто кроме меня не справится с ней лучше. Это было моим бременем, моим выкупом. Но даже меня оно разрушало...

Я смиренно ползла по бесконечному пространству с рельефным орнаментом фраз и пыталась дотянуться, ощупать, понять их смысл, но они были столь огромны, что пока я доползала до середины только одного слова, то полностью выбивалась из сил. Сползала с огромной буквы, обливаясь потом, держась одной рукой за перекладину, качалась над пропастью, но руку отпустить не смела.

Как я умудрилась попасть в такое глухое место?

Иногда мне редкостно везло — слова, как маленькие бурые медвежата, кубарем неслись с высокой горы, я не успевала подхватывать их и распределять по укромным местам. Они были настоящие — живые и теплые, парные и заспанные. Их обилие приводило меня в растерянность — я даже не могла предположить, как труден подъем к простоте.

Самые легкие брызги пера добывались из полной темноты, распахнутой всем запахам и звукам.

Я побывала в царстве слов из цветных металлов и сплавов: медно-красных, бронзовых и металлических, серебряных и оловянных — многие из них обретали плоть только на слабом, медленно горящем огне... только издали это было заметно.

На худой конец, можно было копать на кладбище — порой крошечное пламя спички выхватывало из тьмы настоящее сокровище, блистательно-траурное, но какое именно, этого еще сказать нельзя... его надо поставить в конце книги...

Я не прекращала попыток все бросить, разом оборвать, убить это безнадежное искание непостижимого, которое изнурило меня. Колоссальные силы и муки. «Ах, это писательское ремесло! Это не только мука, но целый душевный ад», — писал еще Салтыков-Щедрин.

Мне казалось, всецело замкнувшись в себе, я дошла до крайних пределов своих возможностей, а толку не было. Музыканты, напившись хмельного меда, развалились на зеленом сене — невпопад звенели бубны, гудели трубы, бренчали балалайки. А как били барабаны! В навеки забытых местах, глубоких подземельях, где плачут заклатья, и то тише. Сжимая ладонями виски, я чуть было не раздавила свою голову...

В течение нескольких дней я впала в полную осатанелость — мне захотелось стянуть с утренней зари, со всех девушек румянец и украсить им свои угрюмые слова. Какому забвению я предала саму себя! Волосы тускнели, как груды пепелища, во взгляде была всепроникающая суровость.

Нет, нет, это никому не надо, этот рокот страданий, взмывающий листья на дальних тропах, грохот любви, страсти. Душевная драма матери... Разве я поймаю в сачок бессмертие? Я слышала, как увлекалась красотой и изяществом иллюзии, ее воздушные чудеса увели меня в такую глушь, что я решительно сказала: «Нет!»

Это было ночью, а утром мой роман улыбнулся мне, как новорожденный ребенок. Ароматный, пахнувший сладким молоком. Загукнул, зачмокал, потянулся ручками — это было особое, всепоглощающее счастье.

Никто не писал, не рассказывал об этом. Наш мир был абсолютно замкнут, как грецкий орех, — всякое желание в нем исполнялось.

Воздух был тих и неподвижен. Так бывает перед сильной грозой. Но это было не страшно, не правда ли? Я уже не была листком, отданным на волю ветру...

Количество затраченных усилий на то, чтобы превратить себя в ничтожество или силу, оказалось примерно одинаковым.

Все, все изменилось. Тайны, спящие под непроницаемой завесой, требующие своего разрешения, непонятно обретали плоть и кровь. Бестолковая мать, все горе которой было в сыне, обернулась безумной, запахла вином и ландышами, задышала наслаждением и новолунием, увидела жар и свет бездны.

И у меня ослепли бы глаза и отнялись ноги, если бы я не ушла в ту ночь из дому.

Но что-то еще было от меня сокрыто.

Как голодные щенки льнут к своей матери, так не давало мне покоя чувство надвигающегося мрака. Два раза, это было во сне, я пыталась ухватить что-то желемое и скорбное и просыпалась, дрожа, в холодном поту.

ГЛАВА 16. УБИЙСТВО ШКОЛЬНИКОВ

— Мама, в твоей элитной школе погибли двое детей, — сообщил мне утром Алеша. — Кажется, это были твои ученики, ты вела у них рисование.

— Как погибли? — Я была ошарашена. — Кто?

— Я не знаю, об этом все говорят. Их убили на стройке.

Господи, Паша?! Это имя сразу пришло мне в голову. А с ним воспоминание о последнем разговоре, где Паша что-то недоговаривал, что-то хотел мне рассказать.

Что делать? Можно сходить в школу, узнать. Когда-нибудь все равно пришлось бы это сделать — ведь я поступила не совсем порядочно, ушла без всякого объяснения. Я сама не предполагала, что не вернусь к сентябрю.

Я набрала Пашин номер. Он сразу мне ответил, голос его был очень встревоженным.

— Паша, что случилось? Извини, что я не позвонила сразу, как приехала, ты просил. Я сегодня утром узнала...

— Вера Николаевна, — прервал меня Паша, — если вам не трудно, давайте сейчас встретимся.

— Конечно, — заторопилась я. — Давай где ты скажешь.

— В парке, за школой. Возле фонтана.

— Все, я выхожу.

На бегу одеваясь, я мчалась, перепрыгивая через три ступеньки. Ой, беда, беда. Случилось что-то страшное, и Паша об этом все знал...

Я увидела его еще издали, он повернулся ко мне, лицо его было неузнаваемым.

— Паша, — упавшим голосом произнесла я, подойдя ближе. — Паша...

— Вера Николаевна, мне не с кем поделиться. — Он говорил быстро, запинаясь, мышцы лица подергивались от нервных спазмов. Видно было, что ему совсем худо, глаза его были круглые и красные, как у зайчонка, в них дрожал смертный плач.

— Вы знаете моего отца...

Паша не знал, с чего начать, он растерянно озирался по сторонам, будто искал поддержки у редких прохожих.

— Ах, Вера Николаевна, это так ужасно! — Он судорожно разрыдался и почти побежал от меня, я едва успевала бежать следом, Паша лихорадочно силился отыскать темное место.

Мы незаметно выскочили на окраину парка, пошли вперед — там были одни стройки.

— Здесь все произошло, — шептал он на ходу, не оборачиваясь, — вот здесь, мы сейчас подойдем совсем близко, осторожней, здесь полно крови и кирпичей.

— Крови? — удивилась я. — Почему крови, Паша?

Он плакал и крутил головой, будто сошел с ума.

— Я сдавил ему шею и долго не отпускал, но мне показалось, что

недолго, когда он обмяк и почти упал на меня, я подхватил его под руки, протащил по бетонной перекладине, ударил головой о кирпичную стену... а потом также сбросил вниз, на каменные выступы.

Паша замолчал. У меня во рту пересохло. Взяв себя в руки, как можно спокойней я спросила:

— Также? А что было до этого?

— До этого была обычная драка, всего за три дня до этого, я ни о чем таком вовсе не думал. Я не хотел убивать. Но кто мне поверит? Что теперь будет, Вера Николаевна? Что теперь делать?

— Я тебе верю, Паша. Что было дальше?

— Никита стал мне угрожать, он догадался, что автомат был подкручен. Он ведь был должен мне крупную сумму денег. А потом сказал, что ничего не отдаст, потому что все было нечестно. И мы встретились здесь, на стройке. Он кричал, что я просто дерьмо, и первый кинулся на меня с кулаками. Все произошло так быстро, он был выше и крупнее меня, я всего лишь оттолкнул его. Было высоко, вон там, вы сами видите, рядом подъемный кран. Он упал и больше не шевелился — мы смотрели вниз и не знали, что делать.

— Кто с тобой был? — тихо спросила я.

— Дима Петров. Мы собрались втроем, ведь мы были друзья, Дима Петров и Никита Свиридов, вы их знаете, они настроили на вас донос. Но это вовсе ни при чем, это другие дела.

Мы с Димой спустились вниз, Никита уже не дышал. Голова была так странно вывернута... Дима сказал, что надо бежать, мы побежали.

— А потом? — осторожно спросила я, потому что Паша надолго замолчал.

Я почти ничего не понимала, в голове бухала кровь, дрожали пальцы. Нельзя, Вера, возьми себя в руки. Сейчас надо быть сильной.

— Потом Дима предал меня, это было бесчестно. Мы договорились молчать, но буквально через три дня он принялся меня шантажировать, нес такую чушь, хамил мне и обещал все рассказать. Зачем-то мы поднялись на прежнее место, смотрели вниз. Он сказал, что если бы не мой папенька, то все принимали бы меня за того, кем я был на самом деле — за жалкого цыпленка. Я в бешенстве схватил его за шею и начал душить, перед глазами была будто кровавая пелена, я бил и бил его о стену, пока гнев мой не улегся...

Продолжение следует.

г. Липецк

Зулкар ХАСАНОВ

Окончание. Начало в № 5, 6 за 2015 год

СУДЬБЫ (СТРОКИ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ)

ПОВЕСТЬ

6.

Годы проходят, листаем семейный альбом... У Александра ответственная работа, требует полной отдачи сил. А тут еще сын и дочь. В семье все нормально, благополучно. Витю водит в танцевальную школу. Там Александр и познакомился с врачом областной больницы Сергеем Ивановичем, который сопровождал своего ребенка на занятия.

Сергей Иванович — хороший человек: приветлив, доброжелателен и всегда жизнерадостный. Они подружились и встречались в дни занятий постоянно.

Вот однажды утром приехали к Александру брат Миша с женой Полиной, сильно расстроенный, исхудавший и очень больной. Александр встретил его тепло, но Миша — в отчаянном положении. Да и Полина тоже исхудавшая, обеспокоенная болезнью Миши. Мише в платной поликлинике (как исключение, отдельные медицинские услуги без направления врача в то время тоже были платные) сделали рентген пищевода и в до-

кументе написали, что в пищеводе прослеживается инфильтрат.

Он, конечно, мужчина догадливый и без обследования понял, что с пищеводом у него не все гладко. Вечером Александр отправился к своему знакомому доктору. На другой день Александр повел брата к доктору на обследование. Диагноз подтвердился.

Рядом — онкологическое отделение, Мише дали направление в онкологический центр.

1970 год. Вот — Миша. Его исхудалое лицо — как укор совести...

Миша лег в больницу. Полина осталась палате с Мишей. Начались трудные дни лечения, а затем сложнейшая операция...

Это после операции Миша расскажет, что все просто: пришили вместо пораженного пищевода отрезок кишки, который прижился со стороны желудка, а со стороны гортани никак не приживался. И все! Да еще и врачи его убеждали, что все будет нормально, приживется. Саша к нему

частенько приезжал, он радовался, что все трудное позади, а кишка приживется — нужно время. Но рак — не шутки.

«Не помню, какой праздник отмечали, — вспоминает Александр и нервно теребит пальцами скатерть, — я приехал к нему с шампанским с одним из своих ближайших работников. Разлили шампанское, поздравляли друг друга с праздником. Мы-то выпили из стаканов, а у Миши на груди торчал только конец неприжившейся кишки, но все равно он выпил в эту кишку шампанское. Немного, их конечно, развезло».

Миша все бодрился: «Я как выздоровею, мы с тобой, Саша, поедем на юг, отдохнем. У меня деньги есть».

Он не знал еще всего своего положения. Жил надеждой. Полина решила поехать домой, чтобы посмотреть, что дома делается: все же хозяйство, огород, скотина.

Вскоре Мише врачи предложили сделать небольшой перерыв в лечении. Как-то утром пришел хи-

рург Павел Сергеевич и сказал: «Миша, ты уже достаточно долго лечился, много принимал лекарств и других процедур, поезжай домой в деревню, отдохни пару месяцев. Побудь на свежем воздухе, попей молочка, словом, немного отвлекись от больницы, больше гуляй, через пару месяцев приедешь обратно к нам, должно быть все нормально, приживется кишка. Не унывай, выздоравливай!»

Стало быть, рак отступил? Но не тут-то было...

Провожать Мишу поехал брат Александр. Летели на самолете «Як-40» до Саратова. Миша уже дорогой почувствовал опять себя плохо. То и дело приходилось Александру менять промокшую перевязку. Трудно было, но долетели. Затем он поехал на автобусе домой в деревню.

На прощание Миша сказал брату: «Саша, ты со мной не езди, у тебя работа ответственная, дело идет к осени, надо готовить к зиме хозяйство. Я доеду, тут близко, Полина меня встретит».

Так и решили. Но у Миши дела пошли не совсем так, как задумали, хотел вернуться, а тут — карантин. Эпидемия холеры в Нижнем Поволжье, в Астрахани.

Вернуться в больницу через два месяца он не мог из-за карантина, приехал только через четыре месяца.

Положили его в больницу, но надежды на выздоровление таяли с каждым днем. Полина находилась в отчаянном положении, но помочь Мише никто не мог. И он умер в больнице 1 ноября 1970 года.

К Александру пришла скупая на подробности телеграмма из онкологического центра. Для Александра это был сильнейший психологический удар. Миша же и мать, и отец Александра, и вот такая утрата.

Александр ехал на грузовой машине, которая подпрыгивала на ухабах, вез из морга брата в Калугу. И казалось, что машина дрожит от рыданий Саши. Мишу похоронили на Пятницком кладбище. Калуга его спасла во время войны после выхода из окружения и приняла к себе после смерти. Так закончилась героическая жизнь солдата Великой Отечественной войны.

После смерти мужа Полина прожила совсем немного: почки, сердце. Она скончалась в деревне В. Базарно-Карабулакского района, там же и похоронена.

Борис, будучи на сверхсрочной службе, женился, неудачно сложилась его семейная жизнь, он развелся. Женился вторично, получал военную пенсию, потом тоже заболел. Приезжал к Александру, видимо, предчувствовал близость своей смерти, и просил похоронить его рядом с отцом. Сильно болели ноги, началась гангрена, отрезали одну ногу, через год другую, несмотря на усилия врачей. Место похорон определила его законная жена: он был кремирован. Урну с прахом Бориса поместили рядом с могилой матери в деревне В. Базарно-Карабулакского района. Александр с женой ухаживают за могилой брата. Сам тоже живет в Калуге, уже на пенсии.

Вот сидит Саша передо мной. Заслуженный советский человек, закаленный годами, невзгодами. Он говорит, что Миша выполнил свой долг честно на войне и в тылу. И еще: благодаря таким людям жива наша Родина и будет жить в веках.

Нельзя забывать о безвременно ушедших фронтовиках, пусть не только калужская земля, но и вся Россия будет им пухом!

г. Калуга

Валерий ИЛЬЧЕВ

Продолжение. Начало в № 5, 6 за 2015 год

НЕВОЛЬНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

ГЛАВА 3. ТРОФЕЙНЫЙ ПЕРСТЕНЬ

Золотой перстень с изображением фашистского орла со свастикой в когтях артиллерист Павел Гурин нашел в конце войны в старом прусском замке. В поисках оторвавшейся от гимнастерки пуговицы он обнаружил украшение за изогнутой ножкой дивана. Внимательно осмотрев находку, молодой старшина обрадовался: «Кольцо явно из золота. Спасаясь от возмездия, владелец сбросил с пальца опасный символ поверженного рейха. За перстень можно взять высокую цену, хотя над головой орла видна глубокая вмятина от сильного удара. Передавать находку трофейной команде не стану. Мы, артиллеристы, и так обделены добычей. Пехота впереди нас в города вступает и загребает основную долю добычи. А мне домой в Москву взять нечего, кроме отреза на пальто сестренке, красивой зажигалки и флакона духов. Так что это золотое украшение — мне

долгожданный подарок за все фронтовые тяготы».

И Гурин положил перстень со свастикой в карман гимнастерки.

Сразу после демобилизации Гурина направили на работу в уголовный розыск. Через три года он уже считался опытным сыщиком благодаря умению работать с агентурой. Нуждаясь в ценных источниках информации, Гурин обратил внимание на ранее судимую Нинку Краснову, имеющую обширные связи среди уголовников.

Из архивных материалов Гурин знал, что мать привезла трехгодовалую Нину в Москву в начале тридцатых годов. Спасаясь от голода в деревне, женщина устроилась дворником и заселилась в темный, без окон, подвал, на стенах которого даже в летнюю жару ползали мокрицы. Жильцы вскоре привыкли к молчаливой Власихе, с крестьянской старательностью убирающей двор. А Нинка росла озор-

ной девчонкой и среди дворовых пацанов слыла своим парнем. Она без оглядки прыгала с крыши сарая, лихо скользила на коньках, играла в футбол и хоккей, гоня выпиленный из каучука мячик. При облавах на местную шпану Нинка помогала прятать финки и кастеты в темной дворницкой комнате среди лопат и ведер.

И так было до тех пор, пока Нинка со своими приятелями не попала под суд. Никто ее за язык не тянул, когда она пожаловалась пацанам на постоянный шум с продуктового склада, расположенного прямо за стеной ее подвала. И тщедушный Рахит предложил проломить стену ломом и наестся от пуза. Дерзкая Нинка сразу согласилась на рискованную кражу. Вскоре представился подходящий момент. Дворничиха получила известие из деревни о смерти сестры и на три дня уехала из города. И подростки долбили кирпичную кладку всю ночь, сменяя друг

друга. Попав на склад, утащили банки американской тушенки и сгущенного молока. Пролом заложили пустыми ящиками и всю ночь наслаждались пиршеством.

Утром работники склада обнаружили пропажу. Вызванные сотрудники милиции по кирпичной пыли легко установили, как воры проникли на склад. Нинку и всю ее компанию задержали. Женщине-судье стало жалко малолетних голодных воришек. Но украдено было государственное имущество, да еще группой лиц. И судье пришлось назначить подросткам реальные сроки. Нинка как хозяйка подвала получила три года лишения свободы. И как только ей исполнилось шестнадцать лет, ее отправили отбывать наказание среди взрослых преступниц.

На свободу Нинка вышла циничным, не верящим в справедливость человеком. На воле ее встретили настороженно, не желая общаться с бывшей зэчкой. Нинка пыталась устроиться продавщицей, но ей сразу указывали на дверь, когда узнавали о прежней судимости. А по примеру трудолюбивой матери целыми днями мести двор Нинка не хотела.

И, ожесточившись на весь мир, Нинка примкнула к компании ранее судимых парней из соседних дворов. Без особой любви сошлась с уголовником Струной, который привлек ее внимание виртуозной игрой на гитаре. Но через полгода Струну осудили за уличный грабёж. Нинка недолго оставалась одна. К ней проявил интерес недавно выпущенный из лагеря Солёный. Но и того вскоре посадили за кровавую пьяную драку.

А потом, как говорится, пошло-поехало. Парни возвра-

щались из тюрьмы и сходились с Нинкой. Но воровское любовное счастье долго не длилось, и очередной сожигатель вновь отправлялся на скамью подсудимых. Имя Нинки постоянно упоминалось в оперативных сообщениях. И сыщик Гурин решил завербовать молодую, пользующуюся успехом у уголовников женщину. Но подловить на совершении преступления осторожную Нинку и заставить стучать на ее приятелей сыщику долго не удавалось.

Так продолжалось до тех пор, пока Нинка не приблизилась к вору-карманнику по кличке Пряник. Тот в своем преступном ремесле был ловок и удачлив. С незаконных доходов купил Нинке дорогие часики и серьги. Та была вполне довольна, рассчитывая на длительное сожительство с новым партнером. Но через полгода Пряник стал требовать от Нинки помощи при совершении краж. Ему нужна была напарница для прикрытия его ловких манипуляций и приема украденных кошельков. Нинка знала, что при мастерстве Пряника риск невелик. Но страх вновь попасть в лагерь заставлял ее долго отказываться.

И все же однажды она уступила, приняв в троллейбусе от напарника похищенный бумажник с деньгами. Улов был велик, и Пряник щедро одарил ее половиной добычи. А Нинка, зачарованная легкостью крупного обогащения, вновь и вновь решалась на соучастие в кражах. Каждый раз она давала себе слово, что идет на риск в последний раз. Но легкая безбедная жизнь уже увлекла ее, и она не могла остановиться.

И, наконец, произошел сбой в налаженной ворами

опасной игре. Оперативники выследили их и схватили с поличным. Нинке удалось скинуть на пол троллейбуса переданную ей Пряником добычу. Но ее задержали и вместе с Пряником доставили в восьмое отделение милиции. Сыщики, схватившие воров, написали в рапортах, что видели, как Нинка сбросила перед задержанием переданный ей воров кошелек. И хотя Пряник утверждал, что Нинку не знает и совершил кражу в одиночку, ей грозил арест.

Ее спасло своевременное вмешательство Гурина. Увидев в дежурной части Нинку, он распорядился завести ее в свой кабинет и без лишних предисловий перешел к делу:

— Я могу тебе помочь и отмазать от дела. Выбор твой: хочешь в темной камере зловоние нюхать или согласишься сотрудничать?

— Я против Пряника показаний не дам.

— А в этом нет надобности. Его взяли с поличным при совершении кражи. Имеются рапорты сотрудников и пара свидетелей. Да и сам Пряник свою вину не отрицает. С ним дело решенное. А вот тебе я могу посодействовать. Так что скажешь?

— А что я должна буду делать?

— Не разочаровывай меня, Нина, своей притворной непонятливостью. Мне нужна информация о твоих дружках, которые честных граждан безжалостно грабят и обкрадывают. Люди после войны в себя приходить начали, а эти сволочи не жалеют ни вдов, ни инвалидов, ни детей. Лишь бы им на водку и обильную закуску хватало. Скажи, это справедливо?

Нинка молчала, жестко сжав зубы. Ей, с детства впитавшей правила дворовой чести, было противно предавать друзей. Она не хотела превращаться из честной воровки в презренную стукачку. Но ей также было невыносимо представить, как она будет томиться в тюремном изоляторе, а потом терпеть лишения на этапе в мордовский лагерь.

Заметив сомнения Нинки, сыщик перешел в наступление:

— Ну что молчишь? Я понимаю: ты не хочешь стучать на своих приятелей. Но вся эта шобла в минуту опасности сдаст любого из ваших блатных без раздумий. Ты думаешь, Пряник тебя от дела из большой любви отмазывает? Нет, подруга, ему не хочется наматывать себе большой срок за групповое преступление, совершенное по предварительному сговору. А за кражу в одиночку ему суд определит легкое наказание. Так пойдешь в камеру или уже сегодня будешь на свободе пить водку с новым приятелем? Ответ мне нужен прямо сейчас. Твое решение?

— Хорошо, я согласна. Только как ребятам во дворе объяснить, что Пряник крепко за решетку приземлился, а меня отпустили?

— Нашла о чем беспокоиться! Расскажешь, как Пряник благородно взял вину на себя, а тебя отмазал. Похвалишь соучастника и заодно похваляешься, как ловко ухитрилась сбросить кошелек. И все поверят, поскольку это правда.

— А как ты меня от уголовного дела отмажешь?

— Это несложно. Попрошу сыщиков рапорта переписать. Они напишут, что Пряник заметил слезку и, избавляясь от кошелька, подсунул свою

добычу случайной пассажирке. Им и за одного Пряника задержание в показателях зачтено будет. Ну и со следователем договорюсь, чтобы в материалах ты не фигурировала. Но это уж мои заботы. Давай пиши подписку о добровольном сотрудничестве с милицией.

Нинка обмакнула перо в чернильницу и старательно начала писать под диктовку текст, связывающий ее путями вынужденного предательства.

Выйдя из отделения милиции, Нинка медленно пошла по Малому Могильцевскому переулку в сторону Арбата. Ей казалось, что душа ее раскололась на мелкие осколки, которые уже никогда не собрать и не склеить. Но к тревоге невольно примешивалась радость от пьянящего воздуха свободы. В этот момент Нинка твердо решила сдавать милиции только тех парней, с которыми враждовала и которых недолюбливала. А дела правильных пацанов от сыщика скрывать. Принятое решение ее немного успокоило.

К тому же она по-женски, чутко уловила явный мужской интерес к себе Гурина. Это ей льстило, хотя она еще не знала, уступит ли симпатичному сыщику, если он проявит настойчивость. И мысль о возможности любовных отношений с молодым сотрудником милиции позволила Нинке окончательно отогнать тревогу. И она отправилась в свой мрачный подвал, который сейчас казался ей уютным пристанищем по сравнению с темной тюремной камерой.

Тайное сотрудничество Нинки с милицией оказалось весьма плодотворным, хотя она утаивала часть инфор-

мации о своих дружках. Но сыщик закрывал глаза на двуличную игру своего агента, так как даваемых Нинкой сведений вполне хватало для отчета перед начальством. Несколько раз Гурин в нарушение служебных инструкций вступал в интимную близость с приглянувшейся ему молодой женщиной. А для Нинки любовные отношения с сыщиком окончательно помогли оправдаться в собственных глазах. Ей теперь казалось, что она искренне помогает ставшему по-настоящему близким человеку.

Вскоре между молодыми людьми установились доверительные отношения. И Нинка особенно не удивилась, когда на очередной встрече Гурин обратился к ней с личной просьбой:

— Слушай, посодействуй в одном деликатном деле. У меня сестренка туберкулезом болеет. Врачи рекомендуют отвезти ее в Крым, и мне срочно понадобились деньги. Я привез из Германии трофейный золотой перстень с фашистской свастикой. Но идти с такой вещью в скупку нельзя: могут замести на Лубянку. К тому же в скупке много денег не дадут. А мне сестренку надо вызволять из болезни. Мать вся извелась, наблюдая, как она тает на глазах. Поможешь загнать колечко?

— А ну-ка покажи! Да, вещь знатная. Ее зубной врач Кочан задорого купит. Этот лепила имеет на Арбате собственный кабинет. Он тайно на дому фикси фартовым парням вставляет. Хотя по закону имеет право изготавливать золотые зубы только из материала заказчика. Но тайно скупает рыжые у блатных для обслужи-

вания клиентов, у которых в запасах нет золота.

— А ты этого зубодера хорошо знаешь?

— Несколько раз приезжие ребята просили ему темный товар отнести. Сами не рискнули светиться в центре Москвы. Так что у меня он товар примет без опаски.

— А если вдруг прихлопнет БХСС его контору, и приметный перстень обнаружат? Ведь наверняка доктор тебя назовет.

— Зря беспокоишься. Этот дантист сразу золотые колечки и серьги в слитки переплавляет. Потому воры ему охотно краденое золото несут.

— Если так, то ладно. Вот только много ли протезист даст?

— И тут не волнуйся. Он заинтересован в золоте и поэтому платит хорошо. Да и боится с урками из-за цены сорваться.

— А если о продаже тобою перстня блатные узнают, как объяснишь?

— Нашел о чем думать! Скажу, что залетные воры из Ростова темную вещь доставили и попросили сбыть. У меня лишь авторитет от такого дела вырастет. Давай сюда колечко. Я за пару часов все дело обстряпаю.

Вечером того же дня Нинка передала сыщику вырученные за перстень деньги. И хотя Гурину было жаль трофейного перстня, вырученная крупная сумма вполне могла спасти сестру. И он смирился с утратой дорогого украшения.

С момента продажи сыщиком перстня со свастикой прошло более года. Жарким летним днем в своей комнате в Кривоколенном переулке сидели за столом братья Земцовы. С этими задиристыми,

ранее судимыми парнями старались не враждовать даже отпетые уголовники. Среди местной шпаны ходили слухи, что братья являются стукачами уголовного розыска и потому местная милиция их не трогает за шумные драки и скандалы. Но предъявить претензии скорым на расправу рецидивистам никто не решался.

Впрочем, сыщики восьмого отделения милиции знали, что подозрения уголовников в отношении доносивших братьев Земцовых верны лишь наполовину. Агентом, состоящим на связи у оперуполномоченного Бурова, был лишь Владимир. Свое предательство от младшего брата он тщательно скрывал, зная, что тот боготворит его как авторитетного вора. Но в этот день Володька решил рассказать брату правду о своем тайном сотрудничестве с милицией. К этому его вынудили особые обстоятельства. Разговор он начал издали. Разлив водку по стаканам, предложил:

— Давай, Борька, выпьем с тобой за фарт. Он нам скоро понадобится.

— Похоже, ты солидное дело задумал. Говори прямо, не тани.

— У меня на ногах наколото: «Не гони, они устали». И я этот призыв свято выполняю. И поэтому мы с тобой до сих пор на свободе гуляем, а не топчем зону. Давай хлопнем по стакану, а потом разговор поведем нелегкий. Пей!

Закусив водку соленым огурцом, Владимир строго посмотрел на младшего брата:

— Слушай сюда внимательно. Мне предложили по-крупному рискнуть и взять сразу большой куш. Но гоп-стоп предстоит с мокрухой. По

старым временам на вышку тянет. Сейчас расстрел отменен, но и на двадцать пять лет разлучаться со свободой не хочется. Так что решай: ты со мной или идешь в отказ? Если подписываешься на мокрое дело, то я перейду к деталям. Если нет, то у нас с тобою разговора не было.

— Ты же знаешь, я за тебя готов в огонь и в воду.

— Тогда учти, это дело не трамвай и на ходу с него не соскочишь.

— Давай не тани, я же сказал, что пойду с тобою.

— Тебя за язык никто не тянул. Слушай внимательно. Здесь, на Арбате, в отдельной квартире проживает зубной протезист Кочан. Одну из комнат он оборудовал под кабинет, где ведет прием. Все по закону, платит государству налог как частник.

— Да я знаю. Сам у него фикса на зуб ставил. Между прочим, из его золота. Старик просил никому об этом не говорить. Ходят слухи, что ему золотые коронки с мертвяков жадные до денег родственники приносят.

— Вот и я о том же. Этот еврей имеет хороший гешефт, и нас ждет приличный навар в его доме.

— А почему ты сказал, что дело мокрое?

— А как же иначе? Если ты у него фикса вставлял, то он тебя знает и оставлять его в живых нет резона.

— Так у лепилы семья большая. Он сам с женой, дочь с зятем и их дочь с рождения слабоумная. Всего пять душ набирается.

— А тебе стало жалко этого хриstopродавца?

— Не в этом дело. Вдвоем быстро всех финками не зарежешь. Бабы могут визг

поднять, а стрельбу соседи услышат.

— Это верно. И потому в гости к нему пойдём вторым с ещё одним человеком.

— Я его знаю?

— Да, только не удивляйся: это местный опер Буров.

— Ну ты даешь! Мне давно говорили, что ты работаешь на уголовку. А я за тебя в драку лез. Говорил, что ты честный бродяга и тебе тошно с «мусорами» даже рядом стоять.

— Не мельтеши, брат. Лучше вспомни, как два года назад мы квартиру на Смоленке подломили. Там украшения и шкуры чернобурок взяли. Я через день один поехал на Тишинский рынок сбывать золотые женские часики. Там меня и взял с поличным на продаже краденых вещей этот опер Буров.

— А почему же тогда нас не арестовали?

— Буров предложил в обмен на свободу стучать. И я согласился ради тебя.

— Не гони пургу, Володя. Ты лично завалился на продаже часов. А при чем здесь моя свобода? Не складывается твоя песня.

— Тут и для меня многое непонятно. Тишинский рынок от нашего Арбата далеко. А брал меня на рынке именно Буров из нашего восьмого отделения милиции. Значит, информация о краже к нему от нашего окружения приплыла. Да и знал опер в деталях все обстоятельства нашего с тобой скока через чердак в квартиру. О том, что ты был со мной на краже, этот опер сразу объявил.

— Ну и что это означает?

— Кто-то из наших арбатских блатных ему настучал. Вот у меня и возникает вопрос: если я никому о краже не говорил, то, похоже, братиш-

ка, меня повязали из-за твоей болтовни. Вспомни, перед кем удачей похвастался. А меня винить нечего. Я оказался в безвыходном положении. Пришлось дать подписку о тайном сотрудничестве.

— И ради доноительства Буров тебе крупную кражу простил?

— Не совсем так. Этот легавый свой интерес в этом деле имел. Заставил поделиться с ним золотыми украшениями.

— Похоже, этот «мусор» глубже нас с тобою в незаконных делах погряз.

— Это так. Только и я от него свой интерес имею. У него в комиссионном магазине любовница на приемке работает. Буров через нее за хороший процент нам содействие оказывал при сбыте темных шмоток. В обмен я ему сдавал лишь мелких сявок. Зато с тобою на свободе ходим.

— Скажи, неужели этот борзый легавый сам лично с нами на дело пойдет?

— Еще впереди нас побежит. Очень уж он до денег жаден и боится, что мы утаим от него часть добычи. Сам хочет на месте в квартире барыши посчитать. А главное, именно он обеспечит нам бесшумный вход в квартиру.

— Это как же он ухитрится?

— Буров все продумал. Он этого доктора к себе в отдел вызовет. Покажет анонимное заявление о незаконной скупке золота, пригрозит серьезной уголовной статьей. Допросит официально старика. А вечером того же дня явится к нему в квартиру с обыском. И нас пригласит в качестве понятых. Как только войдем в квартиру, то без лишнего шума разведем

всех по разным комнатам и порежем. Все тщательно продумано.

— А если все-таки осечка выйдет?

— Так в нашем деле без риска не бывает. Вся подготовка на Бурове. Нам надо только дожждаться сигнала. С этого момента больше не пей. В любой момент можешь понадобиться. А я сейчас выйду, проветрюсь. Дай мне пятнадцать копеек. Надо позвонить оперу и объявить, что мы готовы.

Оставшись один, Борис крепко задумался. Его беспокоило, что именно он два года назад проговорился о совершенной вместе с братом краже. Он смутно помнил, как на следующий день пил вместе с Лопухом и его знакомым по зоне, которого тот впервые привел в их компанию. Еще с ними была дочка дворничихи Нинка из подвала. Тогда Борька сильно захмелел и непонятно по какому поводу поругался с приятелем Лопуха. Тот назвал Бориса мелким форточником. Он обиделся и предъявил золотой браслет как добычу с удачной кражи. Давние отрывочные воспоминания привели Бориса к однозначному выводу: «Этот приятель Лопуха и сдал меня с братом. Взял, сволочь, на понт. Заставил болтнуть лишнее. А теперь после убийства Лопуха в драке возле пивной его приятеля-стучака уже не отыщешь. Ладно, пусть живет, сучонок. Но если судьба сведет с ним на узкой дорожке, то спрошу по всей строгости».

О предательстве со стороны знакомой с детства Нинки он даже не подумал.

Когда оперуполномоченный Гурин появился утром в от-

делении милиции, ему приказали отправиться на место убийства семьи зубного врача. По пути к известному адресу Гурин едва скрывал раздражение: «Любит начальство на месте преступления народу много собрать. Только следы убийц в квартире затопчут. По столь громкому преступлению придется побегать. Пять человек загублено. Хотя глава семьи должен был понимать, что рискует, тайно скупая золото для зубных протезов. Но этот врач боялся ОБХСС больше, чем уголовников. И не угадал!»

Тщательно переступая через трупы в квартире врача, Гурин заглянул в кабинет, где на столе стояли многочисленные колбы и металлические формы для отливки заготовок. Вспомнив о проданном через Нинку трофейном перстне, сыщик подумал: «Здесь эскулап переплавил мой перстень со свастикой в золотой слиток, и теперь кто-то таскает во рту сделанные из нее коронки».

В этот момент сыщик еще не знал, что зубному технику понравилось оригинальное украшение, и он его сохранил. И вывезенный из поверженной Германии трофей вместе с другими ценностями стал добычей безжалостных грабителей.

Весть об убийстве и ограблении зубного врача скоро облетела население района. О жертвах говорили мало и без жалости. Жители окружающих домов лишь гадали о сумме похищенных ценностей. Им и в голову не приходило заподозрить в преступлении кого-нибудь из своих знакомых. А сыщики, из-за отсутствия серьезных зацепок, все более склонялись к вер-

сии о совершении массового убийства приезжими гастролерами.

А вскоре новое убийство взволновало жителей. В сквере обнаружили тело известного всей округе рецидивиста Владимира Земцова, застреленного в упор из немецкого браунинга. Дело сразу взяли на контроль в управлении, поскольку убитый Земцов был тайным агентом сыщика Бурова. Сам Буров настаивал на версии, что его осведомитель совершил ошибку, был разоблачен и казнен уголовниками за активную помощь милиции. Но Гурин и другие сыщики больше склонялись к возможности конфликта между ворами при дележе добычи. Для них не было секретом, что Земцов, поставляя информацию милиции, сам активно совершал преступления якобы для завоевания доверия у уголовников.

В отличие от гибели семьи врача, убийство Володьки Земцова взволновало жителей района. Володьку знали с детства, он был свой, арбатский парень, и люди сочувствовали его преждевременной смерти. Новые пересуды вызвало отсутствие на его похоронах брата Борьки. Никто его после убийства Володьки не видел. И подозрительные старухи во дворе даже предположили, что Володьку застрелил его родной брат и теперь скрывается.

Нинка слухам не верила, зная, как Борька любил и безоговорочно слушался Володьку. В день похорон она из любопытства пришла к дому братьев Земцовых. Когда из дома вынесли гроб и погрузили в кузов грузовика, Нинка посчитала, что главное зрелище закончилось, и направи-

лась к себе во двор. Едва она завернула за угол, ее окликнул из-за трансформаторной будки Борька Земцов. Он явно здесь прятался и не хотел, чтобы его видели вместе с Нинкой посторонние люди. Земцов взволнованно спросил:

— Ну что, братишку увезли на кладбище?

— Да, только что. Мать ваша очень переживает.

— Это ее материнское дело слезы лить. Слушай, я сейчас на прицеле у легавых. Накануне интересовались у матери, мог ли я убить брата. Сейчас устроили возле дома засаду. Сможешь меня приютить на одну ночь? У тебя в подвале меня искать не станут.

— Раз ко мне обратился, значит, тебя сильно припекло. Близкие мне ребята тебя сильно не любят.

— Сейчас не время чувствами считаться. Спрячь меня, и я в долгу не останусь.

— Ладно, пойдём. Я перед матерью отчета не держу. Пусть думает, что нового хахла привела. Ей не привыкать.

— Ладно, мне все равно. Нельзя, чтобы нас вместе видели. Ты иди, а я следом к тебе в подвал прошмыгну. Оставь дверь открытой.

Приведя Борьку к себе домой, Нинка решила Гурину об этом не сообщать, пока не выяснит до конца причину нежелания парня попадать в руки милиции. При появлении гостя Власиха привычно заворчала, осуждая привод дочью нового любовника. Но Борька достал из кармана несколько смятых пятирублевых и предложил Нинке сбежать за водкой и закуской. Это сразу настроило Власиху на мирный лад, и она поставила на кerosинку кастрюлю для варки картошки.

После возвращения Нинки из магазина долго, до самого вечера, отмечали встречу.

Нинка первая встала из-за стола и накинула старое одеяло на протянутую через всю комнату веревку, отгородив от матери свой собственный уголок. Пригласив гостя за сооруженную ширму, Нинка небрежно бросила на пол старую, выброшенную жильцами на помойку шубу и строго указала:

— Ляжешь здесь рядом с моей кроватью. Я сегодня устала. И, чур, ко мне не приставать, а не то получишь по темени вот этой железной миской. Тебе на сегодня обещан только ночлег.

— Как скажешь, так и будет. Ты нынче банкуешь.

Нинка, скинув юбку, прямо в кофте юркнула под шитое из отдельных лоскутов одеяло. Но сразу заснуть не смогла, чутко прислушиваясь к беспокойному дыханию скрывающегося от милиции парня. Внезапно Борька привстал и дрожащим от напряжения голосом попросил:

— Слушай, Нинок, ты мне всегда нравилась, хоть и с чужой компанией дружбу водила. Пусти меня к себе. Может, у меня последний шанс в жизни с красивой девчонкой всласть побаловаться.

Некоторое время Нинка молчала, вслушиваясь в тревожное сопение парня: «То, что я ему нравлюсь, это он правду говорит. Но только ему сейчас любая баба желанна, и он хочет свой страх погасить близостью со мной. Ну и ладно. Если урку повяжут, то будет меня добрым словом за решеткой весь срок вспоминать».

И Нинка решительно отодвинулась к стене, сбросив с себя

одеяло. Обрадовавшись безмолвно выраженному согласию, Борис поспешно прилег рядом.

Рано утром Власиха вышла на уборку двора, и снаружи долетало ритмичное шарканье метлы. Встав после сна, Борис оделся и обратился к хозяйке с просьбой:

— Слушай, Нинок, спасибо тебе за все. Сегодня я должен смотаться из столицы. Но сначала нужно провернуть одно важное дельце. Для этого нужна твоя помощь.

— Нет, Борис, меня в свои уголовные дела не впутывай. Я снова в тюрьму не хочу. Можешь меня не уважать, но мое дело теперь — сторона.

— Я тебе и не предлагаю «Военторг» грабить. Ты мне принеси сюда тайный заклад с чердака нашего дома. Я там появиться не могу: легавые повсюду крутятся. А ты как будто к подруге в гости идешь, поднимешься на последний этаж. Петли замка на двери, ведущей на чердак, давно сорваны. Там под балкой, справа от входа возле слухового окна на крыше, старый школьный портфель спрятан. Возьмешь его и принесешь сюда. Ступай прямо сейчас. Но действуй осторожно, с оглядкой, чтобы легавых псов сюда не привести. Если согласна, то в обиде не будешь.

— Ладно, жди здесь, я через полчаса вернусь. Покружу немного, чтобы убедиться, что все вокруг свободно.

Тайник Нинка обнаружила быстро. Щелкнув замком, заглянула в потертый от времени портфель и присвистнула от вида пачек денег, сверху которых лежал пистолет «ТТ». Взяв в руки оружие, обнаружила спиленный номер и положила: «Братья Земцовы

не зря числились в фатовых. Пистолет явно в кровавом деле побывал, если не поленились цифры с железа удалить. Володьку накануне закопали, и теперь весь навар достанется Борьке. Не бедняком убежит он из Москвы. Для доклада Гурину попытаюсь выяснить у Борьки детали его дел с братом».

Нинка, осторожно озираясь, направилась к себе в подвал. За ней явно никто не следил. Увидев портфель, Борька заглянул внутрь:

— Похоже, все на месте. Вот, Нинка, возьми себе часть денег за услугу.

— Брось гнать пургу, Борис. Я не шалава вокзальная за ночные ласки деньги брать. А доставка портфеля — услуга плевая и никакой оплаты не требует.

— Ты, Нинка, в бутылку не лезь! Деньги эти легко нам с Володькой достались. Сама знаешь: как пришли, так ушли. Мне их не жалко. А я еще и сам не знаю, останусь к вечеру на свободе или за решеткой буду сидеть. Эти деньги, возможно, мне и нужны не будут. Так что возьми часть на модное барахло. Я тебе их не за ласки, а за твою воровскую выручку даю. Я сейчас уйду, и вряд ли когда свидимся. В Москву уже до конца жизни не вернусь. Сибирь — она большая, и с нее, как и с Дона, возврата нет.

— А что все же случилось? Объясни, в чем дело?

— Тебе я доверяю. Это мы с братом и с опером из восьмого отделения милиции семью зубного врача вырезали. Золота взяли много. Легавый сыщик всю добычу у себя оставил. Обещал справедливо поделить и через

три дня отдать нашу долю. Володька с ним в назначенное время созвонился. Опер велел около полуночи подойти нам с братом для расчета к Собачьей площадке. Но Володька заподозрил подвох и пошел на встречу один. Я спрятался неподалеку и видел, как продажный «мусор» в упор расстрелял Володьку из пистолета. А потом напрямик к нам домой помчался. Меня не нашел, только маманю зря напугал. Наверняка хочет меня тоже завалить, подкинуть на мой труп золотую цацку с налета на врача и вину на меня списать. Потому и скрываюсь. А портфель с записочкой еще со старых дел хранится и к убийству врача отношения не имеет. Я тебе об этом опере рассказал, чтобы хотя бы один человек на Земле знал о моей невинности в смерти брата. Ну все, я пошел. Передай знакомым ребятам, чтобы не поминали лихом.

— Ты погоди себя хоронить. Может, все обойдется.

— Это вряд ли. Хотя я и удачливый парень. Но дело мне предстоит очень уж рискованное. Ну, как говорится, долгие проходы — лишние слезы.

Во внезапном порыве Борька прижал Нинку к себе и, тут же устыдившись слабости, вышел из подвала. Нинка взяла со стола подаренные ей деньги и заботливо спрятала за висящий на стене рукомойник. Другого места для укрытия ворованного добра среди убогой обстановки подвала у нее не было. Она не спешила сообщить Гурину данные об убийстве семьи врача. Полученные за легкую услугу деньги требовали для справедливости дать Борьке шанс скрыться из Москвы. И Нинка отложила встречу с сыщиком до вечера.

«Этого времени вполне достаточно, чтобы Борька смотался отсюда подальше. А если он не успеет, то кто не спрятался, я не виновата».

Выслушав при встрече рассказ Нинки, Гурин испытал сомнение: «Земцовы могли совершить массовое убийство. Но участие в кровавом деле нашего сыщика не укладывается в голове. Но если Земцов сказал Нинке правду, то это мог быть только Буров, на связи у которого состоял старший из братьев. К тому же у бывшего фронтового интенданта вполне мог незаконно храниться трофейный браунинг. Подозрительно и предположение Бурова о причастности к убийству Володьки его родного брата при дележе воровской добычи. Похоже, все сходится на Буrove, а доказательств его вины нет. Похищенные золото и деньги он наверняка надежно спрятал. Но не мне решать, как поступить с полученной информацией».

И он направился на доклад к начальнику уголовного розыска Петрову. Тот сообщению сыщика не обрадовался:

— Брось, Гурин, верить пустым бабским сплетням. Буров, конечно, не сахар, но и он со своей жадностью на такое смертоубийство не пошел бы. Я ясно выражаюсь? Надеюсь, у тебя хватит ума при оформлении агентурного сообщения ограничиться упоминанием об убийстве семьи врача лишь братьями Земцовыми? А о возможном участии нашего сыщика в этом деле — ни слова. И в будущем без весомых доказательств ко мне не приходи с подобными небывалицами. Все, иди и работай!

Вернувшись к себе в кабинет, Гурин призадумался: «Петров не хочет подставляться. Если

вскроется факт участия в массовом убийстве подчиненного ему сотрудника, то он слетит со своей должности за отсутствие контроля. Но и я не могу забыть о полученной информации. А что если вызвать огонь на себя и сообщить Бурову о возникших у меня подозрениях? Он наверняка пойдет на мою ликвидацию. Нет, это слишком опасно. К тому же при таком варианте не докажешь причастность Бурова к налету на квартиру врача. Надо придумать другую ловушку».

Еще не зная, как поступить в дальнейшем, Гурин вышел в коридор. Навстречу ему шел озабоченный Буров с перевязанным белой тряпкой указательным пальцем. Увидев направление взгляда Гурина, небрежно пояснил:

— Вчера резал селедку на закуску и порезался. Пустяки.

— Ничего, до свадьбы заживет.

С трудом выдавив стандартное утешение, Гурин возле лестничной площадки оглянулся. Заметив, как Буров поспешно вошел в туалет, Гурин, повинувшись сыскному инстинкту, поспешил следом. Едва войдя в узкое полутемное помещение с умывальником и кабинками, он увидел Бурова, который снял повязку и старательно намыливал куском мыла палец с надетым на него массивным золотым перстнем. На миг смутившись, Буров счел нужным объяснить:

— Про порез я соврал. Наткнулся вчера в комод на колечко, привезенное мной с фронта. Решил примерить. Да не рассчитал: поправился я в мирное время. Палец распух, и теперь не могу избавиться от проклятого фашистского орла. А носить перед

людьми эту гадость стыдно. Ты не поможешь?

Гурин молча кивнул. Намылив палец, он, не обращая внимания на стоны и ругательства Бурова, сумел стянуть перстень с пальца. Буров облегченно вздохнул:

— Спасибо, земляк. А то я плохо терплю боль и щадил себя, пытаюсь стянуть колечко с пальца. За удачное избавление с меня стакан.

— Предложение принимается. А перстенок у тебя приметный, с вмятиной над головой хищной птицы. Где достал такой?

— В конце войны колечко ко мне прибилося. Подвалил ко мне лейтенант из пехоты. Сообщил по секрету, что он со своими ребятами договорился с девчонками из санбата большой сабантуй устроить. Предложил этот перстень в обмен на тушенку и литр чистого спирта. Молил осуществить обмен. Очень уж надеялся в этот вечер на любовные утехи. Я ему выдал требуемое довольствие. Только в разгар пира подъехали на виллисе парни из фронтовой разведки. Против них не попрешь. И оказался лейтенант при своих интересах. Ну а перстенок мне на память остался.

— Любишь, ты, Буров, травить байки про свидания с фронтовыми подружками. А украшение все же спрячь подальше от неприятностей. Фашистский знак хранить у себя опасно. Ну, я пошел. Не забудь про обещанный магарыч.

— За мной не заржавеет. А тебя попрошу: не болтай лишнего про мой трофей. А то и впрямь инспектора из особого отдела от меня объяснения потребуют.

И, спрятав перстень во внутренний карман пиджака, Буров покинул туалетную комнату. Немного выждав, следом за ним вышел Гурин. Он бы потрясен: «Вот все и сошлось. Нинка сказала правду. Участвовал наш Буров в налете. Пойду опять к Петрову. Теперь он будет вынужден принять меры. Стоп! А как я объясню опознание мною перстня? Ведь придется сознаться, что я лично вывез в обход закона из Германии золотой перстень, да еще через своего агента продал его дантисту. Нет, придется мне повременить и добыть другие доказательства вины Бурова».

Так и не дойдя до кабинета начальника, Гурин развернулся и пошел прочь. Его собственная вина перед законом не позволяла изболтать коллегу в массовом убийстве. В голове Гурина рождались новые варианты поиска доказательств вины Бурова. Но все они сводились к одному: надо опередить Бурова и поймать Борьку Земцова, заставив дать правдивые показания. Иначе Буров ликвидирует опасного свидетеля — и концы в воду.

Решив выяснить, как далеко продвинулся Буров в поисках Бориса, Гурин зашел в соседний кабинет. Но Бурова на месте не было. Его напарник пояснил:

— Убежал недавно Буров, получив важное сообщение по телефону. Он даже в лице переменялся, вытащил пистолет из сейфа и загнал патрон в ствол. Я предложил помощь, но он отказался. Сказал, что дело предстоит строго секретное. А я думаю, очередной пустяк. Ты же знаешь: Буров может из мухи слона сделать и торговать несуществующими бивнями.

В этот момент в кабинет вбежал дежурный:

— Только что на углу Кривоколенного переулка была перестрелка. Нашего Бурова убили, преступник скрылся. Начальник велел всем туда подтянуться.

Гурин вместе с другими сыщиками поспешил на место происшествия. Буров лежал на спине с прострелянной грудью. Его открытые глаза бессмысленно смотрели вверх. Рядом валялся выпавший из обессиленной руки служебный пистолет «ТТ». До приезда следственной группы Гурин успел обследовать карманы погибшего сыщика. Кроме служебного удостоверения и небольшой суммы денег ничего не обнаружил. «Перстень убийца взял на память о совершенном возмездии. Кроме Борьки, это сделать было некому. Попытаемся перехватить его на вокзалах при выезде из города».

Эксперт-криминалист, исследовав гильзы с места происшествия, дал заключение, что стреляли друг в друга Буров и его убийца с расстояния в семь метров из пистолетов «ТТ». Шансы у них были равные, но не повезло сыщику.

В последующие дни Бориса Земцова найти не удалось. Он исчез и в Москве никогда больше не появлялся. Где он закончил свои дни, неизвестно.

А Бурова похоронили с почестями как офицера, погибшего при исполнении служебного долга. Никакого золота в его доме не нашли. Скорее всего, он успел его передать своей любовнице, работающей в комиссионном магазине. Начальник уголовного розыска Петров на похоронах горячо и с надрывом говорил, что погибший в схватке с преступником Буров будет вечно слу-

жить примером для молодых сотрудников.

Гурин благоразумно молчал об известных ему фактах. Через три года он глупо погиб, выехав разбираться с обычным семейным скандалом. Пьяный мужик неожиданно всадил в него кухонный нож. После его смерти Нинку вызвали в восьмое отделение милиции и предложили продолжить секретное сотрудничество. Но она отказалась, сказав, что доверяла лишь Гурину, а с другими работать не хочет. Сыщики особо не настаивали, и Нинка постепенно отошла от дел, избегая блатных компаний. Ей скоро должно было исполниться тридцать, и она захотела обзавестись нормальной семьей, мужем и детьми.

Нинке повезло. Однажды прямо на Арбате к ней подошел моряк торгового флота и предложил вечером улететь вместе с ним во Владивосток. Клятвенно обещал зарегистрировать брак сразу после приземления. Мужик был симпатичный, одет прилично, хотя и пахивал спиртным. И Нинка, не раздумывая, согласилась. Забежав в подвал, быстро собрала вещи и без сожаления покинула опостылевшую ей столицу. Морячок не обманул и повел после переле-

та в ЗАГС. Нинка родила ему двух девочек. В Москве она долгие годы не появлялась.

Власиха так и не дождалась приезда дочери с внучками. Она умерла внезапно от инфаркта, выронив из рук метлу. Деньги на похороны собирали всем домом. После кладбища устроили поминки прямо во дворе. Говорили о Власихе теплые слова. А старик Куфлевич громко каялся от лица всех жильцов, что при жизни не оказывали должного почета скромной труженице. Затем поминки плавно перешли в веселое гулянье с шутками и хоровым пением. Жильцы еще долго вспоминали коллективное прощание с Власихой как яркое событие в их жизни.

Нинка на похороны матери не успевала и поэтому предпочла вообще не приехать. Но через много лет, находясь проездом в Москве, навестила старый двор. Их подвал переоборудовали в продуктовый магазин. Нинка несколько минут стояла, молча вглядываясь в мраморные ступени, ведущие вниз к ярким витринам с заморскими деликатесами. Внутри она заходить не стала. Здесь, во дворе, уже ничего не напоминало о ее прошлой жизни. На какое-то мгновение Нинке даже пока-

залось, что прежние блатные компании, тюрьма, тайное сотрудничество с милицией были не с ней, а с другой, молодой и неопытной девчонкой, привезенной матерью из деревни. И, окончательно порывая с прошлой жизнью, она, не оглядываясь, покинула изменившийся до неузнаваемости московский дворик.

* * *

Люди, торопливо проходящие мимо красочно обновленных фасадов арбатских домов, даже не подозревают о прозябании в сыром подвале в середине прошлого века трудолюбивой дворничихи Власихи и ее шальной дочери Нинки.

Впрочем, и в более поздние времена с моими жильцами продолжали происходить трагические события. Так, на протяжении многих лет обитатели одной из квартир на шестом этаже часто сменяли друг друга, спеша покинуть место, где постоянно попадали в неприятные ситуации. И досужие сплетницы в доме всерьез приписывали их несчастья сглазу и козням нечистой силы. Об истории этой роковой квартиры я и хочу рассказать.

Продолжение следует.

Ирина МИРОНОВА

О себе

Родилась в 1976 году. Живу в г. Копейске Челябинской области. В 1998 году окончила филологический факультет ЧелГУ, в 2015-м — факультет коррекционной педагогики ЧГПУ. Работаю в средней школе учителем русского языка и литературы, логопедом. С 2010 года пишу рассказы, в основном юмористические.

ХАЛАТ

ИЗ ЖИЗНИ ГОРОЖАНИНА

Скажу вам честно, как на духу, очень меня стали раздражать походы в магазины одежды. А еще больше продавщицы, которые там работают. Прямо, заразы такие, культурному человеку насладиться покупкой мешают. Не дают, как говорится, почувствовать себя хозяином положения. Хочет покупатель спокойно ходить по отделам, знакомиться, так сказать, с товаром, рассматривать других посетителей да кошелек свой время от времени пощупывать. Ан нет! Стоит только на пороге появиться, как сразу: «Чего желаете? Что вас интересует? Что вам подсказать?» Коже понятно, что и желаю, и интересует, раз к вам заглянул, а не в соседнюю рыбную лавку. Только вот подсказывать лучше не надо, сам как-нибудь разберусь.

Вот и в этот выходной произошла весьма забавная история. Надо было мне галстук к новой рубашке приобрести. Зашел в магазин взглянуть, так сказать, на ассортимент. И тут же продавщицы со всех сторон понабежали, заголосили и моментально закидали меня галстуками разных расцветок, фасона, размера. Я просто задохнулся в них. Рта не давали мне раскрыть. Все вязали и вязали их у меня на шее. В итоге купил один, подходящий, по моему мнению, к новой рубашке, и три подходящих, по мнению продавщиц, к моим

глазам. На кассе было задался вопросом, зачем столько галстуков-то купил. Но, посмотрев в глаза кассирши, понял, что еще легко отделался. И кто учит этих так называемых торговых работников добрым людям свое нахальное мнение навязывать? И тут будто меня кто за язык дернул. Уже у порога спросил, прищурившись: «А нет ли у вас в продаже махрового халата? Всегда, знаете ли, мечтал такую одежду в гардеробе иметь». Оказалось, что есть, даже импортный, и он, как выяснилось, только меня и дожидался.

Халат, действительно, роскошным оказался. Прямо утонул в нем, снимать стало жалко. «Что ж, — думаю, — делать? До зарплаты еще две недели». Аж слезы на глаза навернулись. «Ладно, — утешил я себя, — один раз живем. Имею я право в такой халат время от времени заворачиваться». Короче, купил я его, правда, галстучки пришлось обратно вернуть: чуть-чуть наличных не хватило.

Ну дома, само собой, разные настроения начались. Теще халат понравился, только смысла она в нем особого не узрела. Как я ни доказывал важность этого предмета в гардеробе — не поняла. «Лучше бы, — говорит, — десяток полотенец купил». Жена, конечно, надулась, что не ей такую красоту приобрел. Но ненадолго. Я пообещал со следующей зарплатой какой-нибудь красивой ве-

щицей ее порадовать. В общем, друзья, началось у меня новое существование. В халате. Вся жизнь разделилась на две половины: до халата и после халата. «Надо же, — думаю, — капиталисты проклятые, как холить себя научились. Простая майка и трико их не устраивает, махровый халат подавай».

Вечером принял водные процедуры, надел обновку и вышел в гостиную. Все прямо ахнули, не узнали, говорят, своего Василия. А я и сам себя не узнал. Захотелось сразу на тахту прилечь, расслабиться. Что и сделал.

Теща как по команде свет приглушила, жена чашечку чая с лимончиком принесла. Я прямо весь обмяк. «Ну, — думаю, — жизнь. И как это я все время без халата обходился?» Лежу, всякие приятности думаю. Мечтаю, так сказать. Теща с женой вокруг меня на цыпочках ходят. Так и остался спать на тахте. Утром проснулся, халат рукой погладил, как близкого родственника.

И до того мне жалко стало с ним расставаться, что решил не ходить сегодня на работу. Жена, конечно, удивилась, но подумала, что я немного прихворнул. Теща весь день за мной ухаживала: то газетку подаст, то тарелку борща поднесет. Короче, начал я жить как барин. Лишний раз двигаться стало неохота.

День лежу — не двигаюсь, два — не двигаюсь, неделю — не двигаюсь. На работе за прогулы грозились уволить. А я, верите, уже с тахтой сроднился. «И что, — думаю, — раньше бегал, суетился. Лежал бы себе в халате, философствовал». Теща с женой, понятное дело, начали недовольство проявлять. Они-де работают, меня обслуживают, а я лежу, дескать, и в ус не дую. А я и правда совсем расслабился, рукой и ногой пошевелить не могу. До того вообще лень навалилась, что с боку на бок повернуться — целое событие. Все лежу на спине, гляжу в потолок, о жизни рассуждаю. Красота!

Жена, правда, вместе с тещей меня с философской мысли сбивать начали. «Мы, — говорят, — не холопы, а ты — не барин, чтобы мы на тебя работали. Или скатывайся со своей тахты, или мы тебя выставим на улицу». Не поняли, отсталые элементы, что это халат на меня такую негу навел. Жена говорит: «Раз такое дело, убирай его с глаз долой, а то разорву». Пришлось подняться с насиженного места, брэнное свое тело из халата вытрясти. Похоже, никак не подходит нашему человеку ихняя заграничная одежда. Прямо расслабляет, мешает, так сказать, на рабочих буднях сосредоточиться.

«Ну, — думаю, — куда ж я дену халат-то? Не жене же на ремни оставлять». Завернул его, чуть не плача, в пакетик, решил по дороге на работу опять в магазин отдать. Но не тут-то было. Продавщица, заразы такие, как сговорились, круговую оборону заняли. «Не принимаем, — говорят, — купленную вещь обратно, тем более халат ваш изрядно поистаскался за это время». Совсем я духом пал. Ну не выбрасывать же его!

На работу расстроенный приехал. Бухгалтер наш, Петр Сергеевич, в положение мое вошел, купил халат за полцены.

Вырученные деньги я все-таки на галстуки потратил: приобрел один, подходящий, по моему мнению, к новой рубашке, и три подходящих, по мнению продавщиц, к моим глазам.

А Петр Сергеевич на следующий день на работу не вышел...

Дорогие соотечественники, время сейчас непростое, а потому всем жителям земли здравомыслящим, добрым, справедливым, не эгоистам и не ненасытным только личным выгодам и гордецам, и самохвалам, а именно честным и добросовестным людям надо все сделать, что только можно, чтобы не разгорелся мировой пожар...

...Если Вы посчитаете нужным, то напечатайте мое стихотворение, только напишите мою фамилию и имя и больше ничего кто этот автор и откуда он...*

Будь бдительна, Россия!

*...Ликуй, Россия, но учти, что враг
Еще живой и хочет воевать,
Крови напиться на свой риск и страх,
Чтобы господство в мире отстоять.*

*Будь бдительна, Россия! Не усни, —
К своей защите будь всегда готова:
Весь мир переживает не простые дни,
Быть может взять оружие придется снова?!*

Иван Гринев, Ванкувер

*Орфография оригинала

Галка ГАЛКИНА:

Иван, «сингал» принят. Мы тоже встревожены. Не на шутку. И вот, чтобы не уснуть, читаем Ваше послание народам.

А еще надобно разбудить всех по списку, как советовали классики марксизма-ленинизма: декабристов, Герцена и т. д.

Правда, тут же встал самым решительным ребром вопрос: надо ли после того, как разбудим Герцена, ждать, чтобы он развернул революционную агитацию, или не ждать?

Буря, Иван, — это движение масс!

Массы, как свидетельствует Ваше письмо, уже проснулись. Теперь главное — ее *подхватить, расширить, укрепить и закалить!*

Готовы выехать в Ванкувер для того, чтобы возглавить движение масс в запсевшей в буржуазной пропаганде Канаде!

Канада, очнись!

Проснись, Канада!

Пока не поздно, клен ты мой кудрявый!

Иван, просьба оплатить перелет и проживание, чтобы мы показали Канаде кузькину мать, если она еще ее не видела!!!

Проказник* ГЕО, человек-санкция

ГРИБОЧКИ И ПЕНЕЧКИ

- ❖ В лесах Скандинавии меня продинамили!
- ❖ А где Ниагара, там нету навару!
- ❖ А там, где Невада, мне ничего не надо!
- ❖ Раз пошел я по грибы,
встали грабли на дыбы!
- ❖ Раз пошел я по чернику,
а куда идти — не вникну!
- ❖ Пни, болота и осина,
нету даже магазина!
- ❖ Как-то с милкой во стогу
навострял я острогу!
- ❖ А потом вошел во мхи,
нахлебался там ухи!
- ❖ Опочки, апочки, рябчик мне до лампочки!
- ❖ А в Карелии лососи загорают на откосе!

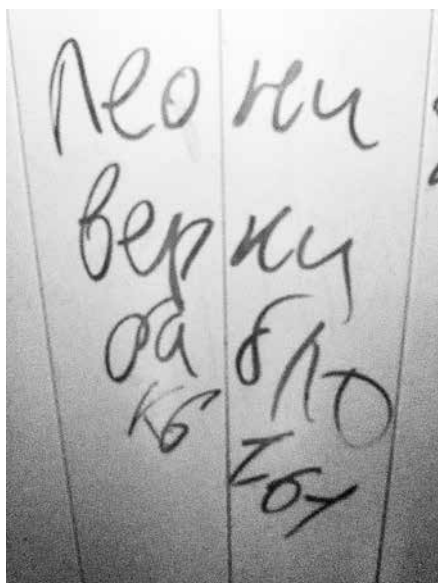
Фаза месяца:

Все ртаки!

В НОЧНОЕ!

- * Звезды светят ярко-ярко,
приходит ко мне, доярка!
- * Ну уж разом и дояр выходи на крутояр!
- * А во враге дядя Нил
напахался, свет не мил!
- * Во саду ли, в огороде
выросли арбузы вроде!
- * А в пруду-то все налимы,
подлецы и подхалимы!
- * Ходят волки по полянам,
воют с голоду: коня нам!
- * Ходит, бродит дядя Фрол,
борозду переборол!
- * Кто там ходит в темнотище
и, зевая, что-то ищет?
- * Про находки, про потери
токовали и галдели!
- * Разгорелся наш костер,
к стогу польмя простер!

PHOTOSTOP

© Фото Игоря МИХАЙЛОВА

* Мужик — проказник,
работает и в праздник (народная мудрость).

SMS'ка, отправленная в ЕС:

Нассанкции!